

ИРИНА ИЗМАЙЛОВА

ТРОЯ

ДЕСМО

Ирина Измайлова

**Троя. Герои Троянской
войны. Книга 1**

«Яуза»

Измайлова И. А.

Троя. Герои Троянской войны. Книга 1 / И. А. Измайлова —
«Яуза»,

На фоне реальных исторических событий, знакомых нам лишь по древнегреческой мифологии, разворачивается действие этого фантастического остросюжетного романа. Автор превращает мифологических героев в живых реальных людей с реальными характерами, но дает им несколько иную судьбу, чем неведомые нам создатели древнегреческих мифов. Из существующих вариантов известного предания о Троянской войне, на основе которых было создано множество литературных произведений, гомеровская «Илиада» была более гениальной, чем остальные, но не более верной исторической правде, которой мы попросту не знаем...

© Измайлова И. А.

© Яуза

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	32
ЧАСТЬ II	38
Глава 1	38
Глава 2	41
Глава 3	45
Глава 4	51
Глава 5	55
Глава 6	62
Глава 7	66
Глава 8	70
Глава 9	73
Глава 10	81
Глава 11	85
Глава 12	89
Глава 13	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Троя. Герои Троянской войны

Книга 1

ЧАСТЬ I

УЧЕНИК КЕНТАВРА

Глава 1

Лес постепенно отступал, уступая несильной крутизне склона. Все реже стояли буки и вязы, оплетенные буйно цветущими выюнами, жимолость и кипарисовый кустарник рассыпались на редкие кущи, сменяясь колючими чащами кизила, за которыми желтели вызолоченные солнцем прогалины и на них – редкие низкорослые сосны. Теплые плоские камни подставляли ладони мхам и лишайникам. Воздух к полудню нагрелся и дрожал, сладкий от цветов и пряный от сосновой смолы.

Тропа, выбитая копытами коз и газелей, то пропадала среди кустов, то вновь появлялась, изгибаясь меж широких плоских камней, запятнанных разноцветными лишайниками, то вырывалась на свободное пространство и тогда становилась еле различимой на плотной, обметенной ветрами земле пологого склона.

По тропе, вместе с нею взбираясь все вверх и вверх, шли два мальчика. Оба в коротких светлых туниках, подпоясанных плетеными ременными поясами, в сандалиях с высокой шнуровкой, каждый – с луком и колчаном за плечами. У пояса, в кожаных ножнах, болтались ножи с рукоятью из рога дикой козы и небольшие тростниковые плетенки.

У того, кто шел первым, лук был настоящий, взрослый, мощный и тугой, у второго – детский, с более тонкой тетивой и легкими, короткими стрелами. Из него можно было, пожалуй, сбить на лету горлицу или перепелку, но вряд ли стоило целиться в более крупную дичь.

Первый мальчик казался старше своего товарища – он был ростом с тринадцатилетнего подростка, широкоплечий, мускулистый, но вместе с тем гибкий, как пантера. У него была твердая мужская походка и при этом почти бесшумный шаг охотника. Свой тяжелый лук он нес легко, будто не чувствуя его веса. Выдавало мальчика лицо – румяное, пухлое, окруженное крутыми волнами черных как уголь волос, и взгляд больших светло-карих глаз, совершенно детских, широко раскрытых, радостно и удивленно смотревших то на порхающих меж кустов больших разноцветных бабочек, то на изумрудных ящериц, гонявшихся друг за другом по плоским камням. Казалось, мальчику больше всего хочется свернуть с тропы и кинуться их ловить. Ему было чуть больше семи лет, и он вовсе не старался притворяться взрослым, просто так получилось, что все время приходилось быть взрослее, чем ему хотелось...

Его товарищу, тому, кто шел позади, не дали бы ни больше, ни меньше его одиннадцати лет. Это был худощавый подвижный мальчишка, с круглым веселым лицом в веселых рыжих веснушках. Каштановые волосы курчавились вокруг головы большим облаком, совершенно не подчиняясь тонкому ремешку, которым он их пытался подвязать. Серые озорные глаза улыбались, и с розовых, немного потрескавшихся губ тоже не сходила улыбка. Он нес ивовую плетенку, от которой исходил нежный медовый аромат, привлекая диких пчел – они то и дело по двое, по трое подлетали и вились вокруг сумки, заставляя несущего ее отмахиваться с приторным испугом.

Мальчики прошли уже немало, и если того, кто шел впереди, дорога совершенно не утомила, то его товарищ начал уже спотыкаться на некрутом склоне. Наконец, он не выдержал.

– Ахилл, послушай! – окликнул он друга. – Может, отдохнем? Можно посидеть в тени, выпить молока и съесть по медовой лепешке. Не то пчелы скоро съедят меня!

Младший остановился и обернулся с виноватым видом, только теперь сообразив, что его друг, наверное, устал...

– Патрокл! – Голос у него тоже был детский, звонкий и высокий. – Ну, Патрокл, теперь ведь совсем близко... Мы уже почти пришли. Там течет ручей, и мы сможем умыться, когда поедем. А то вымажемся медом, и будут к нам лезть не только пчелы, а и все мухи! Мы выкупаемся. А потом я тебе покажу все места, где я ставил силки, и барсучьи норы, и озеро, где я стреляю гусей. И когда я буду жить там – ну, в горах... ты сможешь охотиться без меня.

Эти слова погасили веселую улыбку Патрокла. Ему стало грустно.

– Да... Ведь уже скоро! А это далеко, Ахилл, да? Та пещера, в которой ты теперь будешь жить?

Младший пожал плечами.

– Да нет, не очень. Я и сам ведь там еще не был... Отец говорит, мы поедем туда после праздника Диониса. Я буду приходить вниз на все праздники и состязания, и просто к отцу. И к тебе... И ты, наверное, сможешь иногда приходить ко мне.

Патрокл содрогнулся.

– Приходить туда? Туда? К кентавру?!

Ахилл засмеялся.

– Да нет же! Отец сказал, что Хирон вовсе никакой не кентавр. Просто он живет один, и его лет сто никто не видел... – И, подумав, для надежности добавил: – А если и кентавр, то что? Говорят, они тоже бывают добрые...

Старший мальчик вздохнул и поднял опущенную было на землю плетенку.

– Пойдем. Знаешь, Ахилл, даже если он кентавр, даже если он злой, я все равно буду к тебе ходить. Честно. Ты же будешь там скучать?

– Буду.

Еще некоторое время они шли молча, вверх и вверх по некрутому склону. Патрокл задумчиво отгонял рукою пчел, все так же атаковавших его плетенку.

– Слушай, Ахилл! – наконец, не выдержал он. – Отчего, все-таки, твой отец тебя туда отправляет? Отчего отдает на воспитание кентавру... ну, ладно, не кентавру, ну... этому старику, которого никто не видел? Так хотела твоя мать, да?

Младший слегка шмыгнул носом.

– Откуда я знаю, чего она хотела? Я ее так и не видел. Отец так говорит... Говорит, так нужно, чтобы меня всему научить. А, может, он меня боится, вот и отправляет...

Маленький Ахилл был бы рад не произносить слов, которые у него вдруг вырвались, но он не умел ни врать, ни притворяться. Совсем не умел, и уже стал понимать, что научиться этому труднее, чем метанию копья или верховой езде...

Но Патрокл слишком хорошо его знал. Он не стал ни удивляться, ни спорить.

– И я об этом думал, – с недетской серьезностью сказал он. – Ему все говорят, что ты слишком сильный и совсем ничего не боишься. Все говорят, что ты можешь... можешь...

– Могу вырасти страшный-страшный и стану всех убивать, потому что не знаю своей силы! – закончил Ахилл мысль друга. – Отец тоже так думает, хотя мне не говорит. Он боится. И я боюсь. А Хирон... про него так говорят, он может научить... ну, чтобы я не вырос такой страшный, чтобы у меня все было нормальное. Понимаешь?

– У тебя и так все нормальное, – обиделся за друга Патрокл. – Ты же никому ничего плохого не делаешь! Я вот тебя несколько не боюсь. Ни капельки!

– Спасибо. Но это только ты...

Он грустно вздохнул, а Патрокл вдруг расхохотался. Когда он смеялся, смеялись все его золотистые курчашки, и все веснушки.

– Вот еще, тебя бояться! Вот дураки! Наоборот – это с тобой я никого не боюсь! Ахилл, а, может, я тоже вырасту очень сильный? Ну, не такой, как ты, но сильный-сильный? Как ты думаешь?

– Конечно вырастешь! – убежденно проговорил мальчик, – И мы с тобой будем самые знаменитые богатыри, и...

За этим разговором они прошли еще немного, и за густыми зарослями, показавшимися по другую сторону широкой каменистой прогалины, действительно послышалось тихое журчание ручейка.

– Пришли! – с облегчением воскликнул второй мальчик и, взмахнув плетенкой, рванулся вперед, собираясь опередить своего друга.

Но тот вдруг остановился и так резко схватил товарища за руку, что Патрокл едва не упал. И тут же увидел, как мгновенно изменилось лицо Ахилла – беззаботное детское выражение разом исчезло, взгляд стал жестким и сосредоточенным, губы слегка сжались.

– Что? – сразу перейдя на шепот, спросил Патрокл.

Ахилл не отвечал, всматриваясь и вслушиваясь, напряженно застыв на месте. Он определенно что-то видел в колыхании ветвей и мелькании солнечных пятен среди кустов, и его острый слух уже уловил какие-то необычные звуки среди журчания воды, птичьих голосов и шороха листьев. Но больше всего ему, кажется, сказал воздух: ноздри мальчика расширились, дрогнули, как у охотничьего пса, и тотчас рука скользнула к плечу, к жесткому изгибу лука.

– Встань позади меня, Патрокл, – твердым, совершенно взрослым голосом произнес он.

– Что там, Ахилл, а?

– Лев¹, – не поворачивая головы, – ответил тот. – В овраге, возле родника.

Краска сошла с веснушчатых щек Патрокла. На миг потеряв голову от страха, как любой ребенок при упоминании страшного зверя, он тут же сам вцепился в локоть товарища.

– Бежим! Бежим скорее!

Ахилл снял лук с плеча и спокойно, тоже по-взрослому, качнул головой.

– Тогда он нападет на нас сзади. Он нас уже не отпустит. Смотри!

За пыльными, серо-зелеными ветвями кизила мелькнула и задвигалась большая желтая масса. Острый запах хищника, который первым уловил своим тонким обонянием Ахилл, теперь достиг и ноздрей Патрокла. В кустах справа зашуршало, треснула ветка, и две птички с писком выпорхнули из ветвей и пронеслись над поляной. Ахилл быстро повернул голову в сторону, его рука тверже стиснула лук, тогда как другой рукой он уже вытаскивал стрелу из колчана.

– Лукавый Пан!² – сквозь зубы процедил он, – Точно... Лев там не один! С ним львица. Тут уж точно не убежишь! Стой ближе ко мне, Патрокл, очень тебя прошу!

Как ни странно, страх Патрокла вдруг прошел. То ли на него подействовало спокойствие друга, то ли, что вернее, на смену ужасу пришло оцепенение. Поняв, что гибель неотвратима, он собрался с духом и, зная, что от его маленького лука не будет никакой пользы, вытащил нож.

Между тем, Ахилл наложил стрелу на тетиву и спокойно ждал. Он уже отчетливо видел просвечивающую сквозь ветви кустов желтую шкуру зверя, своим необычайно острым слухом различал его дыхание. И по тому, как лев внезапно замер, понял, что хищник сейчас прыгнет на них.

За кустами раздался треск, сквозь ветви прорисовалась огромная голова, окруженная облаком черной гривы – и в тот же миг Ахилл спустил тетиву. Он понимал, что стреляет рано, не дав зверю показаться целиком, и потому рискует не попасть куда нужно. Но знал он и другое:

¹ В описываемую эпоху на территории Древней Греции водились львы и леопарды, позднее там исчезнувшие.

² Пан – лесное божество, один из древнейших богов древнегреческого пантеона. Изображался получеловеком с козлиными ногами и рогами. Считался покровителем леса и лесных духов, зачастую враждебных человеку. Внушал ужас, считалось, что он умеет ловко строить козни людям (отсюда пошло выражение «панический страх»).

львица не даст ему ни секунды промедления. Раздался оглушительный рев, и лев взвился вверх на десяток локтей, одновременно бросившись вперед. Но рев оборвался глухим воем – и вот уже огромное тело корчится на земле, на том месте, где только что стояли мальчики. Шея хищника была насквозь пробита стрелой.

В последнее мгновение Ахилл оттолкнул Патрокла назад и сам отпрянул от падающей на них громадины. Одновременно мальчик бросил лук, отлично понимая, что не успеет наложить новую стрелу, и выхватил из висевших на боку ножен большой охотничий нож – справа, из оврага, гигантскими скачками летела львица. Она видела, что лев поражен насмерть, и думала уже не о добыче, на вид такой легкой и слабой – ей надо было отомстить.

Патрокл закричал от ужаса, увидав, что его товарищ кинулся навстречу разъяренному зверю. Вот львица прыгнула на него. Мимо! Мальчик успел увернуться. Еще прыжок. Опять мимо! Тогда львица отступила и пошла по кругу, обходя охотника со спины. Тот сделал обманное движение, будто хотел уклониться, и вдруг сам подпрыгнул. Его легкое тело взвилось почти так же высоко, как только что взлетел над землей лев. Ошеломленная хищница ничего не успела понять. Маленький враг обрушился ей на спину, левой рукой вцепился в ухо, а правой нанес один за другим два стремительных удара. Рев перешел в хрипение, и вдруг львица умолкла и, вытянувшись, разом застыла на земле, только задние лапы еще подергивались в конвульсиях. Из двух ран на левом боку тонкими полосками выбивалась почти черная кровь.

Ахилл, переводя дыхание, подбежал к Патроклу. Тот стоял, стискивая в потном кулаке нож, дрожа с ног до головы. Он еще не понимал, что все кончилось.

– Эвоэ!³ – крикнул победитель, в восторге потрясая ножом, окровавленным по самую рукоятку. – Эвоэ! Я их убил!

Но лев-самец был еще жив, хотя стрела Ахилла и пробила ему сонную артерию. Он перестал выть, приподнялся на передние лапы, с трудом повернув тяжелеющую голову, посмотрел на свою мертвую подругу – и тихо застонал. Не замечая застывших на месте мальчиков, зверь страшными усилиями проволочил свое уже одеревеневшее тело на два десятка локтей, дополз до распростертой львицы и с тем же мучительным воплем опустил голову на ее морду. Окровавленный язык тихо лизнул остановившиеся глаза. По громадному телу зверя прошла сильная судорога, и он тоже замер, будто обнимая передними лапами львицу.

– Ты их убил! – вдруг осознал происшедшее Патрокл. – Ты один убил и льва, и львицу, мой Ахилл! Ты – самый великий охотник в мире! Ты – как Геракл!

Он плясал от восторга, размахивая руками, будто обезумев от только что пережитого потрясения и нахлынувшей затем радости.

Но Ахилл стоял неподвижно. Он смотрел на львов, и его не по-детски широкие плечи начинали все сильнее дрожать. Наконец, он расплакался, уже не сдерживаясь, мгновенно снова став семилетним ребенком.

– Что с тобой? – вновь испугался Патрокл.

– Ничего.

Он подошел к побежденным хищникам и тихо провел ладонью по косматой гриве мертвого льва.

– Тебе их жалко? – спросил, подойдя к нему Патрокл. – Но они бы нас убили и сожрали.

– Да. А как ты думаешь, люди могут так же любить друг друга?

– Я не знаю...

– Не могут, наверное. По... пойдем к ручью. Смотри, сколько на мне крови. Мухи будут лезть. Идем...

* * *

Михаил оторвался от исписанного мелкими строками желтого, как медовая лепешка, пергамента, и в полном ошалении уставился на турка, все так же невозмутимо сидящего на нескольких старых газетах, в классической турецкой позе, со скрещенными ногами.

³ Эвоэ – возглас торжества, радости победы, приветствия.

Турок был тоже абсолютно классический – небольшой, крупно-курчавый, коричневый, как мулат. Разве только одетый не в шальвары и феску, а в обычную клетчатую рубашку с погончиками и довольно новые джинсы. Одна сандалия была у него на ноге, другая валялась в стороне, и он почесывал зажигалкой босую ступню.

На газете перед турком были небрежно разложены какие-то безделушки и еще четыре тугих пергаментных свитка, таких же, как тот, что Миша растерянно вертел в руках.

Молодой человек еще раз пробежал глазами по строкам пергамента. Да, это был настоящий древнегреческий язык, хотя и явно более интересный, чем тот, что он изучал на кафедре. В нем было как будто больше слов, обороты и фразы были красочнее и богаче привычных. Но он был узнаваем, а главное – пергамент, при всей своей потрясающей сохранности, явно был очень-очень древний – уж что-что, а различать подлинность документов профессор Каверин умел и учил тому же всех своих студентов.

Михаил огляделся. Вокруг жужжал южный город, полный пыли, соленого морского запаха, зноя, автобусов всех цветов, видеокамер, полароидов и прочей атрибутики туристов... И среди всего этого нудного современного хаоса сиял золотом развернутый лист никому не ведомого сказания, в котором упоминались имена героев одного из самых знаменитых сюжетов мировой мифологии...

* * *

Миша Ларионов закончил истфак Петербургского университета три года назад. Будучи талантливым и упрямым, защитил один из лучших дипломов и почти сразу поступил в аспирантуру. И женился. Аня, девушка, о которой он мечтал с первого курса, тоже была небогата. Миша жил с матерью в двухкомнатной квартире, у Ани были и отец и мать, но плюс к тому – брат и две сестры, и все семейство обитало в трехкомнатной хрущобе. Правда, Аня от умершей бабушки досталась большая комната в коммуналке.

Мать Михаила, не раздумывая, сказала сыну: «Будем меняться!» Из двухкомнатной квартиры и аниной комнаты вышли с грехом пополам две однокомнатные квартиры, и молодые обрели желанную независимость. Миша верил, что сможет учиться и подрабатывать в школе, а Аня до поры станет растить ему наследника, а продолжение карьеры оставит на потом. Она была с этим вполне согласна.

Гром грянул, когда на пятом месяце Аня пошла на УЗИ. Вернувшись, она расплакалась и несколько раз повторила: «Как же мы проживем-то?» «Что с тобой? – недоумевал Миша, – Что у тебя там такое?» Она всхлипнула и выговорила слово, повергшее мужа в шок: «Тройня!»

Да, наследников оказывалось двое, плюс еще и наследница, и при таком раскладе аспирантура и учительские гроши становились чистым самоубийством...

Выход предложил бывший мишин сокурсник Витька Сандлер, отчислившийся некогда с четвертого курса и уже несколько лет успешно работавший «челноком».

– Не ломай голову! – сказал он уверенно, – Ты же не лох. Поработай со мной, почелночничай. Годика за три заработаешь и на более приличную квартиру, и на прокорм своих тройняшек. Ну, а пойдут они хотя бы в садик, Анька на работу устроится, и ты сможешь опять в своей аспирантуре звезды с неба рвать. А, может, тебе понравится наш бизнес. Знаешь, вовсе не так плохо.

Миша, понимая, что иного выхода нет, согласился.

И в самом деле, поездки в ослепительный курорт Анталия на Средиземном море, где у Витьки были налажены все нужные контакты, стали приносить очень неплохой доход.

Кожаные куртки, джинсы, майки, сувениры, значки, белье и косметика, – чего только они ни везли на ненасытный «сэкондхэндовский» рынок, чем только не заполняли подвальчик-магазинчик на Васильевском, палатку на «Звездной» и раскладушки на одном из купчин-

ских перекрестков! Витька знался в этих местах со всеми бандитами и всегда видел, кому и сколько нужно заплатить, чтобы с их товаром или доходом не случилось ничего худого... Очень скоро и Михаил стал отлично разбираться во всех этих тонкостях. С иными бандитами он даже подружился, и это сэкономило и ему, и Витьке не одну сотню баксов, так что Сандлер сильно заужал своего напарника.

– Да ты же прирожденный бизнесмен, Майкл! – восторгался он, – Ну и на кой хрен тебе возвращаться в твою аспирантуру и продолжать гранитогрызение науки во имя грядущих двух-трех тысяч деревянных в месяц?! Давай раскручиваться дальше и откроем с тобой свою фирму! Такие бабки станем делать, что все академики мира будут перед нами прогибаться!

Но Мишу, как ни внушал он себе, что его занятие не так уж скучно, а напротив увлекательно и познавательно, челночная стезя тяготила все больше. Великие планы Сандлера казались невыносимо смешными, а кличка «Майкл» раздражала куда сильнее, чем некогда в университете.

Стопки книг, сложенных на подоконнике, возле запыленного рабочего стола, звали к себе и безмолвно, грустно упрекали.

Он понимал, что оставить торговлю удастся не скоро. Тройняшки росли, но не «по дням, как по часам», а как им полагалось – степенно и поэтапно. О том, чтобы Аня устроилась работать, пока что не приходилось и мечтать. Правда, квартиру, однокомнатную на трехкомнатную, они поменяли уже на второй год – взяли на первом этаже и в непрестижном районе, зато теперь, приезжая домой, Михаил забирался в свой собственный крохотный, девять квадратных метров, кабинетик, вытаскивал из стопки какой-нибудь том, перелистывал его и мечтал. Он знал: должно что-то произойти – что-то, что прервет его осточертевшее подвижничество и возвратит в тот, уже далекий и желанный мир, где жили тени великого и неразгаданного прошлого, где он мог и должен был сам что-то открыть и отыскать. И только в этом мире он станет достоин любви Анны и всей пока что ничего не смекающей тройцы: Сашки, Алешки и Нинки...

* * *

И вот теперь, казалось, это что-то произошло, происходило. Турок в одной сандалиии, пыльные газеты, и эти свитки пергамента, лежащие на них, будто какие-то дешевые побрякушки, на которые нет-нет да покупались шатающиеся по душным улочкам туристы...

– Что это? – Михаил ткнул пальцем в пергамент. – Откуда?

Турок заулыбался, видя, что его «товар» явно произвел впечатление.

– Письма какие-то, – он пожал плечами, – Отец в подвале находил. Говорил – еще дед видел, и прадед видел, и еще прапрадед видел... Наш дом старый-старый. Письма какие-то старые, язык непонятный. Отец говорит – кто-то когда-то привез из одной крепости...

Английский язык у него был еще тот. Миша едва разбирал эти сливающиеся друг с другом фразы.

– Лежат-лежат, а мне они зачем? – турок развел коричневые ладони в стороны. – Вот, продаю. А никто не покупает. Ты купишь?

Мише стоило большого труда взять себя в руки. Сработала уже укоренившаяся привычка «челнока» – не показывать, насколько тебе интересен товар.

– Я бы взял, – сказал он, небрежно вертя в руках драгоценный свиток. – Сколько?

– Доллар, – назвал турок цену, от которой Ларионов едва не рухнул на землю (За ЭТО доллар?! За ЭТО?!). – Ты один берешь или сколько?

– Пожалуй, все пять, – стоически сохраняя то же небрежное спокойствие, ответил Михаил.

И тут турок улыбнулся:

– Это здесь пять. А дома у меня их еще много.

– Сколько?

– Целый сундук, – он сунул зажигалку в нагрудный карман и потянулся босой ногой за своей сандалией, – Я считал – пятьсот сорок их там. Было пятьсот сорок пять, я пять продал. Сколько берешь?

– Я все взял бы, – не раздумывая, сказал Ларионов. – За доллар штука, пожалуй, можно... Только мне надо нанять носильщика. Все самому не унести. Где это у тебя?

– Там, – коричневый палец ткнул в глубину улицы. – Близко. Я тут живу. А деньги есть?

Ларионов вытащил бумажник и показал несколько сотенных. Тогда продавец лениво встал и стал заворачивать в грязные газеты свитки и безделушки, едва скрывая за восточной невозмутимостью отчаянную радость – никому не нужный товар вдруг нашел покупателя, да еще такого глупого, что он готов взять эту ерунду всю сразу!

– Только я посмотрю, что там! – спохватился Михаил. – Может они все одинаковые – во всех одно и то же. Тогда мне это ни к чему.

Ужаснувшись этой мысли, он тут же отнял у турка второй свиток и поспешно его развернул. И понял, что какой-то невероятный случай подsunул ему сразу же именно начало повествования. На том свитке, который он читал вначале, было написано в левом верхнем углу: «первая». (Что «первая»? Страница, глава? Никаких наименований над текстом он не нашел...) Следующий свиток тоже пронумерован, на нем было написано «третья».

«Может, они там, в сундуке этом, лежат не совсем по порядку, или совсем не по порядку? Турок говорит, что уже продал пять. Вот жалость!»

Эта мысль не вошла в сознание, а пронеслась сквозь него. Глаза молодого историка вновь скользили по ровным и мелким черным строчкам, и его душа исчезала из душного пахнущего бензином мира и летела в бездонную дыру времени, за которой...

Глава 2

Хаотические груды гигантских камней и выступающие из них мощные монолитные скалы как бы раздвинулись (казалось, что их раздвинули чьи-то чудовищные руки) и образовали неширокий проход, круто идущий вверх. Он тоже представлял собою каменное нагромождение, но здесь камни, плоские, точно специально обтесанные, образовывали подобие титанической лестницы.

Нужно было сделать очень большой шаг, чтобы переступить с одной ступени на другую, и поднимаясь по ней, Ахилл вновь вспомнил, как пять лет назад одолевал этот подъем впервые. Ему приходилось не шагать, а вспрыгивать на каждую ступень, ширины шага не хватало. Шедший впереди отец не оборачивался, и мальчик больше всего боялся, что отстанет от него. Почти на самом верху Пелей остановился и через плечо, наконец, глянул на слегка запыхавшегося сына. Его строгое лицо, обрамленное пепельным венцом седеющих волос и узкой полоской коротко подстриженной бороды, выразило удовлетворение.

– Ты справился с этим подъемом, мальчик! Хорошо...

Теперь Ахилл шагал по гигантским ступеням легче и увереннее, чем тогда его отец, царь мирмидонцев Пелей. В двенадцать лет он был ростом со взрослого мужчину, а его сложенному и могучим мускулам завидовали лучшие атлеты Фтии.

Мальчик поднимался, неся на спине тушу огромного кабана. Она свисала до земли, и страшные изогнутые клыки секача царапали камень. Ахилл придерживал свою ношу левой рукой, в правой неся лук и копье. Колчан, в котором оставалось пять-шесть стрел, болтался у него на локте.

Это не была обычная охота. До того ему случалось много раз охотиться на диких свиней, и он нередко убивал матерых кабанов, но сейчас был особый случай.

Навещая отца и родню и затем возвращаясь в жилище Хирона, Ахилл всегда проходил через несколько селений, расположенных неподалеку от Азенского ущелья и гор, среди которых жил его старый учитель. Селяне тех мест, как и все жители Фтии, много слыхали о сыне царя Пелея, а за эти годы привыкли к красивому мальчику, так рано возмужавшему, и полюбили его за постоянное дружелюбие, полное отсутствие заносчивости и какую-то задумчивую веселость. Пахари и пастухи нередко приглашали Ахилла к своим очагам, угощали лепешками и плодами смоковницы, а то и глотком вина из тыквенной бутылки, посвящали его в свои заботы, иной раз просили о чем-то, чего им самим было не сделать: однажды он, почти играючи, выворотил камень, засевший посреди пахотного участка, и выбросил в соседний овраг, в другой раз напугал до смерти и выгнал из этих краев нескольких беглых рабов, надумавших промысливать кражей коз и овец и пару раз напавших на местных женщин, а однажды зимой перестрелял дюжину волков, повадившихся резать здешний скот, поскольку другой дичи в холодное время становилось мало.

И вот в последнее время ему уже несколько раз с ужасом рассказывали о стаде диких свиней, беспощадно уничтожавших в окрестностях посевы ячменя и чечевицы, которыми только и кормились селяне. Вожаком стада был невероятных размеров секач свирепый как бешеный волк. Он уже много раз нападал на людей и убивал всех, кто попадался ему на пути. Нескольких охотников, что пытались его подкараулить, жуткий зверь разорвал в клочья своими клыками. Бедные землепашцы стали бояться выходить из дому, и как водится, кто-то вскоре пустил слух, что это вовсе не кабан, а мстительный лесной дух, посланный преследовать и убивать людей за то, что те уничтожили многих диких зверей.

Ахиллу тотчас вспомнился пятый подвиг Геракла – истребление Эриманфского кабана⁴. Он давно знал от Хирона обо всех подвигах величайшего из ахейских⁵ героев, и в глубине души ему, как всякому мальчику, хотелось совершить что-то подобное. Но в отличие от других мальчиков, он при этом знал, что его силы позволяют мечтать о таких подвигах всерьез.

Посреди ячменного поля, где, по словам селян, проклятое стадо появлялось уже несколько дней подряд, росла группа деревьев. На одном из них Ахилл и устроил засаду. Он вооружился копьем, луком, тремя дюжинами стрел и терпением, которого у него, когда надо, всегда бывало достаточно.

Ему пришлось дежурить почти сутки, пока свиньи не явились на свой пир. Мальчик насчитал шесть самок, четырнадцать поросят, двух подросших кабанчиков и, наконец, увидел замыкавшего строй гиганта – действительно чудовищного по размерам вопреки с такими злобными красными глазками и такими невероятными клыками, что и взрослому мужчине захотелось бы при виде его затаиться и не выдать своего присутствия.

Но Ахилл даже не подумал о том, что это страшно. Он думал как бы остаться незамеченным, покуда кабаны не подойдут поближе. Ему везло: ветер уносил его запах и свиньи, ничего не подозревая, вскоре принялись жрать еще зеленый ячмень прямо под тем деревом, в развилке которого сидел юный охотник. Мальчик преспокойно уложил стрелами одну за другой четырех свиней, обоих кабанчиков и штук восемь поросят, покуда до зверей дошло, откуда их настигает смерть. Они кинулись прочь, и стрелок испугался, что убежит и секач, до того державшийся на расстоянии, охраняя свое семейство.

Но секач не обратился в бегство. Напротив – он заревел, как настоящее сказочное чудовище, и бросился к дереву. Громадные клыки врезались в ствол с такой силой, что дерево зашаталось. Но свалить мощный старый граб было не под силу даже такому могучему зверю. Трудно сказать, понимал ли это вопреки – он, будто безумный, вновь и вновь атаковал убежище своего врага, и Ахилл мог бы за это время преспокойно вогнать в него пять-шесть стрел.

Однако что-то будто толкнуло мальчика изнутри. Нет, он хотел не этого. Поединок! Он давно мечтал о поединке именно с таким страшным противником. Почти не раздумывая, Ахилл отбросил оружие и соскочил на землю перед самой мордой чудовища.

Дикий рев на мгновение оглушил его. Косматая туша с изогнутыми желтыми клыками рванулась вперед – казалось, теперь даже каменная стена не остановит вопреки. Но клыки встретили пустоту. Мальчик взлетел в воздух прямо перед вспененной мордой кабана, словно кошка, перевернулся в воздухе (этому он научился совсем недавно) и сел верхом на его загривок. Правой рукой он охватил мощную шею, левой сжал нижнюю челюсть зверя, как раз под кривыми лезвиями клыков. Есть! Теперь упереться ногами в землю и вложить всю силу в рывок... А если силы не хватит?

Чудовищная масса железных мышц и бешеной ярости дернулась, стремясь сбросить наездника. Но было поздно. Раздался хруст, новый, на этот раз короткий рев, перешедший в визг, затем в хрип, и кабан-убийца в судорогах покатился по земле. У него была сломана шея.

Потом селяне долго разглядывали мертвое чудовище и говорили мальчику, что он – новый Геракл, что ему нет равных в Ойкумене⁶, и еще много-много всего... А сам Ахилл думал, что это никакой не подвиг, что, конечно, этому кабану далеко до Эриманфского чудовища, и Геракл, наверное, убил бы его просто ударом кулака...

⁴ По греческому преданию, чудовищный Эриманфский кабан наводил ужас на одну из областей Греции, истребляя посевы и нападая на людей. По приказу царя Эврисфея Геракл, вынужденный служить ему, поймал кабана и притащил царю. Испуганный Эврисфеей спрятался от чудовища, и Геракл принес его в жертву богам.

⁵ Ахейцы – название одного из греческих племен, распространившееся среди окружавших Древнюю Грецию народов на всех греков. Очень часто так именовали себя и сами греки.

⁶ Ойкумена – по представлениям древних греков, населенная земля, окруженная пустынной, необитаемой сушей, обтекаемой кругом океаном.

Но чувство торжества и победы все же сияло в душе мальчика, и он, оставив свиней и поросят счастливым селянам, вепря забрал с собой, решив, что покажет его учителю и, возможно, услышит похвалу.

Каменная лестница дошла до расщелины, завершавшей ущелье. Здесь нагромождения глыб кончались, и подъем вдруг переходил в совершенно ровную поверхность, покрытую землей, обильно заросшую травой и кое-где невысокими кустами. Отдельные куши низеньких сосен и пихт лепились по краям небольшого плато, одна кромка которого резко обрывалась, будто отсеченная гигантским топором, две другие стороны были окружены все теми же каменными скалами, а четвертая упиралась в почти отвесную стену гранитного кряжа, не слишком высокую, но на вид совершенно неприступную.

Ахилл отлично знал, как на нее подняться, но ему это было сейчас совершенно не нужно. Он шел прямо к гранитной стене, однако взбираться туда не думал.

В одном месте с края верхнего плато обрушивался водопад. Он низвергался широким сверкающим занавесом, образуя внизу облака водяной пыли, и дальше бурный поток ошалело мчался вдоль стены, подбегал к обрывистой кромке и кидался с нее в бездну.

Со стороны казалось, что к водопаду опасно подходить близко. Но Ахилл спокойно приблизился к ослепительным струям и, ступив на плоские гранитные камни, вошел в пространство между водяной и гранитной стенами и оказался перед входом в пещеру. Отверстие было достаточно широким и высоким, и мальчик вступил в него, не пригибаясь, свободно пронеся свою громоздкую ношу. Рыжая лохматая собака выскочила ему навстречу из темноты и завертелась у ног, радостно повизгивая и возбужденно нюхая свисающую до земли кабанью тушу.

– Привет, Рута, привет! Не крутись под ногами, не то я отдавлю тебе лапу или хвост! – смеялся Ахилл.

Он уверенно шел по темному проходу, который, уходя в толщу скалы, постепенно расширялся и становился все светлее. В конце концов этот проход завершился настоящим залом: локтей шестьдесят в длину, сорок в ширину и не меньше тридцати в высоту. Свет проникал сюда через два небольших отверстия: одно располагалось сбоку, другое – почти в центре свода. Под этим отверстием, в выемке каменного пола, светлело круглое озерцо, с такой чистой и прозрачной водой, что если бы не дрожащие на поверхности блики света, его можно было бы не заметить. Из бокового отверстия стекали, рассыпаясь и блестя, как бисер, тонкие водяные струйки, которые, достигнув каменного пола, обращались в тихо лепечущий ручеек, исчезающий под выступом скалы. В дальнем конце огромного грота вновь сгущалась темнота. Там начинался еще один подземный коридор, за которым – Ахилл это знал – была вторая пещера.

С левой стороны свод грота поддерживали два громадных столба. Учитель объяснял Ахиллу, что их за сотни и сотни лет сделала вода: размывая камень, она роняла на пол его частицы, они слипались, срастались, а сверху образовывались наросты, состоящие из таких же постепенно твердеющих частиц, и вот они соединились с наростами на полу и образовались эти могучие колонны.

– Здравствуй, учитель! – проговорил мальчик, скидывая на пол тушу кабана и оглядываясь.

– Здравствуй, Ахилл.

Старый Хирон сидел на грубой деревянной скамье возле очага, сложенного в правой части пещеры. В левой, между столбами, были устроены лежанки, и стояла еще пара скамеек и два простых сундука – все имущество старика-отшельника.

Хирон отложил медный прут, которым перемешивал тлеющие в очаге угли, и неторопливо встал. Он был высок ростом и нисколько не горбился, в сухощавой фигуре сохранились стать и гибкость. Лицо давным-давно иссекли морщины, но казалось, ветра, много лет овевавшие его, сгладили эти морщины, выгладили их, как острые выступы древней скалы. Загар на коже был уже вечным, ровным, темным, и лицо старика, окруженное сиянием совершенно

белых, густых и длинных волос, выглядело кованой бронзой в обрамлении мрамора. Бороду он брил начисто, привыкнув к этому в молодости и не изменив этой привычке, поэтому ничто не скрывало его тонких и резких черт, крепкого, выступающего вперед подбородка, небольшого, выразительно сжатого рта. Глаза у Хирона были голубые, светлые и чистые, как у мальчика, спокойные, постоянно обращенные будто внутрь себя. И вместе с тем, когда он смотрел прямо перед собой, казалось, что он видит очень далеко, куда дальше, чем может увидеть обычный человек.

– Так ты убил вепря, который не давал жить здешним селянам? – спросил старик, с почти незаметной улыбкой глядя на бурую глыбу громадной туши, вокруг которой с визгом крутилась рыжая Рута.

– Я свернул ему шею, – сказал мальчик, старясь говорить как можно сдержаннее, с достоинством взрослого мужчины. – И почти всех свиней с поросятами я тоже перестрелял, учитель. Теперь пахари и виноградари могут никого не бояться.

– Так ли уж никого? – голос отшельника не выдал насмешку, но она еле уловимо промелькнула в его глазах. – Не часто ли мы с тобою убеждались, что человеку нельзя думать, будто он в безопасности?

Взгляд Ахилла тут же скользнул к левой стене пещеры. Над лежанками, будто ковер, висели штук двадцать волчьих шкур. Такие же шкуры покрывали сами лежанки, расстилались возле них на полу. Густой зимний мех, мягкий и пушистый, хорошо грел студеными зимними ночами.

Почти все эти шкуры появились здесь три года назад, и мальчик хорошо помнил тот день.

Глава 3

К тому времени он жил в горной пещере со своим старым учителем два года, отлучаясь на состязания и праздники в город, но большую часть времени проводя здесь.

За это время он уже очень многому научился.

Хирон рассказывал ему историю мира, так, как о ней принято было говорить, неизменно добавляя, что во многих других землях ее считают другой, но, тем не менее, какие-то представления сходятся у всех, а значит, есть зерно истины в этих отрывочных знаниях людей о рождении земли.

Старик побывал во множестве стран, видел не только всю Ойкумену, но посещал и места далекие и не ведомые никому, знал о племенах и народах, с которыми не общались ни ахейцы, ни египтяне, ни персы, о которых почти никто ничего не слышал, но у иных из них тоже была богатая и древняя история.

Хирон пересказывал мальчику предания об известных героях и подвигах, говорил о старинных городах разных стран и их великих строителях, вспоминал имена царей, живших недавно или очень давно. Он помнил сказания обо всех великих войнах, которые потрясали окрестные земли за долгие-долгие столетия, и внес историю некоторых войн в летопись, которую давал читать своему юному ученику. С первого дня отшельник занимался с Ахиллом чтением и письмом, причем учил его не только читать и писать на принятом критском наречии, но и персидскому, финикийскому и египетскому языкам, объясняя, что это может понадобиться. Персия и Египет – могущественные страны, влияющие на многие окружающие их земли, а финикийские купцы, странствуя чуть ли не по всей Ойкумене, зачастую осуществляют связь между государствами и передают вести о событиях, которые иначе могли бы дойти до иных народов нескоро.

Ночами они взбирались на широкое плато над пещерой и рассматривали небо. Хирон называл своему ученику все известные звезды и созвездия и рассказывал предания об их появлении, обязательно добавляя, что это – легенды, а о том, что есть звезды на самом деле, можно лишь гадать.

– Впрочем, египетские жрецы и персидские маги знают о них много, – пояснял он, – Первые за счет науки, которую развивают столетиями, вторые тоже за счет науки, но больше, думается мне, колдовства и общения с духами. Свои тайны они хранят свято, однако я проник в них отчасти... Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе об этом больше.

Ахилл привык, что учитель часто останавливается в своих рассказах на том пороге, за которым кончаются возможности детского разума и понимания, и перестал допытываться, что и как. Он знал, что за молчанием старика кроется не меньше мудрости, чем за его словами, и нужно уметь думать и учиться понимать это молчание.

Хирон научил его играть на кифаре и петь, и мальчику это очень понравилось: он нашел, что музыка радует и успокаивает, а слова многих прекрасных старинных песен казались ему просто волшебными.

Вместе с тем, они каждый день занимались борьбой и стрельбой из лука, метанием дротика, сражались на деревянных мечах и упражнялись в кулачном бою. Когда старик в первый раз предложил ему такие занятия, мальчик едва не рассмеялся – он даже представить не мог, что человек, которому больше ста лет, сможет учить его воинскому искусству.

И ошибся.

Конечно, отшельник не обладал уже былой быстротой и легкостью, но сила его рук, великолепное владение оружием, знание самых различных приемов боя были изумительны. Он показывал уже искушенному в состязаниях мальчику такие выпады, удары, броски, что тот приходил в восторг.

– Это все – огромное искусство, – говорил старик, – И я показываю тебе лишь самое его начало. На Востоке знают способы более действенные и более страшные, ведают о тайниках человеческого тела, о которых у нас не знают. Но я покажу тебе, чего опасаться, и как избегать опасности.

Он почти сразу заставил Ахилла запомнить, какие места на теле наиболее уязвимы, куда можно ударить, сразу принеся смерть, либо на какое-то время лишив врага возможности двигаться.

– Но всем этим можно пользоваться только в бою и в том случае, если тебе самому грозят смертью, – тут же добавлял он, – Нет хуже позора для мужчины, чем нанести удар тогда, когда в этом нет самой крайней нужды.

– Но ты столько рассказывал мне, учитель, как великие герои и сами боги в гневе дерутся и убивают, иногда даже слабых! – возражал мальчик.

– Ну да, – говорил учитель, и его голубые глаза улыбались изнутри, – И как ты думаешь, почему о таких «подвигах» говорят не реже, чем о подвигах настоящих? Да потому, что людям всегда приятнее оправдывать свой позор чужим позором, особенно позором тех, кого они считают выше себя. Это тоже – великая слабость, победить которую мало кому удавалось.

Жизнь их в горной пещере была достаточно суровой. Во Фтии, где вырос Ахилл, зимы вообще отличались стужей и ветрами, а на такой высоте и подавно в зимнее время царили морозы и метели, и в огромном гроте становилось неуютно. Когда мороз особенно крепчал, старик и мальчик перебирались в более глубокую часть пещеры, в грот, расположенный далеко в толще горного кряжа. Здесь не было света, и приходилось постоянно жечь факелы или поддерживать костер, зато мороз сюда не доставал, и ручейки воды, сочившейся из щели в стене, не замерзали. Они переносили сюда лежанки и запасы еды, но днем неизменно выходили на заснеженное плато, обходили свои владения, навещали коз, которых отшельник держал в небольшой пещере, расположенной выше по склону. На это время года старик шил из козьих шкур толстые чулки мехом внутрь, поверх которых они с Ахиллом надевали сандалии. На плечи Хирон и Ахилл набрасывали волчьи шкуры, но больше ничего теплого не носили, и понемногу мальчик привык переносить холод легко. Он мог даже спать в летнем зале пещеры, завернувшись в волчью шкуру, когда огонь в очаге едва тлел, мог часами бродить по снегу, мог, спустившись по заледеневшей каменной лестнице в долину, охотиться в зимнем лесу, не боясь вьюги и мороза.

Волчьих шкур у старика было три, но вскоре стало много больше.

Это случилось, когда Ахиллу было чуть больше девяти лет.

Та зима была очень жестока. Окрестные селяне, запертые в своих хижинах снежными заносами, не высывались наружу и там же, в своих домах, держали скот, а вся живность из ближних лесов разбрелась, спускаясь ниже и ниже по склонам – до более теплых мест. Волчьи стаи, ища добычу, которой становилось все меньше, часто подходили к жилью, и их вой вызывал дрожь и ужас у людей, знавших, что, оголодав, звери легко преодолеют свой извечный страх перед человеком. Уже не раз и не два в эту зиму волки крали собак из поселков, пару раз врывались в хлева и резали скот.

Все это Ахилл узнавал, посещая деревни по дороге домой. Отважный мальчик не боялся зимы и снежных заносов и не реже, чем летом, ходил навещать отца и родню.

Вечером, накануне той ночи, рыжая Рута долго и протяжно выла, усевшись на пороге внешней пещеры. Тенга, серая лошадь, которую царь Пелей оставил сыну, и которая обычно бывала очень спокойна, тоже нервничала. Она впервые отказалась ночевать в верхней пещере с козами, а, махнув через загородку, прибежала к жилищу Хирона.

Старик и мальчик вышли наружу. Выходить было нелегко: водопад, не замерзавший ни в какой мороз, образовал громадные ледяные наросты перед входом в каменный коридор. Ахилл каждый день скалывал их топором, но они вновь вырастали, и если бы мальчик хоть один раз

не сделал своей работы, им с учителем пришлось бы долго прорубаться, чтобы выбраться из пещеры.

– Собака и лошадь чувствуют беду, – задумчиво произнес Хирон, осматриваясь, – Что может быть? Землетрясение? Нет, тогда бы улетели птицы, но дикие голуби, вон, жмутся под карнизом коридора и воркуют, как обычно. Нам надо сегодня быть настороже, Ахилл.

Уже почти наступила ночь. Они, как всегда, долго говорили, сидя у очага. На этот раз Хирон велел, несмотря на мороз, перенести лежанки во внешний грот: он не хотел уходить далеко от входа в пещеру.

Ближе к полуночи мальчик заснул, завернувшись в шкуру, и ему приснилось то, что снилось очень часто: море, в котором он купается, блестящие раковины, огромные, – в жизни он таких не видел, и дельфины, резвящиеся меж ними в совершенно прозрачной воде. Мальчику снилось, что он ныряет, достает до одной раковины, а в ней светится и зовет жемчужина, большая, как апельсин, белая, чистая и загадочная... Он протягивает к ней руку, но чуть-чуть не достает. Воздух в груди кончается, надо всплывать, но как же всплыть, не взяв ее?! Он тянется, тянется из последних сил, в глубине подсознания ощущая, что спит, и страшно боясь, что сейчас проснется и не возьмет жемчужину...

– Проснись!

Возглас Хирона вырвал его из сна, и он сразу вскочил с лежанки.

– Волки, Ахилл!

Рычание и вой, долетавшие снаружи, истерический лай Руты и ржание лошади... Волки! Да, это они вскарабкались по ледяным ступеням громадной лестницы, поднялись к пещере и сейчас пытались в нее войти, пролезая через наросты льда. Они чуяли лошадь, собаку и людей.

– Надо их отогнать, пока они не взобрались выше, на плато! – крикнул старик, хватая лук и бросая второй мальчику, – Тогда пропадут наши козы. Топор тоже возьми!

Ахилла поразило лицо отшельника. Оно сразу преобразилось, будто вновь стало молодым – напряженное, освещенное каким-то невероятным вдохновением, предчувствием битвы. Глаза сияли восторженно и бесстрашно. И тогда мальчик впервые понял, что когда-то его учитель был великим воином и страстно любил сражаться...

Их сильно выручила луна. Белая и огромная, похожая на ту жемчужину из сна, она осветила небо и землю пронзительным серебряным светом, и было видно как днем, только все стало почти черно-белым, краски утонули в серебре. Впрочем, одной краски луна не смогла поглотить – красной. Хлынувшая на белый снег кровь горела ярче самого снега.

Некоторое время старик и мальчик дрались у входа в пещеру, отесняя от него волков. Затем Хирон крикнул:

– Поднимайся выше, на край плато! Есть только одна тропа, по которой они могут вскарабкаться, надо перекрыть ее!

Ахилл повиновался, хотя ему было страшно бросить учителя одного – волков возле входа в пещеру оставалось еще много, и они нападали, словно не видя, сколько их уже убито, как будто в них вселились кровожадные демоны Тартара... Впервые Ахилл понял, что боится, правда, он боялся не за себя.

На краю плато от лука оказалось мало пользы – тропа уходила за выступ скалы, и не было времени целиться в зверей, что выскакивали из-за этого выступа по двое – по трое, как в кошмарном сне. Ахилл рубил и рубил топором, отшвыривая мохнатые тела и вновь заноса руку. Ему было жарко, хотя он кинулся в битву в одной тунике и босиком.

Последний волк, упавший ему под ноги, успел ощерить пасть и схватить мальчика за голую лодыжку. Но у хищника уже не хватило сил стиснуть зубы, и на коже остались лишь еле заметные ссадины.

Рычание и вой смолкли и внизу. Только Рута отчаянно лаяла и взвизгивала в дикой собачьей истерике.

– Учитель! – крикнул Ахилл, не спускаясь, а скатываясь по обледенелой тропе. – Учитель, где ты?!

– Я здесь, не бойся, – ответил Хирон, появляясь в проеме пещеры, за струями водопада. – Я здесь.

– Они ушли? – спросил мальчик.

– Думаю, если и ушли, то пять-шесть. Остальные уже не уйдут...

Ахилл стоял среди мертвых волков, озираясь и пытаясь их сосчитать.

– Учитель, я понимаю – они пришли, потому что слышали блеяние коз, потому что из пещеры пахло копченым мясом, и потому что кругом мало дичи. Но отчего они так упорно нападали? Мы же убивали их одного за другим...

Хирон опустил в снег свой лук, откинул топор и медленно сел на ближайшую волчью тушу. Он тоже был в одном хитоне, но на его ногах были сандалии – он не ложился, ожидая нападения.

– В моей жизни такое уже случалось, – сказал он негромко. – Я видел подобное безумие и у животных, и у людей... У людей оно еще страшнее. Ступай, Ахилл, обуйся и помоги мне занести волков в пещеру – если туши заоченеют, их будет не освежевать. Зато теперь у нас полно работы на несколько дней вперед, и я наконец научу тебя выделывать мех...

* * *

– Ни хрена себе, находочка! Говоришь, пятый или шестой век до нашей эры?

Витька Сандлер крутанулся от окна к дивану, на котором полулежал Михаил с развернутым свитком в руках. Возле, на полу, стояли в ряд три здоровые картонные коробки из-под кока-колы, заполненные остальными свитками, уложенными со всей возможной бережностью.

– Я не могу точно датировать... – голос Миши звучал устало и почти жалобно. – Но... во всяком случае, не позже пятого века до Рождества Христова. И это подлинник, видно абсолютно четко, хотя сохранность, ну ты понимаешь, просто обалденная!

– Ни фишечки!.. Майкл, а сколько же это может стоить на самом деле, а? – глаза Витьки сверкали.

– Пока их не исследуют, не проверят и не датируют ученые, они ничего не стоят. Но вся феня в том, что для этого их надо **ВЫВЕЗТИ**! Понимаешь, Витюня, их надо вывезти из Турции в Россию, либо оставить здесь, у турок. А я... Пускай меня теперь хоть застрелят, я их не отдам!

– Отдавать?! Да ты что?! – ахнул Сандлер. – Это же миллионы долларов в недалеком будущем, если только ты прав. Н-ну... Напрягаю свои еврейские мозги и думаю, думаю, думаю...

Витька ходил крупными шагами по небольшому гостиничному номеру взад-вперед и повторял медленно и монотонно:

– Думаю, думаю-ю-ю, ду-у-ума-аю-ю...

Через минуту у Миши явилось желание чем-нибудь швырнуть в своего бизнес-напарника, но сандалии валялись возле самого входа в комнату, а больше рядом не было ничего, кроме драгоценных свитков.

И тут Виктор резко остановился.

– О-па! Кажется есть! А ну-каньки!

К ужасу Михаила, не успевшего даже раскрыть рот, Сандлер выхватил из коробки свиток, не соблюдая никакой осторожности (да и откуда он мог знать, что ее надо соблюдать, и как она соблюдается?), в то же время другой рукой вынимая из левого кармана джинсов маленькую рулетку.

– Та-ак! Сколько он в длину? Кайф! Двадцать один сантиметр. Еще два в запасе. Значит так, Микки: тебе не будет жалко еще примерно четырехсот долларов и бутылки шотландского виски для старого друга, чтоб распить ее вместе за твоё величайшее открытие?

– Да я все отдам, что еще оставил на покупки, только бы увезти эту писанину домой! – не раздумывая, воскликнул Миша, помня, что осталось у него немного больше тысячи двухсот.

– Ну так и о'кей. Я пошел. Жди!

И, ничего не объясняя, Витька положил свиток назад в коробку и нырнул за дверь.

Он вернулся меньше, чем через час, истекая потом и таща на вытянутых руках три поставленные одна на другую громадные упаковки.

– У-у-у, надорвал поясницу! – завопил он, – Принимай! Да бери же, или уроню, и все это раскатится на...!

Не отвечая на ошеломленные вопросы, Сандлер влетел в душевую, откуда тут же изверглись друг за другом его шикарные пляжные тапочки, футболка «адидаас», шорты и бейсболка. Затем сквозь плеск воды, чиханье и фыркание до Михаила донеслось:

– Вскрой упаковку и посмотри, что за фигиовины!

В широкой коробке оказались посталенные рядами две сотни круглых трубок, очень похоже сделанных под бамбук (на самом деле это, конечно, была пластмасса). Миша снял крышечку с одной трубки и обнаружил в ней тугой сверток бумаги, развернув который, он сразу заметил, что бумага недурно имитирует пергамент, хотя куда тоньше его. Длинный узкий лист был исписан строчками нарочито неровных букв греческого алфавита.

– Ну как?

Виктор вышел из душевой, наматывая на бедра полосатое полотенце.

– «Камафос пафамара куртарикос тамакорка комостантикус...» Что за чушь?! – воскликнул Ларионов, – Это не греческий и не древнегреческий. Это, по-моему, вообще никакой!

Сандлер захохотал.

– Конечно, никакой, Майкл! Эти штуки я привозил в Россию еще года четыре назад, тогда они шли, сейчас, конечно, на такую туфту уже не купятся. Ее только американцы всякие хватают. Сувенир это. Называется «Письмо любви». Сделано как бы под Древнюю Грецию, которой тут туристов потчуют не меньше, чем в Афинах или Салониках.

– Какая же, на фиг, Древняя Греция? – возмутился Миша, – Древние греки не знали бамбука!

– Можно подумать, что америкашки об этом знают, равно как и турки! – пожал плечами Виктор, – Эти «письма любви» тут продаются по шестьдесят пять центов. Ну-ка, дай бамбу-чинку...

Виктор вновь извлек из коробки пергаментный свиток и, прикинув на глаз его диаметр, преспокойно запихал на место «письма любви». Свиток вошел, хотя и с некоторым трудом – он был куда объемнее бумажной «реликвии».

– Вот. На таможне знают эти сувениры, привыкли к ним.

Михаил даже поперхнулся.

– Ду... думаешь, они не поймут? А, Витюн?

– Думаю, моя приятельница с тутошней таможни, которая видела у меня эти письма много-много-много раз, и которой я оч-чень не зря шесть лет подряд дарю конфеты и цветочки, не училась в нашем универе, Майкл, и не разбирается в древнегреческих пергаментах. Буковки те же самые, а что больше написано, так, значит, по-другому стали делать сувенир. И не станет она копать, понимаешь? Я друзей зря не завожу. Я, как выяснилось, даже с тобой не зря десять лет в дружбе – ты, вот кто бы мог подумать, скоро можешь стать знаменитым и, может быть, даже богатым! А я буду скромным другом великого человека. Идет?

До самой ночи они вдвоем вытаскивали из «бамбуковых» коробочек бумажные послания, написанные на тарабарщине, и с великой осторожностью заменяли их пергаментами. Оба снова вспотели, и Сандлер опять ринулся в душ. Что до Михаила, то он, оставив номер под охраной приятеля (он ни за что не бросил бы свое сокровище без присмотра), вышел из гостиницы и уже спустя пять минут был на берегу моря.

Курортный шум к этому часу приутих. Только из ресторанов и бесчисленных уличных кафе доносились всплески музыки, нестройно сливались, перебивали друг друга.

Михаил подошел к парапету набережной, сел на него верхом и, переведя дыхание, огляделся. Огни города, дрожа и переливаясь, поднимались вверх и вверх, и где-то, непонятно где, переставали быть огнями и становились звездами. Огромные и, как показалось Мише, горячие, эти звезды висели в высоком лиловом небе.

– Интересно, – подумал Ларионов, когда одна из звезд мигнула ему три раза подряд, – Ей что-то надо, или она просто так мигает? А, может быть, тот ее свет, что я сейчас вижу, исходил от нее как раз тогда, когда жили герои моих пергаментов? Может быть, в ту минуту, когда звезда на самом деле мигнула три раза, маленький Ахилл так же стоял на берегу моря? А море...

Глава 4

Море растворило размытые краски заката, и глубокая синева поглотила горизонт.

Ахилл одолел последние, самые головокружительные уступы крутого спуска и оказался на узкой галечной полосе, на которую, шурша и чуть-чуть пенясь, накатывали волны спокойного прибоя.

Звезды зажигались одна за другой, и море, только что почти черное, пронизывалось их отражениями, и тысячи бликов зажигались на его поверхности, играя и перемещаясь. В то же время оно начинало и само светиться изнутри, будто в непроницаемой для глаз глубине зажигались факелы, и их зеленоватое сияние всплывало к поверхности, рождая воспоминания о загадочных морских духах...

Какая-то птица крикнула и умолкла, испугавшись своего резкого голоса среди торжественного звучания тишины.

Мальчик шагнул к воде, ступил в нее босыми ногами, вошел глубже, так, что волна омыла его колени, коснулась края туники. Слабый ветердохнул в лицо и стих.

Ахилл вслушивался в тишину и смотрел, не отрываясь, в играющее загадочными пятнами света пространство. Он ждал. Ждал, зная, что его ожидание снова закончится ничем, что будет так, как бывает каждый раз, когда он приходит сюда, что он ничего не услышит, кроме шороха волн и ничего не увидит, кроме звезд, бликов на волнах и этого странного свечения, которое бывает не всегда, но тоже означает лишь то, что у моря свои загадки... Мальчик ждал не этого.

Волна вдруг плеснула сильнее, и Ахилл, вздрогнув, повернулся туда, откуда донесся плеск. Темный хвост дельфина или крупной рыбы мелькнул над водой в полустадии⁷ от берега, и вновь все стихло.

Мальчик почувствовал на щеке что-то влажное, провел рукой, лизнул. Капля была соленой. Неужели брызги прибоя, такого тихого, взлетели так высоко?

Ахилл поднял голову, опять посмотрел на море.

– Так помнишь ли ты меня? – прошептал он и возвысил голос: – Слышишь, отзовись! Или это все неправда? Да, я уже не маленький, я уже почти понял, что меня, наверное, обманули... никакая ты мне не мать... Разве мать бросила бы своего сына навсегда, так, чтобы за двенадцать лет не посмотреть на него ни разу и ни разу с ним не поговорить? Богиня или не богиня, но все равно ведь мама... Кто же тогда родил меня? И почему той, что меня родила, я не нужен? Или во мне что-то плохое? Мама! Мама, откликнись! Если ты – богиня, дочь морского старца Нерая, то ты слышишь меня сейчас... Я ничего и никого не боюсь, я уже почти все умею – сражаться, охотиться, врачевать раны, читать и писать – Хирон всему меня научил. Но мне без тебя плохо, мама! Мама!

Он крикнул и замер, вновь всматриваясь и вслушиваясь.

Море тихо шуршало по гальке. Где-то снова плеснула рыба. И вновь, но очень далеко, прозвучал короткий крик морской птицы.

Звезды стали бледнее – новорожденный месяц взошел, и волны заблестали живой серебряной чешуей.

Мальчик снова провел рукой по лицу и наконец понял, откуда эта соленая влага на его щеках.

– Ну что же... – прошептал он, кусая губы, чтобы не разрыдаться. – Ну, раз так... Жил я до сих пор и буду жить дальше! Ладно!

⁷ Стадий – древнегреческая мера длины, точнее, расстояния. В разное время измерялся по-разному. Традиционный олимпийский стадий равнялся 192,27 м.

Он отвернулся и при неверном свете звезд и тонкого полукружия луны стал взбираться по отвесному кряжу. Обрыв был не менее ста локтей в высоту, но мальчик одолевал его уже сотни раз и карабкался по гладким уступам быстро и уверенно. Достигнув плато, он выпрямился, на всякий случай еще раз глянул с высоты в сторону моря, по-прежнему равнодушно сверкавшего серебром лунной чешуи, и повернулся, собираясь пересечь плато и спуститься ко входу в пещеру Хирона.

– Теплая в море вода? – прозвучал совсем рядом голос учителя.

Ахилл не вздрогнул: тот же Хирон все пять лет учил его всегда быть готовым к любой неожиданности.

Старик стоял в трех шагах, подойдя, как всегда, бесшумно и словно появившись ниоткуда.

– Теплая. Но я заходил только по колено. Ты сам говорил, что ночью купаться небезопасно.

– Да, – старик кивнул, – И особенно здесь. Я не раз видел акул почти у самого берега. А мне снова не спится. Я разжег огонь в очаге, разогрел мясо твоего кабана и решил пойти позвать тебя, чтобы ты поделил со мной поздний ужин.

– И ты знал, где меня искать! – тихо сказал мальчик.

– Я знаю, что ты часто спускаешься к морю.

Уже сидя в пещере, возле очага, медленно нарезаая ножом ломтики сочного мяса на большой глиняной тарелке, Ахилл спросил:

– Мы никогда не говорили об этом, учитель... Но ведь ты не веришь, что моя мать – богиня Фетида? Ты... Ты вообще не веришь в богов, да?

Хирон ласково положил руку на плечо ученика, его пронзительные, чистые, как родниковая вода, глаза будто вошли в душу мальчика, видя в ней все. Наконец старик сказал:

– Будь по твоему. Ты вырос, наверное. И сердце мне подсказывает, что вскоре мы можем расстаться...

– Нет, учитель!

– Ты не то подумал. Я пока не собираюсь умирать. Только, боюсь, тебя заберут от меня... Значит, пора ответить и на этот вопрос, не то ты будешь думать, что я в чем-то тебе лгал. Видишь ли, Ахилл, в богов я верю. Только сумасшедший может не видеть очевидной и явной власти над миром и людьми неких незримых сил. Однако я не считаю богов, которых у нас принято чтить, великими и всемогущими.

– Как?! – вскинул голову мальчик, – Как же: боги – и не всемогущи?

– А ты сам подумай! – голубые глаза учителя были серьезны, хотя на губах появилась улыбка, – Я же рассказывал тебе все предания о них. И ты сам не раз замечал, что боги, все, вплоть до великого Зевса-громовержца, подвержены тем же порокам и слабостям, которым подвержены люди. И злобе, и зависти, и страху (хотя они бессмертны!), и подлости, и корысти... И в них все это проявляется едва ли не сильнее, чем в людях. Если правда хотя бы десятая часть того, что мы о них знаем, то по сути своей боги слабее людей, потому что наши пороки делают нас беззащитными прежде всего перед собою... Так скажи мне – могут ли существа, не владеющие собой, владеть и управлять миром и силами природы? Допустим, что могут. Но тогда на земле и в мире все было бы устроено нелепо, одно противоречило бы другому... Нет! Наблюдая этот мир, я вижу, что в нем, напротив, все идеально, все взаимосвязано, и все прекрасно. От любого, самого маленького цветка, до высочайшей горы. И при всем множестве созданий, наполняющих мир, нет ничего, ты понимаешь, совсем НИЧЕГО лишнего, чего-то, что не служило бы общей совершенной гармонии. Все, что есть, и все, что происходит – рождения, смерти, приход весны и наступление зимы, восход солнца и темнота ночи, – все осмыслено, все верно и точно. Только человек постоянно нарушает гармонию, но он делает это потому, что ТАК ХОЧЕТ, а все остальное, что есть вокруг нас, не имеет желаний, но живет по воле силы, создавшей мир. Так вот, подумай: возможно ли, чтобы существа несовершенные, такие, как мы с тобой, способные к стольким ошибкам, создали такой идеальный мир и так мудро и прекрасно им управляли?

– Н... не знаю... Нет, не возможно! – воскликнул мальчик. – Но... не могло же оно все создаться само?

– Нет, конечно. Это было бы еще невозможнее. Мир определенно разумен, значит, он и создан Разумом. Более того, тот, кто его создал, действительно обладает личностью, то есть имеет свое Я, не то Он не мог бы создать существо, у которого тоже есть Я – человека. Но наших пороков и слабостей у него нет, Он непорочен.

– Почему? – голос Ахилла задрожал, и едва ли не впервые в жизни он ощутил в себе страх, только попытавшись представить Существо, наделенное таким могуществом. – Почему ты уверен, учитель? И кто сказал тебе?

– Никто. Я дошел до этого сам. Хотя нет, не сам... Думаю, Он подсказал мне, не раз подсказывал потому что я давно ищущу Его и хочу понять. И мне не раз приходилось слышать в разных землях, от разных мудрецов, что они тоже ощущают нечто подобное и тоже видят несовершенство наших представлений о мире и о его создании. А почему я уверен в Его непорочности? Ну-ка представь: может ли попасть в цель из лука тот, у кого неверен глаз и не достаточно тверда рука? Нет. Может ли поднять и унести тяжелый камень тот, кто слаб? Не может. Возможно ли, чтобы вкусный хлеб испек тот, кто не умеет правильно замесить тесто? Невозможно. Так если в мире ВСЕ так хорошо сделано, стало быть Тот, Кто это все сделал, не имеет недостатков. Так?

– Да, – кивнул Ахилл, – И кто это – Он?

Хирон вздохнул.

– Я не знаю. Очень хочу знать, но не знаю. Говорят, когда-то, беспредельно давно, Он общался с людьми, но потом они об этом забыли.

– А боги? – спросил мальчик, – Ты сказал, что веришь в них. Кто же тогда они?

– Они есть у всех народов, среди которых я бывал и жил, – сказал старик. – Они разные, их по-разному описывают, и у них разные имена, но всегда одинаковые признаки и суть. У всех есть бог, повелевающий остальными богами, есть боги Солнца и Луны, есть божество любви и есть царь Подземного царства. Это значит, что либо люди повсюду придумывают олицетворение сил земли и неба, а также олицетворение своих пороков и придают им определенные образы, либо эти божества существуют. Первое объяснение было бы слишком примитивно – в человеческом воображении может родиться многое, но для того, чтобы образ стал зримым и общим для всех, выдумки недостаточно. Нет, нет, они есть. Только вот боги ли они, либо высшие демоны, стремящиеся к власти над миром и обретающие пока только власть над людьми? Почему над людьми? Да потому, что людям легче понять их, чем Его, который настолько их выше, и легче договориться с ними... Возможно, одни из этих богов действительно лучше, а другие хуже, но только они не могут созидать, а значит, не могут и творить добро. Зато им легко толкать людей на злые дела, а людям приятно оправдываться тем, что зло они делают не сами, а под влиянием богов. Кстати, мне не раз говорили, что у разных народов разные боги, и когда те оказываются сильнее этих, народ сильных богов берет верх над тем, чьи боги слабее... Это уже совсем смешно – похоже на курятник, в котором оказывается три или четыре петуха, и они начинают драться за власть над курами.

Ахилл рассмеялся и тут же умолк. Ему вдруг стало не по себе.

Хирон снова глянул ему в глаза и продолжал:

– Только учти: все, что я тебе говорю, во-первых, может оказаться моей ошибкой и великим заблуждением. Я могу быть не прав. А во-вторых, это опасно повторять – ты восстановишь против себя множество людей и наделаешь много зла: ни я, ни ты не знаем пока, в чем истина, значит, можем лишь посеять сомнение, а сомнение безопасно только для твердого ума, всех остальных оно губит. Поэтому о том, что я сейчас сказал тебе, говори лишь с самыми близкими, с теми, в чьей твердости ты уверен. И не забывай ходить в храмы и приносить жертвы богам – кто бы они ни были, они сильнее нас, и мы не лучше их, а потому не вправе их оскорблять. Во всяком случае, до тех пор, пока не знаем иного пути.

– А как найти его, этот путь? – спросил Ахилл.

Старик тихо рассмеялся.

– Боюсь, это невозможно. Я живу на свете почти сто двадцать лет, обычно люди не живут так долго. Я ушел от мира и живу в уединении именно для того, чтобы ничто не мешало мне размышлять и искать этот путь. Иногда мне казалось, что вот, я нашел. И оказывалось, что это снова не то... Наверное, Он, тот, о ком мы говорили, сам должен нам показать. Возможно, когда-то Он это сделает. А жизни человеческой явно мало для вершины познания.

– Ну почему нельзя прожить еще и еще раз? – в досаде воскликнул мальчик.

И снова Хирон засмеялся, на это раз лукаво.

– А знаешь, у некоторых народов, среди которых я побывал, такая вера есть. Они верят, что душа человека уходит в Царство мертвых лишь на время, а потом возрождается, либо в другом человеке, либо в животном, либо в дереве или цветке. Они говорят: если ты хорошо прожил, то станешь снова человеком, да еще каким-нибудь особенным человеком, а если был плох и грешен, из тебя сделают собаку или осла. Это очень удобная вера, я бы сказал, очень хитрая.

– Хитрая? – удивился Ахилл, – Но почему?

– Да потому что позволяет верить в бессмертие, которое на самом деле есть смерть. Разве дерево может думать: «Я было Хироном, или Ахиллом»? Ну, ладно, мы не можем ведать, что думает дерево. Но если бы моя душа возродилась в осле, то уж осел-то нашел бы возможность как-то дать понять людям, что он разумен... А уж если я возрожусь в человеке, то этот человек должен же помнить, что он был мной. Но нет, история не знает случаев такого воспоминания о чужой душе... разве что в случае безумия, а его, как известно, насылают демоны. Так что же

это за бессмертие такое получается? Душа, которая живет, не помня, в ком она была? Выходит, душа как раз и не бессмертна, выходит, ее память умирает, а значит, умирает она сама. Вера в перевоплощение есть просто изощренный самообман, и на деле это вера в смерть, в полное небытие. Так что, нет, мальчик мой, нет. Жизнь здесь, на земле, одна-единственная, а в Царстве теней, куда попадем мы все, уже едва ли можно что-то понять и что-то исправить. Послушай-ка, мясо остывает. Давай поедим, да и пора спать – скоро рассветет.

Некоторое время они молчали, жуя кабанину и кусочки ячменной лепешки. Воду, чтобы запивать еду, черпали чашками прямо из озерца посреди грота, благо недавно прошли дожди, и вода была чистой и свежей.

– А моя мать? – вдруг спросил Ахилл, – Все-таки, могу я быть сыном богини, или нет?

– Тебе очень важно быть сыном именно богини? – спокойно, без насмешки, спросил учитель.

– Совершенно неважно, – твердо ответил мальчик, – Я просто хочу, чтобы у меня была мать.

Рука старика снова легла на его плечо.

– Еще ни один человек не был рожден иначе, как женщиной. И если та, что родила тебя, жива, то ты когда-нибудь сможешь ее найти. А если она богиня, то уж точно не могла умереть. У тебя еще много времени, Ахилл. Научись терпеть. Кстати, у тебя и нет другого выхода.

В эту ночь он впервые увидел сон, который потом приходил к нему много-много раз. Он снова увидел море, спокойное, играющее ослепительными солнечными бликами. На отмели, среди пены и волн, прыгали и гонялись друг за другом дельфины. Они носились, почти задевая дно, то уходя на глубину, то вновь приближаясь к опасному для них мелководью. И среди них, с ними, резвилась и играла девушка. Нагая, прекрасная, как Афродита пеннорожденная в день своего рождения. Ахилл точно знал, что это не его мать. Это была смертная девушка, но она, была прекрасна, как богиня. Он запомнил ее точеные ноги, высокую грудь, полускрытую струями длинных-длинных, черных, как смола волос, ее глаза, синие и жаркие... Да, именно синие и жаркие!

Мальчик проснулся с ощущением счастья, будто море, от которого он столько лет ждал встречи с матерью, вернуло ему невозвратимый долг. Потом он понял, что это был сон, но в нем почему-то осталась уверенность, что эта девушка есть. Не здесь, не сейчас. Но где-то она есть обязательно, и когда-нибудь он сможет увидеть ее наяву.

* * *

– Ты хотя бы сам представляешь себе, ЧТО ты нашел?

– Честно говоря, Александр Георгиевич, нет. Я ни о чем подобном никогда даже не слышал. Я был уверен, что в тот период не создавались такие формы литературных произведений. Вернее, был уверен, что не создавалось никаких. Ведь это так называемые «темные века», время упадка...

– Ага! В тот период. А в КАКОЙ? Ты каким веком датируешь рукопись?

Профессор Каверин сидел совершенно не по-профессорски, верхом на стуле, рядом со своим письменным столом, размерами и мощностью более всего напоминающим БТР. Стол был девятнадцатого века, резной, многоящичковый, со «вторым этажом», снабженным множеством полочек и ящичков, с выползающей из-под верхней крышки гибкой деревянной шторой, которая могла при надобности закрыть всю верхнюю часть и саму столешницу, покрытую не красным и не зеленым, а изысканным фиолетовым сукном. Бронзовый с мрамором чернильный прибор, готовальня из натуральной кожи, ампирный подсвечник, в который был очень ловко вделан провод и вставлена лампа, бюсты Платона, Геродота и Ломоносова, стопка книг в возрасте от девяноста до ста пятидесяти лет, часы-хронометр, пепельница черного мрамора.

мора... Среди всего этого логически взаимосвязанного хаоса сумасшедшим вторжением времени выглядел компьютер. Его клавиатура дерзко светлела на толстом стекле, лежащем поверх сукна, а из-под нее выглядывали фотографии покойной жены Александра Георгиевича и его дочки, снятой с мужем и сынишкой на белоснежной лестнице Алупкинского дворца. Монитор тускло косился на стоящего рядом Геродота.

Стол был главной доминантой просторной комнаты. Но сейчас главнее был кирпичный камин, потому что он горел, и сполохи пламени, играющие прямо за спиной профессора, делали его фигуру, обтянутую темным свитером, загадочной и фантастической.

Александр Георгиевичу было шестидесять два года, но он казался моложе, и вообще облик его был далек от классических профессорских стандартов. Он не был ни тучен, ни сухощав, но ладно и хорошо сложен, довольно высок, но не долговяз. К тому же не носил ни усов, ни бородки, ни бородищи, а был гладко выбрит, и его седые густые волосы были подстрижены коротко и ровно, скорее как у спортсмена, а не ученого. Даже очки он надевал только когда в них возникала крайняя необходимость. Зато (и это было уж точно по-профессорски) он курил трубку, шикарную, вишневую, старой, хорошей работы. Был у Александра Георгиевича и кот, тоже вполне профессорский, черный, большой, длинноусый, гордо носивший прозаическую кличку Кузя.

Профессор вот уже шесть лет жил за городом, но свой кабинет в загородном доме обставил точно по образцу городского. Только прежнюю кафельную печь заменил камин.

– Так какой это, по-твоему, век, а, Миша?

Голос у Каверина был тихий, но звучный и какой-то очень молодой. Бывало, он звонил Мише по телефону, в старые времена, когда Ларионов жил с матерью, и та кричала: «Миш! Тебя какой-то парень спрашивает!»

– Век... – Миша смутился. – Я датировал пергаменты веком пятым до нашей эры...

– Ничего подобного!

Глаза профессора сверкнули, он так и подскочил на стуле.

– Ты не побоялся датировать его этим периодом, хотя видел, что пергаменты выглядят новенькими. Сомневался, но датировал. И ты ошибся.

– Подделка? – со смешанным чувством отчаяния и сомнения воскликнул Ларионов.

– Да нет же! – крикнул Каверин, – Нет. Только это не пятый век и не шестой. В то время уже ничего подобного написать не могли. Ты прав, тогда ничего не писали. Это памятник подлинной крито-микенской культуры, и создан он, очевидно, в двенадцатом веке до нашей эры, то есть непосредственно после событий, в нем описанных.

У Михаила закружилась голова.

– Двенадцатый?! Но...

– Мишенька, – очень серьезно проговорил профессор, – вольно или невольно, ты совершил громадное, невероятное открытие. Во-первых, мы столкнулись с действительно неизвестной нам до сих пор формой древнего художественного произведения. И оно подтверждает мою догадку о подлинном уровне развития культуры крито-микенской эпохи. Эти свитки заключают в себе роман, именно роман, написанный стилем и языком, очень близким к нашему времени. Я имею в виду лексику, форму, сюжетное построение... И во-вторых – это, вероятно, подлинное описание событий, ставших первоосновой одного из самых известных и знаменитых мифов древности. Это настоящая история Троянской войны и ее героев.

– Вы думаете? – задал Михаил совсем глупый вопрос и покраснел.

Но Александр Георгиевич, казалось, не заметил ни вопроса, ни смущения своего аспиранта.

– Начало, которое ты успел прочитать и перевести, наспех, но очень неплохо, – оно, это начало, уже дает полное представление, о чем, точнее, о ком и о каком периоде идет речь. Я прочитал повесть целиком.

– Вы успели!? – ахнул Миша, – Я вам привез свитки три недели назад... Ну, чуть больше.

– Я успел уже и перевести больше половины текста, – профессор развел руками и вновь вцепился в спинку кресла, не спуская с Миши пристального взгляда своих светлых глаз, – Я просто не мог ничего больше делать. Позорно взял больничный, хотя до зимней сессии – всего ничего. Я почти не спал. Я котика не кормил больше суток! Нет, это просто фантастика! И я более, чем уверен, что писал это все один из участников, во всяком случае, один из свидетелей всех этих событий.

– И там описана вся Троянская война? Как у Гомера? – спросил Миша.

– Нет. Не как у Гомера и не как в общеизвестных вариантах мифа. Повествование начинается, если ты заметил, раньше, чем гомеровское – с детских лет главных героев. В мифологических сюжетах есть подтверждение этому изложению – и упоминание о дружбе Ахилла и Патрокла с детских лет, и обучение Ахилла кентавром Хироном.

– Но в этой... в нашей повести Хирон не кентавр!

– Ну, само собой! – глаза Каверина смеялись, хотя лицо осталось серьезным, – Мы же с тобой имеем не сказку и не легенду – это абсолютно реалистическое произведение. И там не может быть никаких кентавров, потому что их никогда не было в природе. А Хирон был. И был, видимо, на самом деле одним из величайших мудрецов своего времени. Как он по теории реинкарнации⁸ двинул, а!

– Читая это, я подумал, что так рассуждал бы православный человек, – заметил Миша, бросив взгляд на несколько старых икон, поблескивающих латунными ризами в правом углу комнаты.

Профессор кивнул.

– Всякий человек, близко подошедший к пониманию Господа, Его подлинной Сути, приближается к православному сознанию. Хирон, скорее всего, искал эту Суть всю жизнь и оказался к ней вплотную. Не зря же он отвергал идею могущества языческих богов. В дальнейшем, в повести эта тема развивается неоднократно. Но сама повесть просто поразительна! В ней – все достижения современной нам литературы... Я сейчас почти закончил перевод первой книги... То есть, там нет такого деления, но логически и по смыслу оно есть, и я делаю это в переводе. Я же разделил первую книгу на несколько объединенных по смыслу частей и собираюсь сделать то же самое со второй книгой, также придумывая к частям заглавия, которых у нашего автора нет. А вот главы как таковые есть. Они обозначены отчеркиванием или пропуском – свободным местом на листе пергамента.

– Трудно было переводить? – с восхищением глядя на профессора, выдохнул Ларионов.

– Абсолютно не трудно. Говорю тебе, по сути и по стилю это – современный текст. Уровень развития, не технического, а культурного и духовного, у людей этой эпохи очень близок к нашему. И я всегда это знал, изучая немногие сохранившиеся рисунки и скульптуры того времени. Литературных памятников нам не осталось, от Древней Греции вообще осталось мало литературы. Самое древнее – пьесы Софокла, Еврипида, Эсхила, комедии Аристофана. Это все уже очень и очень не то время и страшно далеко от крито-микенской культуры. Первый дошедший до нас греческий роман «Дафнис и Хлоя» – и вовсе третий век нашей эры, и он выглядит рядом с твоей находкой все равно, как оды Тредиаковского рядом с поэмами Пушкина.

– Развитие по спирали... – прошептал Ларионов.

– Возможно... – глаза профессора блеснули и погасли, – А может быть... Не знаю, Миша, не знаю. Словом, переводить было не труднее, чем Бальзака, например. Я в молодости этим

⁸ Теория реинкарнация – очень древняя, а в наше время очень модная теория переселения душ, воплощения души после смерти ее носителя в другом носителе (человеке, животном, растении). Распространена в восточных религиях и многих оккультных учениях.

баловался. Другое дело, что сам язык рукописи много богаче привычного нам классического древнегреческого языка, в нем больше красок, его словарный запас неизмеримо шире. По своему многообразию и по своим образно-художественным возможностям он, пожалуй, напоминает русский. Там есть слова и словосочетания, о которых я даже не слышал, хотя знаю древнегреческий не хуже своего родного, в чем ты, помнится, не раз убеждался. Мне приходится для иных выражений искать чисто смысловой перевод, «вылавливать» то или иное слово из текста в разных местах, чтобы не сомневаться в его значении. Но это, опять же, не трудно, а невероятно интересно. Жаль, есть солидные утраты текста. Вот после того пергамента, что ты успел перевести сам, одного свитка недостает. Очень важного, на мой взгляд. Там как раз, видимо, завязка событий, ситуация, когда Парис похищает Елену Прекрасную из Спарты. Возможно, описаны и состязания ее женихов, и само их жениховство, и то, как Елена выбирала Менелая, спартанского царя. Возможно, есть. Додумывать я не рискую. В конце концов, мы знаем мифологический сюжет. Хотя ты сам убедишься, как отличается то, что произошло на самом деле, и от мифа и от Гомера... Не только и не столько событийно, хотя и события развивались несколько иначе, но прежде всего нравственно-психологически. Да вот, возьми и читай!

С этими словами Александр Георгиевич протянул руку к столу, подхватил своими длинными пальцами стопку принтерной распечатки и сунул Мише. Следующим движением он повернул колпак настольной лампы так, чтобы свет упал на листы.

– А у вас есть время? Я не задерживаю вас? – Миша дрожащими руками вцепился в распечатку, – Можно у вас задержаться?

– Можно. Только жене не забудь позвонить. И читай спокойно, а я пока за водой схожу и сооружу чай.

Глава 5

Дом мирмидонского базилевса⁹ Пелея все называли дворцом. Называли потому, что это был дом царя. Но он нисколько не походил на прекрасные дворцы Микен, Крита или Спарты. Это было одноэтажное здание, сработанное из светлого песчаника, с широким порталом¹⁰, украшенным четырьмя прямоугольными колоннами, к которому поднималась внушительная лестница.

Портал вел сразу в просторный зал с выбеленными стенами, с фризом¹¹, очерченным геометрическим орнаментом, с широким отверстием в потолке, под которым было устроено углубление для сбора дождевой воды. По углам зала стояли высокие бронзовые светильники, очень простой формы, вдоль стен располагались деревянные скамьи, покрытые медвежьими и волчьими шкурами. В дни праздников сюда же вносили длинные столы и вазы с цветами, и в воду маленького бассейна тоже бросали цветы. От зала вправо и влево вел коридор, а в него выходили двери десяти комнат (по пять с каждого крыла), обращенных узкими окнами во внутренний двор. Этот двор образовывали не крылья здания, каковых не было, а высокая каменная ограда. Во дворе лепились к ограде несколько хижин, в которых жили рабы, посреди был колодец, а кругом него росли кусты жасмина, несколько старых слив и акаций.

Комнаты, как и зал, были расписаны и обставлены очень просто, выдавая и недостаточное богатство базилевса, и его пренебрежение к украшениям и блеску. Роскошны здесь были только шкуры хищников, разложенные и развешанные повсюду, свидетельствовавшие о том, что хозяин дома – великий охотник, да еще оружие, которое, хотя и не бросалось в глаза, но попадалось на пути часто – красиво сработанное и любовно начищенное. Видно было, что базилевс умеет его ценить и любит иметь под рукой.

– А вот это копье Ахилл недавно сделал для себя сам. От начала до конца. Сам отыскал в роще, на склоне, молодой, совершенно прямой ясень, срезал его, обточил и отполировал, Сам выковал наконечник, железный, не бронзовый, и посмотри, какой мощный! И своими руками его укрепил на древке, а само древко, видишь, в нескольких местах оковал полосами железа, чтобы сделать прочнее и уравновесить с наконечником. Оно красиво, верно? Наши воины прозвали его «пелионским ясенем» – деревце-то со склона Пелиона.

Произнеся это, Пелей погладил рукой копье, прислоненное к стене в комнате его сына.

Феникс, давний друг царя и управляющий всем домом, красивый шестидесятипятилетний старик, изумленно подняв голову, осмотрел наконечник, сверкавший на высоте пяти локтей¹² от пола, взялся за гладкое древко, с трудом охватив его пальцами, но не рискнул даже попытаться поднять.

– Да оно же с полбыка весит! – проговорил он. – И что, Ахилл, в свои тринадцать без малого лет, может его носить?

– Носить? – Пелей рассмеялся. – Он бросает его легко, как дротик, и оно летит на двести шагов и втыкается в землю и в самое твердое дерево. Ты давно не видел своего бывшего воспитанника, Феникс, и даже не можешь себе представить его нынешней силы. Я сам с трудом верю в нее.

Феникс покачал головой.

⁹ Базилевс – царь, предводитель у древних греков. Базилевсы правили городами полисами, возглавляли племена, в военное время руководили армией.

¹⁰ Портал – вход, входное отверстие.

¹¹ Фриз – полоса, завершающая верхнюю часть стены, перед переходом к карнизу.

¹² Локоть – распространенная в древнем мире мера длины. Измерялся в разное время и разных местах по разному. В описываемый период – около 35 см.

– Да-а! Я понимаю царя Агамемнона, который так хочет заполучить Ахилла в свою армию! Если война с Троей начнется, то такой воин им очень не помешает...

– Этого не будет! – резко воскликнул Пелей и, как обычно, волнуясь, разрубил воздух взмахом ладони. – Я не знаю, с чем возвратится царь Менелай, вернут ли ему жену эти обнаглевшие троянцы, но в любом случае, мой сын не поедет воевать ради подлой девки, ради грязной развратницы, сбежавшей от мужа с каким-то негодяем-сопляком! Ахилл не сватался к ней, да и не мог свататься – ему тогда было одиннадцать лет, и никакой клятвы он не давал, и не во власти Агамемнона и Менелая потащить его туда, чтобы он сложил голову за чужую дурь!

– И потому ты хочешь отправить его на Скирос¹³, к Ликомеду? – спросил старик.

– Да.

Пелей отвернулся и, выйдя из комнаты сына, прошел через узкую дверь в конце коридора во внутренний двор. Здесь, в тени большого старого ореха, стояла широкая деревянная скамья, перед которой, на невысоком столе, рабы, знавшие привычки своего хозяина, заранее поставили небольшой кувшин вина с парой кубков и блюдо с разложенными на нем свежими лепешками и спелыми плодами смоковницы.

Пелею в это время уже исполнилось шестьдесят, но выглядел он лет на десять моложе, высокий, могучий, все еще быстрый во всех движениях, а временами порывистый и резкий. Обильно просеянные сединой волосы и борода, подстриженная очень коротко, красиво обрамляли его острое лицо, которое казалось бы сухим и холодным, если бы не очень живые серые глаза, да не румянец, в мгновения гнева и возбуждения заливавший его худые щеки.

Он так и не приучил себя носить подобающий возрасту длинный хитон, и тот, что был на нем сейчас, лишь закрывал колени и опускался едва ли до четверти икры. Впрочем, крепкие, сильные ноги царя были вполне под стать такой одежде. На его шее поблескивала массивная серебряная гривна. Ни венца, ни колец, ни браслетов он обычно не носил.

Отпив вина из кубка и степенно закусив лепешкой, Феникс вернулся к их незаконченному разговору, зная, что, при всей своей резкости, царь внимательно прислушивается к его словам.

– Почему бы тебе, раз так, не оставить Ахилла у Хирона, а Пелей? – спросил управитель. – Разве кто-нибудь из подданных Агамемнона отважится проникнуть в пещеру того, кого они считают кентавром?

Пелей пожал плечами.

– Кто-кто, а Патрокл туда доберется! Все время добирается. Они же видятся не только тогда, когда Ахилл бывает здесь, и сын этого не скрывает. Патроклу, конечно, не разрешается входить в пещеру, но возле нее и на берегу моря они встречаются постоянно. И если друг моего сына скажет ему, что едет на войну, Ахилл поедет тоже, и я не смогу удержать его. Он слишком предан Патроклу.

– А на Скиросе он не узнает и не догадается, что его друг отправился воевать с Троей? – голос Феникса выдал едва заметную усмешку.

– На Скирос Патрокл не поедет, – сухо сказал Пелей. – А я... Я, в конце концов, пойду на то, чтобы обмануть Ахилла – напишу, что Патрокл остается здесь.

– Но война не закончится быстро, это все говорят, – не сдавался упрямый Феникс. – Если она начнется, то продлится года три-четыре, по крайней мере. Трояда сильна и непобедима. Была непобедима до сих пор... Что же, Ахилл так и будет прятаться на Скиросе, будучи величайшим богатырем среди ахейцев? И что же, он не узнает, что друг, которого он так любит, сражается в войске Агамемнона?

Пелей нахмурился.

¹³ Скирос – один из островов Эгейского моря. Согласно мифологии, на Скиросе, у царя Ликомеда, Пелей спрятал Ахилла, т.к. тому была предсказана гибель во время Троянской войны.

– Пускай станет хоть немного старше. Чтобы у него была возможность решать обдуманно. Ты знаешь, Феникс: мне нагадали дурное о нем... Там, возле Трои, его стережет гибель!

– И ты думаешь обмануть судьбу? – голос старого управляющего прозвучал печально. – Ах, Пелей!

– Я уже не раз и не два обманывал ее, и она пока что терпит! – почти со злостью бросил базилевс. – Я знаю, что заставить Ахилла сделать что-то, чего он не захочет, не в моих и ни в чьих-либо силах. Это же говорит мне Хирон. Но это мой сын, и я буду бороться за него!

Феникс задумался, отпил из кубка и неторопливо надкусил большую сочную смокву.

– А мне кажется, – тихо проговорил он после недолгого молчания, – мне кажется, что на Скиросе мальчик будет едва ли не в большей опасности...

– Это ты на что намекаешь? – чуть усмехнувшись, спросил Пелей.

– Ты знаешь, на что. На старшую дочь Ликомеда.

– Деидамию? – базилевс сморщился. – Ну... Неужели ты думаешь, что?... Да нет, чушь!

И вновь его крепкая ладонь сверху вниз рассекла воздух.

Однако Феникс вздохнул и снова заговорил.

– Это серьезно, царь, поверь мне. Деидамию восемнадцать лет, и она уже дважды была замужем. Трудно сказать, что ею движет, и трудно сказать, отчего ее отец потакает безумным выходкам дочери. Во всяком случае, раз Ликомед пригласил Ахилла погостить на Скиросе, то у него есть какие-то тайные мысли. Просто так он ничего не делает.

– Ликомед – мой друг, – хмурясь, произнес Пелей.

– Ну да, – кивнул Феникс. – Пять лет он не вспоминал о тебе, а теперь, когда по всем ахейским землям разнеслась слава твоего сына, он вдруг написал письмо и пожелал видеть тебя и его! Думаю, ему пришло в голову женить Ахилла на Деидамию и заполучить надежного защитника своего острова, на который уже много лет зарятся два его брата. Вот в этом все и дело...

– Женить Ахилла на этой... этой!.. – лицо базилевса загорелось алыми пятнами и тут же вновь побледнело. – Да ты с ума сошел, старик! Он еще мальчик. И неужели она ему понравится?!

Феникс отпил вина и вновь неторопливо надломил лепешку.

– Она многим нравится, Пелей. Ахилл – мальчик, да, ему нет еще тринадцати, но на вид-то все восемнадцать. Я его и правда давно не видел, но от многих слышал, каким великаном он вырос. И он уже может стать мужчиной, неужели нет? А этой хищнице такой и нужен – юный, прекрасный, наивный. И ее умнейший отец готов помочь ей в этом – у него-то свои замыслы. Ох, плохо это может кончиться, мой царь, ох плохо! Право, отпиши Ликомеду, что Ахилл к нему не поедет...

Пелей собирался ответить, но тут во двор вбежал один из его рабов.

– Мой царь! – раб говорил, одновременно низко кланяясь и от этого проглатывая слова. – Мой, царь, к тебе приехал почтенный Нестор. Он не хочет ждать, идет прямо сюда.

– Ну так пускай идет! – ответил Пелей, пожимая плечами. – Принеси еще один кубок и пару подушек, Селий.

Едва он это произнес, как в дверях дворца появился и быстрым шагом подошел к ним мужчина лет пятидесяти пяти, среднего роста, жилистый и крепкий, одетый в широкую черную хламиду, искусно, но и небрежно наброшенную поверх красного, чуть прикрывающего колени хитона. У него были темные, скупно разбавленные сединой волосы, повязанные скрученным платком, и коротко остриженная темная борода. Черты лица, крупные, однако достаточно тонкие, выдавали страстную натуру, но страсть давно была глубоко спрятана под твердой корою воли и мудрого, непреклонного терпения.

Нестор был роднею мирмидонского базилевса, но, хотя сам он и не был царем, слава его далеко превосходила славу Пелея. Подобно могучим Диоскурам¹⁴, он прославился как великий укротитель коней, непревзойденный наездник и знаток лошадиного нрава.

– Привет тебе, мой базилевс! – голос пришедшего звучал ровно и твердо, хотя только что он почти бежал. – Здравствуй, добрый Феникс!

– Что у тебя за известие? – быстро спросил Пелей, лишь чуть привставая навстречу гостю – их близкое родство и давняя дружба давали право избегать обычных церемоний. – Ты не влетел бы сюда так бешено, если бы не имел важного известия для меня. Я слушаю. Впрочем, я не хочу быть неучтивым... Выпей вина, а уже после говори. Эй, Селий! Где подушки и кубок?!

Раб бегом подскочил к столу, поставил кубок рядом с кувшином и, повинуясь взгляду господина, наполнил его вином.

Нестор, спокойно расправив складки своей хламиды, уселся на распolzающуюся стопку подушек и поднес к губам вино. Глоток, второй, и вот он уже поднял взгляд на двух напряженно ожидающих его речи мужчин.

– Весть, я думаю, дурная, Пелей... – у него был глуховатый, но необычайно выразительный голос. – Мне передали через моих друзей, что живут в Спарте: Менелай приплыл из Трои... Его попытка вернуть похищенную жену провалилась. Самого его едва не взяли в плен эти обезумевшие от наглости троянцы. Спасло только вмешательство старшего сына царя Приама, этого юного богатыря и, как говорят, большого умницы – Гектора... Он внушил своим мысль о том, что взять в плен мирных послов – последняя подлость. Но, как бы там ни было, Елену троянцы не вернут, а это значит, что будет война.

– О, лукавые боги! – вырвалось у Феникса.

– Я так и думал! – тихо сказал Пелей.

Нестор посмотрел ему в лицо.

– Ты знаешь, что я скажу тебе, мой царь! – он говорил очень тихо, но необычайно резко. – Ты знаешь, что может случиться... Ахилл не должен туда ехать. Он не должен участвовать в войне, что бы там ни было!

– Я знаю, – сухо проговорил Пелей и со странной улыбкой обернулся к Фениксу: – Ну, видишь, друг мой! Деидамия Деидамией, а выбора у меня нет. Ахилл отправится на Скирос!

* * *

– Вот оно, как было! – проговорил задумчиво Михаил. – А ведь во всех мифологических сюжетах упоминается этот самый остров Скирос, и царь Ликомед, и его дочь Деидамия, которая стала женой Ахилла. Александр Георгиевич, а если забежать вперед... Здесь как? Он на ней женится?

Профессор Каверин в это время колдовал над составлением своей любимой сложной заварки из трех сортов индийского чая. Всякие прочие мудреные кулинарные изыски он совершенно не выносил, но это чайное священнодействие читл неизменно. Летом чай заваривался из латунного самовара, сейчас в дело был пущен суперсовременный электрический чайник, закипающий за полторы минуты. Но суть была не в этом, а именно в загадочном соединении черных рассыпчатых горстей ароматных чаинок в какой-то совершенно определенной пропорции. Пузатый чайничек-заварник был заранее разогрет и курился прозрачным паром, ожидая, когда заветное зелье будет брошено в его фарфоровое чрево и залито кипятком.

– Он женится на ней, Миша, – не поднимая головы, отозвался профессор. – Правда, ненадолго, как явствует из дальнейшего текста. Здесь отсутствуют два свитка, видимо, в них и опи-

¹⁴ Диоскуры – Кастор и Полидевк (в римской мифологии Кастор и Поллукс) – легендарные сыновья аргосского царя Тиндарея, братья Елены Прекрасной, знаменитые укротители коней и неразлучные друзья.

сана история пребывания Ахилла на Скиросе и его романа с коварной красавицей. В мифологии о ней фактического материала нет, так что нарисованный здесь образ особенно интересен и совершенно по-особому объясняет скоропалительную женитьбу Ахилла, в то время еще мальчика-подростка. Я совершенно уверен, что в реальной истории его пребывания у Ликомеда нет никакого переодевания. Помнишь, миф утверждает, что его переодели девушкой, дабы никто не знал, где он скрывается, и лишь хитроумный Одиссей с помощью простой уловки смог его разоблачить?.. Абсолютная глупость! Сама логика характера это исключает, не говоря уже о том, что атлетически развитого, очень рослого мальчика (вспомни – он выглядел на восемнадцать лет!) вряд ли можно было задрапировать под девицу, тем более в греческом варианте наряда... Но на крючок к Деидамии наш герой угодил, и, если мысленно восстанавливать утраченную часть текста, то, надо думать, покинул он Скирос, узнав о том, что его лучший друг Патрокл отправляется на Троянскую войну. И самое интересное, Миша: нет здесь, как я говорил, двух свитков, то есть, очевидно, истории с Ликомедом и Деидамией и появления на Скиросе послов царя Микен Агамемнона, отправленных за Ахиллом. Больше в двух свитках поместиться не могло, учитывая общую экспрессию развития сюжета. Но дальше... а дальше автор применяет литературный прием, который, как мы думали, до восемнадцатого века вообще не применяли. Он пропускает огромный отрезок времени – двенадцать лет – и разом переносит нас от завязки сюжета ко времени главных событий. Мы видим Ахилла, Патрокла, других героев повести, уже в конце Троянской войны, Понимаешь?

– Понимаю! – Михаил присвистнул, – Ну совершенно современная штука!

– Абсолютно! – кипятик зашипел, устремившись в узкое жерло заварника, и по комнате растекся густой запах крепчайшего зелья, которое все приятели Александра Георгиевича величали «каверинским эликсиром». – Абсолютно современная повесть. Но написана она в двенадцатом веке до нашей эры, и с этим ничего не поделаешь! Прием переноса времени используется автором и в дальнейшем, причем он свободно манипулирует различными временными отрезками. И вот еще что интересно: новая часть повести, следующая за той, что ты читал, начинается именно от того момента, с которого начинает свою «Илиаду» Гомер. Точно с того самого!

– Ничего себе! – вырвалось у Ларионова, – И что это значит?

Каверин поставил дымящийся заварник на стол и отошел к высокому старинному буфету, чтобы достать чашки, сахарницу и вазочку с сушками. Но ощущая спиной жгучий взгляд своего аспиранта, он заговорил раньше, чем вновь повернулся к Мише.

– Есть два варианта объяснения. Первый – Гомер читал один из списков повести (я допускаю, что было несколько копий) и использовал ее за основу. В таком случае, он сильно отошел от исторических событий – изложенных автором, видимо, очень точно. И второй вариант, куда более жизненный: они оба, эти два автора, почувствовали, где именно совершается завязка, где начинается собственно сюжет, с какого момента судьбы героев связываются в один трагический узел. Скорее всего, было именно так!

Профессор расставил на столе чайные принадлежности, локтем отодвинув мешающую стопку бумаг и записных книжек и отобрал у Миши рукопись.

– Читать и трапезничать одновременно – признак самого дурного воспитания. Даже если исключить возможное угощение этих бумаг индийским чаем, это просто неуважение и к читаемому, и к трапезе, и, между прочим, к собеседнику, то бишь ко мне – чай придуман для общения. Позволь тебе налить.

Миша рассеянно принял из рук Александра Георгиевича красивую темно-синюю чашку и стал усиленно крутить в ней ложечкой, хотя сахара в чай не положил. Ему было не собраться с мыслями. Он понимал, что надо бы почаевничать, да и ехать домой – Аня с малышами ждут. Но белая стопка рукописи притягивала и гипнотизировала.

Молодой человек заставил себя перевести взгляд на свою чашку, и ему тут же показалось, что в подернутой паром, будто туманом, почти черной поверхности профессорского «эликсира», как в сказочном зеркале, проступают лица, и двигаются тени. Он продолжал видеть, угадывать, воображать события, описанные в найденной им повести...

ЧАСТЬ II ОСАДА

Глава 1

Наступил полдень. На равнине пронзительные солнечные лучи жгли так отчаянно, что всякая живность исчезла с открытых мест, и даже птицы, с утра порхавшие и носившиеся над кустами с разноголосым гомоном, поутихли и деловито сновали в зарослях, отыскивая насекомых, тоже скрывавшихся здесь от жары. Только пара орлов, поднявшись высоко, неторопливо облетали свои владения.

С высоты их полета открывалась не только равнина, на которой они искали добычу, но и вся громадная бухта, и часть прилегающих к ней холмов и предгорий.

Бухта была шириною в двадцать с лишним стадиев и формой походила на сильно согнутый, готовый к выстрелу лук. В этот день море было спокойно, и вода сверкала, переливаясь рябью, как начищенные пластины воинского доспеха. Небольшие волны ласково дотрагивались до берега, лишь чуть-чуть набегая на узкий галечный пляж в южной оконечности бухты и игриво резвясь меж скалистых утесов в северной ее части.

Посреди бухты в море вдавалась довольно длинная и совершенно прямая коса. С одного взгляда было видно, что она рукотворная, созданная людьми, но не ради прихоти – грандиозная каменная насыпь, укрепленная вбитыми в дно по всей ее длине тостыми просмоленными бревнами, сверху покрытая галькой и песком, служила для двух целей: во-первых, деля бухту на две части, она разрезала морские волны и мешала им атаковать берег, и во-вторых, эта коса служила причалом – к ней могли приставать корабли. Бронзовые кольца, вделанные в окаймлявший ее поверху кирпичный поребрик, служили для крепления причальных канатов. Служили прежде – теперь возле косы не было ни одного судна, а завершавший ее маяк, сложенный из крупных известняковых плит, был наполовину разрушен, и огня на нем давно никто не зажигал.

Однако суда в бухте стояли.

С высоты орлиного полета видны были темнеющие на фоне галечного пляжа силуэты кораблей. Не меньше сотни. Но они были не на плаву – их вытащили на берег и надежно укрепили, вбив вдоль бортов колья и присыпав у килевой части камнями и галькой. С мачт сняли паруса, так что кораблям явно не скоро предстояло выйти в море. Правда, за ними следили: днища были свежепросмолены, борта очищены от песка, наносимого волнами во время особенно сильных штормов. Людей на них и вокруг них почти не было видно – вся охрана составляла десятка три воинов, в знойный полдень лениво дремавших в тени кораблей либо плескавшихся в море. Однако суда не были пусты – их темные чрева заполняли тюки и сундуки, оружие, сложенное грудками вдоль бортов и прикрытое просмоленной парусиной, бочки, от которых в жару исходил либо аромат крепкого виноградного вина, либо тонкий запах оливкового или льняного¹⁵ масла.

За береговой полосой бухты открывалась равнина, с севера тянувшаяся до самых предгорий, с юга ограниченная лесом. Она была местами гладкой, заросшей лишь густыми южными травами да иногда редким кустарником, но кое-где на ней сочными кущами клубились рощи. Из них лишь две или три выросли здесь сами, остальные насадили руки людей, тех же, кем

¹⁵ Льняное масло очень высоко ценилось в Древней Греции. Его использовали не только в пищу, но и как ценный лекарственный препарат.

была сложена и разделявшая бухту каменная коса. Каждая роща в давние времена была посвящена какому-то божеству, а потому в здешних местах их звали священными рощами, и в них не разрешалось рубить деревья. Тут были рощи оливковые, кипарисовые, лавровые и апельсиновые, однако, за долгие годы, и особенно за последние десять с лишним лет, когда за ними перестали присматривать, ветер нанес в мягкую почву семена других растений. Теперь среди траурной темноты кипарисов светлели ветви олеандров и земляничника, пестрели их яркие цветы, в блестящую листву лавра вторгались резные листочки маленьких подростков-дубков, среди олив и апельсинов росли дикие вишни и кизил.

С северной стороны равнину пересекала не слишком широкая, но полноводная и быстрая река – Скамандр. Она текла с гор и впадала в море у самой северной оконечности бухты, образуя своим устьем глубокий мелкий лиман.

Прежде равнина сплошь зеленела травами и кустами, но сейчас вся ее центральная часть представляла собою почти голую, вытоптанную землю. Тысячи человеческих ног из года в год топтали ее, по ней прокатывали, грохоча, боевые колесницы, стрелы и копья вонзались в нее, и густая человеческая кровь проливалась и проливалась, делая землю еще плодороднее и жирнее, однако весной травы едва успевали кое-где пробиться сквозь пыль и грязь, как их снова сминали и затапывали. Люди, уничтожая друг друга на этой земле, стирали с нее и все прочее, что могло бы на ней жить.

Двенадцатый год здесь длилась война.

Те, кто приплыл на кораблях, вросших в узкий пляж большой бухты, разбили лагерь вдоль равнины, с юга, со стороны окаймлявшего ее леса. Вернее, не лагерь, а несколько лагерей – на расстоянии двух-трех стадиев друг от друга располагались группы военных шатров. В центральном, самом большом из лагерей, их было около двадцати, в других – меньше, и во всех шатрах и возле них ощущалась жизнь. Чернели пятна костровищ – ночью, даже когда было очень тепло, караульные разводили большой огонь, помогавший видеть местность вокруг, с разных сторон группами по двое-трое дежурили караульные. Днем воины, устроившись в тени палаток, чистили доспехи и оружие, готовили еду, играли в кости или дремали. Иные прятались от зноя внутри шатров.

Их одежда и вооружение говорили о том, что в разных лагерях живут люди из разных мест – у них различались между собою доспехи, луки и копья, разным был их выговор, хотя, несомненно, все они говорили на одном языке.

То были ахейцы, некогда приплывшие сюда с царем Микен Атридом Агамемноном и его братом Атридом Менелаем, чтобы наказать город Трои и дерзких троянцев за невиданное и невероятное оскорбление – похищение троянским царевичем Парисом Елены, жены Менелая. Спартанцы и итакийцы, локрийцы, абанты, афиняне, аргивяне, – все жители полуострова Пелопонесса, окрестных с ним земель и островов. Все, чьи цари некогда давали роковую клятву помогать тому, кого в день их общего сватовства изберет своим мужем своенравная дочь царя Спарты лучезарная Елена, – все привели к берегам Трояды свои корабли и привезли сюда своих воинов. И вот уже одиннадцать с половиной лет осаждали неприступную Трою...

За равниной, там, где начинались заросшие лесом холмы, плавно переходящие в предгорья, высились могучие стены великого города.

Троя была выстроена так удачно, что ее не только невозможно было взять приступом – тому мешала окружавшая город на всем протяжении стена, высотой в двенадцать локтей, сложенная из громадных камней, – но нельзя было и окружить сплошным кольцом осады. Во-первых, слишком велика была общая протяженность ее стен, так что рассредоточить вокруг нее войско было бы слишком опасно, и во-вторых, с запада городская стена вдавалась на некрутом склоне холма в лес. Здесь троянцы стерегли подступы к городу особенно зорко, и отсюда, через небольшие западные ворота в город проникали обозы со съестными припасами, ночами пастухи с дальних лесных пастбищ пригоняли коз и овец, союзничавшие с Троей варвары приво-

зили вина и масло. Иногда эти обозы нарывались в лесах на засады ахейцев, и тогда торговцы, не раздумывая, бросали свое добро и скрывались – царь Трои Приам платил достаточно щедро, и небольшие потери их не пугали, они стремились только уйти живыми.

Но осада была, тем не менее, страшна для Трои. Город, объединивший под своим началом всю огромную Троаду и подчинивший себе все окрестные царства, постепенно терял свое влияние и могущество. Союзные Трое города и области были за эти годы разрушены и разграблены ахейцами, влияние троянского царя на соседние государства слабело. Год от года истощалась, казалось бы, неистощимая троянская казна, самая богатая во всей Азии...

А сколько героев и воинов пало за годы войны! Сколько раз надевали все троянцы, от царской семьи до последнего раба, темно-синие траурные одежды... Из четырнадцати сыновей царя Приама и царицы Гекубы в живых осталось только пятеро, девять царевичей один за другим погибли в битвах. Гибли и ахейцы. Уже не один десяток погребальных курганов вырос вдоль моря и на равнине, и это при том, что отдельных курганов достаивались только базилевсы и знатные воины, прах простых воинов подхоранивали к одному из общих захоронений. Кроме боевых потерь, урон ахейской армии уже трижды наносили тяжелые болезни, которые косили воинов десятками. Приехавший с ними лекарь Махаон не знал азиатских болезней и не умел составлять снадобья от них.

...Орлы несколько раз облетели равнину, но зверье попряталось от зноя, а сражений в это утро и накануне не было, и птицы не увидели для себя добычи. Тогда, так же медленно и плавно они направили свой полет к лесу, не рассчитывая что-нибудь увидеть под кронами деревьев, но помня, что в лесу много полян и прогалин, речек и ручейков, которые в знойные часы особенно любят лани и косули. Эти чуткие и осторожные животные слышали любой шорох, и редкий зверь мог бесшумно подобраться к ним в лесных зарослях. Но полет орла бесшумен, а живущие в лесу звери редко смотрят вверх... И раз так, цари птиц вполне могли надеяться на добычу.

Глава 2

Солнечные лучи, беспощадно выжигавшие равнину, почти не проникали сквозь густые своды чащи, что начиналась почти сразу за одной из священных рощиц. Здесьние места были богаты растительностью, и пышность этих лесов восхищала всякого, кто видел их. Тут во множестве росли дубы, чьи широченные кроны составляли как бы верхнюю часть богатого шатра. Много было в этом лесу лиственниц и пихт, от которых в жаркие дни исходил пьяный аромат, будто их текучая смола забродила под тонкой корой, как виноградный сок. Среди этих прекрасных деревьев то тут то там попадался земляничник, в это время года скинувший со стволов кору. Росли здесь и вязы, иные из которых своими сильными кронами догоняли высокие кроны дубов. Иногда попадались пришельцы с гор – роскошные кедр.

Нижнюю часть лесного шатра составляли кустарники – олеандр и шиповник, багульник, дикая слива и вишня, иногда попадался кизил. Как во всяком южном лесу, здесь царствовали лианы и вьюны, и хотя до крон дубов и вязов они не доставали, внизу все было ими оплетено, и запах их цветов – а цвели они почти все, сливался с ароматом пихтовой и лиственничной смолы, с густым запахом кедров. Сотни диких пчел, как золотые искорки, мелькали среди этого зеленого великолепия, их жужжание вместе с невероятным ароматом леса дурманило и усыпляло.

В одном месте чаща расступалась. Ее пересекал широкий ручей, скорее даже речка, прозрачная, легкая и быстрая. Она замедляла свое течение лишь ненадолго, там, где упавшее поперек русла дерево образовало естественную запруду. За долгие годы вода вырыла глубокую яму, так что получилось настоящее озерцо, в нем даже цвели водяные лилии.

Пятнистый косуленок подошел к запруде, остановился, наклонившись, и вместо того, чтобы пить, уставился на себя в воду, хлопая большими пушистыми ушами. Что за зверь смотрит на него из воды? Не опасен ли он?..

Однако из чащи тут же появился зверь много опаснее. Огромное животное, выскочившее почти бесшумно из-за завесы кустов, могло показаться волком, если бы не слегка изогнутый пышный хвост, несколько иная форма морды и золотистый, очень необычный цвет густого меха. Это была собака, вернее, полусобака-полуволк – громадный, сильный и свирепый зверь. Косуленок повернулся, попятился, дрожа всем тельцем, дернулся, собираясь бежать. Он не пробежал бы и десятка шагов на своих смешных растопыренных ножках – страшный пес уже изготовился к броску. И тут из леса прозвучало коротко и повелительно:

– Тарк, стой!

Пес замер уже почти в прыжке. Его ощеренная пасть, в которой тускло блистали устрашающих размеров клыки, закрылась, опала вздыбленная на загривке шерсть. Он отвернулся от малыша, которого уже считал своей добычей, с таким равнодушным видом, будто внезапно решил, что косуленок несъедобен...

– Молодец, Тарк, хорошо!

Из леса показался тот, кому так беспрекословно подчинился могучий зверь. Человек и собака были под стать друг другу. Хозяин Тарка был громадного роста, настоящий великан. Смуглый, почти обнаженный (на нем были лишь сандалии да набедренная повязка), он выглядел сказочным лесным божеством. При широченных плечах и груди у него была довольно узкая талия, а ноги, хотя и мощные, отличались длиной и пропорциями, которые можно увидеть обычно лишь у статуй, созданных скульпторами с целью преувеличить красоту естества. Благодаря этому ни огромный рост, ни переливающиеся под кожей богатыря несокрушимые мышцы не делали его тяжеловесным. Он был взрослым мужчиной, лет двадцати пяти, но выглядел юношей.

– Мы найдем другую добычу, Тарк, – сказал он псу, провожавшему взглядом косуленка, который торопливо трусил к зарослям. – Такого маленького жалко, верно? Помнишь, как ты сам был маленьким, помнишь, да? Не выкорми тебя мы с Патроком, и пропал бы. Тебя бы тоже кто-то съел!

Говоря так, человек скинул надетый на плечо лук, снял колчан со стрелами, усевшись на мягкий мох, расшнуровал сандалии, отбросил их и встал, снимая набедренную повязку и собираясь окунуться в прохладную воду запруды. Вода была будто зеркало, и он, как недавно косуленок, увидел себя всего, с ног до головы. Совершенство отраженного в озерце мужского тела изумило его. Он словно забыл, что смотрит на себя самого.

Наконец, охотник расхохотался, мотнув головой, украшенной целым облаком черных волос, блестящих и волнистых, хотя в последнее время он мыл их почти всегда лишь холодной водой.

– Фу, да я с ума сошел!.. Уставился на себя самого, как Нарцисс¹⁶ какой-то... Что значит много лет не видеть себя в зеркале... Вот бы мирмидонские воины увидели своего великого Ахилла в такой момент! Уж точно решили бы, что ими командует помешанный...

И, продолжая смеяться, он кинулся в воду, сразу разбив волшебную гладь зеркала и взметнув множество брызг, которые лучи солнца, проникавшие сквозь кроны дубов и вязов, на мгновение превратили в драгоценные камни.

Искупавшись, Ахилл выбрался на берег и растянулся среди мха и травы. Тарк, поняв, что они пока никуда не уходят, тоже бросился в воду и плавал довольно долго, а затем выскочил с другой стороны запруды, устремился в заросли и выбрался оттуда с какой-то крупной птицей в зубах, которая еще трепыхалась, хотя зубы пса уже перервали ей глотку.

– Это кого ты? – Ахилл приподнял голову. – А, лесного петуха, удода. Ешь, я тебе разрешаю – не больно-то они вкусны. И мне хочется самому настрелять дичи.

Пес опустил добычу в траву, и его пасть раскрылась в гримасе, которую трудно было назвать иначе, как улыбкой. Он отлично понял слова хозяина и с удовольствием принялся за еду, хрустя тонкими птичьими костями и ловко выплевывая пестрые перья.

– Тебе немного надо! – прошептал Ахилл, полузакрыв глаза и подставляя мокрое лицо мечущимся взад-вперед солнечным зайчикам, – Какой же ты счастливый! И какой же я дурак...

Его лицо, только что почти безмятежное, вдруг исказилось. Гнев и боль проявились в глазах, в судорожной гримасе рта, в алом румянце, внезапно проступившем сквозь природную смуглоту и усилившем ее густой южный загар.

К этому времени, к середине двенадцатого года Троянской войны, Ахиллу было немногим более двадцати пяти лет. Он был почти в полном расцвете, и его сила, еще в детские годы поражавшая и пугавшая всех, теперь вызывала уже не изумление, а трепет у своих и непреодолимый ужас у врагов. Легкий и стремительный, прозванный между ахейцами «быстроногим Ахиллом», он был искуснейшим воином, одинаково владевшим мечом и копьем, умевшим разить с колесницы и в пешей схватке. Даже самые бесстрашные отступали перед ним на поле боя, потому что битва с ним означала смерть, и все это знали.

Множество подвигов совершил великий Ахилл за годы войны, как ему и предсказывали. Но вот уже более полугода он не участвовал в сражениях. Его жестокая, едва не закончившаяся кровью ссора с Атридом Агамемноном привела к тому, что боевое преимущество ахейцев над троянцами исчезло. Осмелевшие защитники города не раз уже выходили из-за городских стен и вызывали пришельцев на бой, и чаще всего атридово войско с трудом избегало полного разгрома и несло большие потери.

¹⁶ Нарцисс – в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, однажды влюбившийся в свое отражение. Он сутками смотрелся в воду, которая его отразила, и боги в конце концов обратили его в красивый цветок, растущий возле водоемов.

Ахилл наблюдал за всем этим со стороны, испытывая отчаяние и чувствуя себя опозоренным и обманутым...

Все началось с того, что Агамемнону вздумалось однажды принести жертвы в единственном троянском храме, стоявшем за пределами городских стен. Храм Аполлона Троянского, покровителя города, белый, стройный, окруженный буйно цветущими гранатами и олеандрами, сверкал на высоком холме, к югу от городской стены. Прежде жрецы приходили сюда в дни больших праздников, а теперь не приходили вовсе, опасаясь встречи с ахейцами. И только верховный жрец сребролукого бога Хрис упорно не считался с опасностью и по-прежнему жил в небольшом домике рядом со святилищем. Он отпустил своих рабов в Трою, и с ним оставались только старая жена и внучка, дочь погибшего в самом начале войны сына. Ее звали Хрисеида. Вот эту-то Хрисеиду и увидел верховный базилевс ахейцев могучий Агамемнон, придя с дарами для великого бога в его храм...

Хрисеиде исполнилось шестнадцать лет, она была маленькая, легкая и вся светлая, как лепесток водяной лилии. Она почти всегда улыбалась, и ее улыбающееся личико с ямочками на щеках и золотистыми брызгами веснушек привело в восторг микенского царя. Не рассуждая долго, он принес жертвы, вернулся в лагерь и послал своих воинов захватить прелестную внучку жреца и привести в его шатер.

Воины-микенцы испугались – кому же хотелось навлечь на себя гнев самого Аполлона? Но Аполлон был все же дальше, чем Агамемнон, и уж его-то гнев они не раз на себе испытывали...

Старый Хрис явился в шатер царя тем же вечером, умоляя вернуть ему девушку, не позорить его седины, не оскорблять священного звания жреца. Он клялся, что отдаст за Хрисеиду богатый выкуп: сам Хрис был беден, но царь Приам, конечно, не пожалел бы для него богатых даров из троянской казны. Однако взбешенный Агамемнон выгнал старика, сказав, что еще оказывает ему честь, беря его внучку в наложницы.

И тогда старик, уже в совершенном отчаянии, пришел к шатру Ахилла.

Он слышал от самих же троянцев, что беспощадный в битвах герой слывет, справедливым и великодушным по отношению к слабым, и что он – единственный, к чьим словам может прислушаться своевольный Агамемнон...

Так вот все и случилось. Гневное обращение Ахилла к верховному базилевсу сперва привело того ярость. Но просто так отказать Ахиллу не посмел даже гордый Атрид. Он обещал подумать, а до поры не посягать на чистоту внучки старого жреца.

На другой день в лагере началась новая вспышка непонятной болезни, от которой еще год назад умерло не меньше двух сотен человек, и Ахилл тут же заявил Атриду в присутствии других царей, что это – кара оскорбленного Аполлона. Возможно, герой так и не думал, но он был вне себя от жалости к старику и к хрупкой девушке, которую не раз видел в храме и к которой питал своеобразную нежность, как к маленькому, беззащитному и доверчивому зверьку.

– Будь же по-твоему, дерзкий! – закричал Атрид, видя, что и другие цари всерьез верят в слова Ахилла о мести Аполлона и уже осуждают его. – Ты, посмевавшийся ставить мне условия, на этот раз своего добьешься – я верну малышку старому болтуну... Но мне нужна юная и красивая наложница, и у меня она будет! В Фивах ты захватил для себя прехорошенькую девчонку, у нее, кажется, и имя похожее – Брисеида, что ли... Так вот – я забираю ее себе!

Как сумел Ахилл сдержаться, как не изрубил Атрида мечом? Ничего бы тот не поделал против его неимоверной силы и его быстроты!.. То ли помешал его верный друг Патрокл, схвативший его за руку и твердивший, что нельзя поддаваться порыву безумия? То ли слова итакийского базилевса Одиссея, сказавшего, что этот раздор погубит всю армию, отрезвили сына Пелея? Так или иначе, он ушел, в неистовом гневе одним взмахом меча перерубив сразу два толстых столба шатровой опоры, так что богатый шатер повис тряпкой над головами царей...

Уже с порога молодой базилевс обернулся и бросил:

– Я не унижусь до того, чтобы драться из-за пленницы, хотя она мне очень дорога, дороже многих боевых трофеев... Забирай ее, надменный царь. Но я даю слово, а своего слова я не нарушал еще никогда... Скорее река Скамандр, что течет через эту равнину, попрет вспять, чем я снова стану сражаться на твоей стороне. Воюй теперь без меня!

Глава 3

– Ты здесь, Ахилл? Ага, и Тарк здесь! А я искал тебя в гроте.

И Патрокл, выйдя из зарослей в том месте, где недавно исчез пятнистый козуленок, кинул на землю сумку и сам уселся в траву рядом с другом.

За прошедшие годы Патрокл Менетид почти совершенно не изменился.

У него было такое же округлое лицо с высоким лбом и твердым подбородком, те же вьющиеся каштановые с золотистым отливом волосы, такие же серые глаза, веселые и смеющиеся, будто он не жил двенадцать лет на войне, среди смерти, страха и злобы. Даже веснушки еще оставались на его щеках и переносице, только теперь их было меньше, и они стали почти не видны на фоне густого загара.

Патрокл, как и Ахилл, был в одной набедренной повязке и тоже с луком через плечо.

– Я купался, – сказал Пелид, улыбнувшись другу. – И тебе советую – освежись. А потом пойдем в грот и перекусим. Только я еще ничего не настрелял.

– Я подстрелил четырех диких голубей и кролика, в сумке – лепешки, молоко и мед. А в роще я сорвал несколько апельсинов – они уже зрелые. Нам хватит.

– Отлично! – Ахилл перевернулся со спины на бок и выловил из полуоткрытой сумки апельсин. – А молоко откуда? Ты был в каком-то селении?

– Что ты! – Патрокл добродушно рассмеялся. – Во-первых, поблизости их не осталось, а во-вторых, я не рискую, подобно тебе, бродить в одиночку по окрестностям и заходить в троянские поселки. Это Хрисеида принесла нам молока – большой кувшин притащила. И лепешки тоже от нее, у нас в лагере таких мягких и ароматных никто не печет.

– Сумасшедшая девчонка! – воскликнул Ахилл, хмурясь. – Который раз уже приходит, искушает судьбу... Мирмидонцы, конечно, не посмеют ее тронуть, но мало ли, на кого можно нарваться... Вот пойду в храм и скажу ее деду, чтобы следил за ней получше!

Патрокл достал еще один апельсин и, не торопясь чистил его, складывая кожурки на загривок лежащего рядом Тарка, который косил на них янтарным глазом и втягивал острый аромат, чуть шевеля кожаным коричневым носом. Ему не очень нравилось развлечение одного из хозяев, но он любил Патрокла и терпел от него подобные ребячьи шалости.

– В храм сходить, вообще-то, неплохо было бы, – заметил Патрокл, надкусывая апельсин и выплевывая косточки. – Мы давно с тобой не были в храме. А Хрис, я думаю, знает, что девушка сюда ходит. Он тоже тебе благодарен и уверен, что в твоём лагере с ней не случится ничего плохого. И... Знаешь, Ахилл, она, должно быть, в тебя влюбилась!

– А ну тебя! – махнул рукой базилевс, резко отворачиваясь. – Опять эти твои песни... Тебя послушать, так в меня все женщины влюбляются, какие только ни есть.

– А что, это не так разве? – лукаво улыбнулся Патрокл. – Еще хорошо, что здесь нам редко приходится иметь с ними дело, братец! А уж Хрисеида, та точно попалась! Мало того, что ты ее спас, так ты еще и из вражеского стана. А знаешь, как женщины обожают влюбляться наперекор судьбе – вот, нельзя любить, не полагается, так она как раз и влюбится!

– Выдумщик ты и болтун, дорогой мой! – усмехнулся Ахилл, бросая апельсиновые корочки в воду и следя, как тихое в берегах запруды течение медленно сносит их к плотине, – Не знаю я ничего такого, я вообще не знаю женщин, кроме Деидамии, моей бывшей жены, но тогда я был слишком молод, чтобы не сказать мал, и ни в чем не успел разобраться. Еще знаю наших рабынь, но они, сам понимаешь, не в счет, потому что любят меня по обязанности... Да и ты знаешь чуть больше меня, между прочим: ну, мне было тринадцать, тебе семнадцать, когда мы уехали на войну – много ли ты успел?

– Успел кое-что! – скромно потупясь, заметил молодой человек. – Вот жениться не успел, не в пример тебе, а что до прочего... Нет, нет, женщины иногда, верь мне, неплохи. Хрисеида мне очень нравится.

– Вот ты и посватайся к ней! – воскликнул Ахилл. – Кстати сказать, с чего ты взял, что она приходит в лагерь из-за меня? А может, из-за тебя, а? Ступай к старику-жрецу и скажи, что готов взять его внучку в жены. А что? Это будет первая свадьба в нашем лагере!

– Мне нельзя на ней жениться, – с самым серьезным видом возразил Патрокл, – У нее веснушки, у меня веснушки, что же за дети получатся? И потом, как жениться, если она тебя любит? Тебя, тебя, это же видно!

– Пошел ты к лягушкам в болото! – фыркнул Ахилл.

Мгновенно вскочив, он вдруг подхватил Патрокла подмышки, и тот, не успев даже ахнуть, плюхнулся в воду посреди запруды, продолжая ошалело сжимать в зубах дольку апельсина.

– Потрясающее доказательство правоты! – проговорил он, нырнув и вынырнув, уже без дольки – под водой он ее проглотил. – Обожаю купаться в сандалиях... Братец, а на что ты так рассердился? Только на то, что еще одна женщина в тебя влюблена? Но не я же виноват в этом!

– Я не рассердился! – Ахилл тоже прыгнул в воду и окатил друга целой пригоршней воды. – Просто надоело слушать о девушке, из-за которой все это случилось... Мы можем смеяться сколько нам угодно, но мой позор при мне, и кому, как ни тебе это знать, Патрокл!

– Это не твой позор, – молодой человек стал серьезен. – Это позор Агамемнона, как, впрочем, и все остальное... Из-за одной вздорной женщины он притащил сюда всех царей Пелопонесса и его окрестностей и кучу простого народа, которому до этой женщины дела нет и не было, теперь из-за другой женщины оскорбил тебя, это при том, что стольким тебе обязан... И вот мы проигрываем сражения, да, да, сам знаешь, мы их не раз и не два уже едва не проиграли, мы терпим позор, потому что, из-за чего бы ни началась война, но ее все равно ведь надо выиграть, раз уж так случилось... А этот индюк не может переломить себя и попросить у тебя прощения!

– Перестань! – воскликнул Ахилл сердито. – Перестань меня злить. Ну и речи у тебя... Прямо, как у спартамца Терсита!

– Куда мне до него! – рассмеялся Патрокл. – Если бы боги наградили меня таким даром красноречия, я стал бы поэтом, а не воином. Терсит подбирает такие словечки и выражения, что не хочешь, а засмеешься. Или лопнешь от злости, что и происходит с нашими Атридами каждый раз, когда кто-то из них узнает о терситовых насмешках. Менелай уж не раз клялся, что открутит ему башку, и, уверяю тебя, братец, когда-нибудь да открутит!

С этими словами он выскочил из воды и уселся на траву, по очереди снимая и отряхивая сандалии.

– И, возможно, правильно сделает, хотя и не пристало царю и великому воину связываться с болтунишкой... – Ахилл, в свою очередь, выбрался на берег запруды, выплюнул в траву апельсиновые косточки и потянулся за вторым апельсином. – Терсита иные из простых воинов считают смелым и называют чуть ли не разоблачителем всех пороков. Только я-то вижу, чего он стоит! Ему совершенно все равно, кого разоблачать, а вернее, на кого лить грязь – лишь бы пообиднее да пошумнее. Ну, будь он хотя бы сам лучше... А то ведь трус и кривляка! В бою его не видно, зато после боя, когда другие перевязывают раны, он бегаёт по лагерю и обсмеивает всех и каждого, а базилевсов – больше всех! Зависть его заедает, что ли?

– Думаю, не без этого, – Патрокл поднялся, снял набедренную повязку, старательно отжал и снова надел. – И зависть тоже. Иногда и мне хочется влить ему затрещину, братец! Особенно хотелось третьего дня, когда мы едва не потеряли большую часть кораблей, когда Гектор, как свирепый тигр, гонялся за нашими воинами, чуть не загнал нас в море, поджег три корабля, когда только бесстрашие Одиссея и Диомеда спасло нас от разгрома, и когда потом,

после всего, что мы пережили, этот вертун Терсит принялся изображать, как мы убегали и прыгали с кораблей!

– И ты не задал ему трепку?! – в голосе Ахилла прозвучала такая ярость, что Патрокл пожалел о своей горячности, – И ты... А, да что там! Если бы я мог вмешаться, Гектор дорого заплатил бы за эту вылазку... Кстати, Патрокл, Одиссей говорил мне, что не он и не Диомед, а ты был главным героем этого боя, и корабли были спасены, главным образом, благодаря тебе.

– Я думаю, он немного преувеличивает, я думаю, – молодой человек тоже взял второй апельсин, подкинул высоко вверх и ловко поймал. – Может, я виноват перед тобой, что сражаюсь, когда ты в ссоре с царями, но...

– Я сам говорил тебе, что ты абсолютно прав! – резко прервал друга Ахилл, – И хватит об этом, в самом деле...

– В самом деле, хватит! – подхватил Патрокл. – Ну что же, идем в наш грот? Я хочу пообедать, а не грызть апельсины, да и Тарк, вон, уже облизывается на мою сумку – чует кролика...

– Пошли, – Ахилл встал и тоже намотал на бедра свою повязку.

Грот, о котором они говорили, находился в локтях в двухстах от ручья и запруды, где друзья купались, и, кроме них двоих, о нем не знал ни один человек: им не хотелось, чтобы их сокровенное убежище, место отдыха и дружеских бесед, посещал кто-то еще.

Примерно за год до этого времени Ахилл охотился в лесу. Преследуя дикого поросенка, он выскочил на небольшую поляну, в конце которой высился старый бук, когда-то, во время сильной бури, накренившийся и застывший с распластанной над землей кроной, с полувывороченными корнями, от которых уже много лет росли в разные стороны молодые побеги. Дерево окружали густые заросли кустов, в которых и скрылся испуганный поросенок. Ахилл бросился следом – и неожиданно для себя провалился в пустоту... Поднявшись с мягкого мха и сухих листьев, он обнаружил, что находится в маленькой пещере, образованной, как он потом разглядел, приподнятым корневищем старого бука и наросшей вокруг землей. Кусты плотно закрывали отверстие грота, но внутри было достаточно светло: меж корнями осталось немало небольших отверстий, в которые проникал свет. С одной стороны в земляную стену грота вдавался замшелый камень, сверху весь покрытый трещинами, сквозь которые сочилась вода. Чистая, родниковая, она крохотными струйками сбегала по камню, по выточеным на его боку светлым бороздкам, и убегала под землю, не оставляя на полу грота ни ямки, ни лужицы. Грот был совсем невелик: в нем могли поместиться человек пять, не больше.

Ахиллу очень понравилось это убежище. На другой день они пришли сюда с Патроком и с тех пор бывали тут часто.

* * *

– Готово! – Ахилл ножом разгреб золу, разрезал спекшиеся и обугленные листья водяной лилии и, ловко наколов кончиком ножа румяную тушку кролика, перекинул ее на плоскую ивовую плетенку, где уже лежали только что снятые с вертела жареные голуби. – О, как вкусно пахнет!

– Замечательно! – согласился Патрокл. – Но еду нужно не нюхать, а есть.

Некоторое время друзья молча поглощали мясо, закусывая лепешкой и по очереди прихлебывая молоко из красивого глиняного кувшина, длинногорлого, покрытого зеленой глазурью с нанесенными на нее фигурками нимф и каких-то загадочных птиц.

– У троянцев все красивое... – Патрокл приподнял кувшин так, чтобы на него сквозь одно из отверстий в стене грота упал свет. – Самые простые вещи они делают с любовью. Наверное, среди них много музыкантов и поэтов. А ведь как странно! Мы здесь двенадцатый год, и ничего почти не знаем о них...

– Кроме того, что они умеют нас убивать! – усмехнулся Ахилл, беря у друга кувшин и отпивая молоко. – Что тебе до троянцев, Патрокл? Мне не интересны негодяи, которые оскорбляют законы гостеприимства и гадают в чужом доме!

– Но это сделал Парис! – возразил Патрокл, оделяя Тарка костью с изрядным куском мяса. – Ведь не все троянцы такие. Уверен, что Гектор никогда бы подобного не сделал.

– Наверное, ты прав. Этот не похож на трусливого вора. Но он все равно враг, верно? И третьего дня из-за твоей безумной отваги он едва тебя не убил, дорогой мой! Сколько он уже уложил наших воинов!

– Не больше, чем мы с тобою его родни, братец! – улыбнулся Патрокл. – Ты-то уж точно больше... Гектор страшен, это верно, но мне он интересен. В нем есть что-то великолепное, что-то очень настоящее, как... как в тебе.

– Ну, спасибо за сравнение! Ты мне польстил!

Ахилл усмехнулся и вновь поднял кувшин к губам. Капли молока упали на его смуглую грудь, попали на колено, и лежавший вплотную к нему Тарк осторожно слизнул большим розовым языком белые брызги.

Молодые люди вновь замолчали. Они иногда могли молчать часами и не потому, что им не о чем было говорить. Просто каждый так хорошо знал другого, что иной раз они вели беседы без слов, угадывая, словно прочитывая друг у друга мысли. И в этот раз Ахилл вдруг ответил не на слова Патрокла, а на родившуюся у того мысль.

– И если я не примирюсь с Агамемноном и не вернусь на поле сражения, это бужет стоить слишком дорого... Мы останемся в Троаде еще на долгие годы, и самые отважные найдут здесь смерть. Я же понимаю это, не думай! Но не могу... Не могу, Патрокл!

Это мучительное восклицание вырвалось у героя уже против воли, и он тут же отвернулся, хотя понимал, что Патрокл видит его состояние, даже когда его лицо скрыто тенью.

– Это не ты с ним должен примириться, а он с тобой, – голос Патрокла прозвучал неожиданно жестко, и его всегда спокойные серые глаза остро блеснули и погасли. – Виноват он, Атрид Агамемнон, а не ты, и пускай все будет, как есть, пока...

– Пока Гектор, который тебе так интересен, не разнесет наш лагерь пеплом по равнине! – зло проговорил Ахилл. – А я не умру от моего позора. Ф-фу! Сидеть в шатре и прислушиваться к звукам сражения! И это мне-то, которого называют величайшим из воинов! Я сам себе противен!

– Придумать бы какой-то выход... – проговорил Патрокл задумчиво. – Я давно думаю. Но у меня ничего не получается – не хватает, видно, умишка. Поговори-ка с Одиссеем. Этот придумает все, что хочешь.

– То-то он и придумал идиотскую клятву женихов Елены, из-за которой мы все здесь оказались! – Ахилл рассмеялся коротко и резко, поперхнулся и с трудом откашлялся. – Где тогда был его хваленый ум?

Патрокл вдруг расхохотался.

– Спроси лучше, где был мой ум, когда я шестнадцати лет от роду, царь не царь, а просто вздорный мальчишка – без царства, без богатства, без блестящих надежд на будущее, вздумал свататься к лучезарной Елене, из-за которой лучшие воины и герои готовы были друг друга перерезать! Это каким же надо было быть самовлюбленным и самонадеянным болваном, какое иметь совершенно дурацкое тщеславие?! Все посватаются, а я нет – надо же! И ты ведь тогда смеялся надо мной! Ты-то в двенадцать лет был умнее... Э-э-э, братец, куда нам кого-то укорять! Мне-то уж, во всяком случае...

Он вдруг нахмурился и проговорил уже другим тоном, с настоящей горечью:

– А все же ничего не делается зря... Я ведь неплохой воин. Видишь, и базилевсы говорят, что без меня бы третьего дня кораблей было не спасти! И это, если честно сказать, правда. Уж как ликовал Гектор, когда ему удалось поджечь три корабля! Уж как потешался! А отступая,

кричал: «Через три дня выходите в поле снова! А не выйдете, значит, вы – трусы и можете драться только за спиной Ахилла!» Я едва с ума не сошел от злости...

– Значит, завтра снова битва? – невольно встрепenuвшись, воскликнул Ахилл.

– Послезавтра, – Патрокл проглотил последний кусочек мяса и вытер губы тыльной стороной ладони. – Агамемнон сказал – нечего нам исполнять приказы Гектора! Когда захотим, тогда и выйдем. На самом деле, надо хотя бы раны залечить... Я-то цел и невредим, зато мой нагрудник и шлем, ты сам видел, в каком состоянии. И я ума не приложу, что надену! Среди наших трофеев ничего подходящего нет, одолжить не у кого...

Ахилл грустно покачал головой.

– Так уж и не у кого, Патрокл? К сожалению, у меня! Я ведь не буду драться послезавтра с тобой рядом...

Друг базилевса взвился со своего места, от радости едва не ступив ногой в горячие уголья.

– Ахилл! Ты... Ты дашь мне свои доспехи?!

Герой пожал плечами.

– А что здесь такого? Бери, конечно. Они прочнее всех ахейских доспехов и, думаю, всех троянских. Ни у кого таких нет. Только вот они тебе велики, но мы подтянем ремешки, и это не будет слишком мешать... Да не смотри на меня так восторженно! Лучше бы мне самому надеть их... И вот что – обещай мне, нет, поклянись, что не вообразишь себя Ахиллом и не полезешь в этих доспехах сражаться с Гектором!

Последние слова Ахилл произнес уже с настоящей тревогой, кажется, сожалея, что предложил другу великолепные латы, которые могли вызвать в нем еще большую отвагу, доходящую до безрассудства...

– Обещай, что не будешь драться с Гектором! Слышишь, Патрокл? Или я тебе этих доспехов не дам!

– Обещаю, обещаю! Я же не совершенно сумасшедший, немножко-то ума у меня все же есть... Ну не хмурься, Ахилл, прошу тебя! С твоей помощью я для начала хотя бы напугаю троянцев... То-то завизжат с перепугу!

Однако, Ахилл продолжал хмуриться.

– Знаю я тебя... Ох, как хорошо знаю! Ладно, не смотри так... Давай сюда мед и вторую лепешку. Доедим это все и, уж прости, я хочу спать. Ночами, в шатре, мне не спится, а здесь так спокойно и тихо.

Патрокл улыбнулся и, набрав в опустевший кувшин воды, благо она стекала струйками по стене грота, тщательно залил еще тлеющие уголья их костерка.

Некоторое время спустя друзья крепко спали, растянувшись один на постели из ветвей и листьев, другой – на мягком мху. Вдвоем они заняли треть пространства небольшого грота. Их огромный золотистый пес тоже задремал, устроившись возле входного отверстия, надежно скрытого ветвями кустов. Он спал чутко, положив тяжелую голову на передние лапы, подрагивая во сне ушами и при каждом шорохе или звуке, что долетали из леса, морща и напрягая нос. Но обоняние не говорило ему ни о какой опасности, все было спокойно, и пес не просыпался.

* * *

На этом месте Мише пришлось прервать чтение. Часы показывали без четверти одиннадцать, и надо было поспешить, чтобы успеть на последнюю электричку. И Аня волнуется...

Аня, конечно, волновалась, но вида не показала. Предложила поужинать и быстренько собрала на стол. Когда же Михаил, давясь горячей котлетой, захлебываясь и сбиваясь, рассказывал ей о том, что успел прочитать, она задумчиво откинула на спину свою тугую, бронзовую косу и проговорила:

– И когда ты снова поедешь?

Миша посмотрел на жену умоляюще.

– Мы договорились с Александром Георгиевичем на послезавтра. Понимаешь, через неделю мне снова ехать за шмотками, так хотя бы что-то успеть...

– Я с тобой поеду, – просто, без нажима, но тоном твердой решимости сказала Анна.

– Но... А эти как же? – он кивнул на притворенную дверь комнаты, где в три носа сопели спящие близняшки.

– Тебе ста рублей не жалко? – теперь Анюта смотрела на мужа с просительной улыбкой. – Моя Верка – ну, помнишь?.. Она подрабатывает в одной фирме няней по вызову. Давно мне предлагает – давай я с твоими посижу. Всего сотку за вечер просит, в три раза дешевле, чем у них обычно берут. Можно, да?

Миша так и подскочил от радости.

– Аннушка... ой, ну конечно! Мне так жалко было, что ты этого не читала!

– А я чуть с ума не сошла от зависти... Ладно, едем вдвоем.

В конце концов, я три года при них сижу, а у меня тоже – высшее историческое. Буду читать у тебя из-за плеча.

Но профессор Каверин, очень обрадованный появлением Анюты, решил дело проще:

– Рукопись с правками, с переносами строк. Я тут над ней колдую и кое-что на ходу перекраиваю. Так что сегодня вы просто пейте чай и слушайте, а я буду читать вслух. Если у меня хватает воздуха на двухчасовые лекции при полном актовом зале, то вам двоим, да при уютном камине и с трубочкой, я часа четыре, а то и пять читать буду. Идет?

Молодые люди и не подумали спорить – слушать Александра Георгиевича было всегда невероятно интересно, о чем бы он ни говорил и что бы ни читал. Муж и жена дружно плюхнулись в кресла, и на коленях у Ани тут же оказался урчащий от удовольствия Кузя. Она запустила пальцы в его пушистую шерсть, и с первых же слов уютный профессорский кабинет исчез. За ее спиной трещал и разгорался все жарче камин, синие витые струйки дыма поднимались от лежащей на углу стола трубки, свиваясь в какие-то загадочные иероглифы, а в это самое время...

Глава 4

В это самое время в нескольких десятках стадиев от апельсиновой рощи, за которой начинался лес, таивший в себе прохладную запруду и маленький грот, на высокой Троянской стене караульные несли свою обычную службу.

Все последние годы воины дежурили по двое на участке стены протяженностью в четыре сотни локтей – так, чтобы каждая пара караульных видела соседнюю пару.

Жара сморила дежурных, и они, прохаживаясь по каменной дорожке между невысокими поребриками, старались поскорее добраться до одного из выступов, к которым поднималась с внутренней стороны лестница – чтобы, по очереди сбежав на несколько ступенек вниз, немного постоять в тени.

Со стены в том месте, где располагались громадные Скейские ворота, открывалась Площадь Коня, и воины видели сооруженные на ней солнечные часы. Они показывали немного за полдень. Этой смене оставалось нести караул четыре часа, что вовсе не радовало воинов, но они старались об этом не думать – война приучила всех относиться к караульной службе очень серьезно... И все же им было мучительно – солнце палило, дрожащий от зноя воздух утомлял глаза, и они топали взад и вперед лениво и медлительно, сдвинув на затылок шлемы и даже не глядя на свои сложенные у поребрика щиты и луки, которые им, следуя приказу, нельзя было даже выпускать из рук.

Шаги, прозвучавшие на ступенях лестницы, заставили караульных поспешно метнуться к своему оружию, подхватить его, продеть руки в ремни щитов и поправить шлемы так, чтобы они, как и положено, полуприкрывали их лица. Они узнали эту легкую и одновременно твердую поступь и не ждали ничего хорошего в случае, если их застанут за небрежным исполнением службы...

– Слава тебе, Гектор! – воскликнул один из караульных, не только с искренней радостью приветствуя своего военачальника, но и предупреждая громким возгласом соседнюю пару охраны, чтобы и те успели вооружиться, как полагается.

Впрочем, троянский полководец давно уже знал все эти «военные хитрости».

– Молодец, Аквин! – проговорил он, широкими шагами одолевая последние ступени и поднимаясь на стену. – Ты прав: я мог застать твоих товарищей врасплох, и уж им бы не поздоровилось, если их шлемы и оружие валялись в стороне, а не были при них. Только, думаю, еще хуже было бы, если бы их застали врасплох враги.

– Да какие враги, Гектор? – проговорил второй караульный. – На равнине пусто, как на тарелке, вымытой после трапезы. Ахейцы сейчас присмирели – мы задали им третьего дня славную трепку! Едва ли они решатся напасть на нас.

– Едва ли, – кивнул троянский герой. – Едва ли, куда Ахилл в ссоре с Агамемноном и не участвует в битвах. А если они помирятся? Да и в любом случае, нам нельзя быть беспечными.

С этими словами он подошел к краю стены, поставил ногу на поребрик и стал внимательно осматривать равнину.

Гектору к этому времени минул тридцать один год. Он уже достиг полного расцвета своей неслыханной силы и поистине выдающейся мужской красоты. Громадный рост, идеальное сложение, когда при очевидной исполинской силе в фигуре героя не было ни малейшей тяжести или грузности, точные и стремительные движения, царственность осанки, – все в Гекторе восхищало и привлекало внимание.

Его лицо было под стать общему облику – тонкое, умное, с почти идеально правильными чертами и будто освещенное тем скрытым огнем, который выдает силу, куда большую, чем сила железных мускулов. Высокий чистый лоб молодого человека прочерчивали черные, будто вырезанные из полосок драгоценной ткани брови. Карие удлиненные глаза смотрели

спокойно, а в последние годы, в годы войны и бесконечных потерь, их взгляд стал суровым. Как все троянские мужчины, не достигшие преклонного возраста – «возраста мудрости», он не носил бороды, и его твердый, чуть выступающий подбородок подчеркивал выражение жесткой, непреклонной решимости.

Лицо героя обрамляли роскошные волосы, черные, сверкающие, густо-волнистые, слегка выющиеся, как почти у всех Приамидов. Сзади они свободно опускались на шею, касаясь плеч, а надо лбом их подхватывал серебряный с чернью обруч. Этот обруч да неширокий браслет такого же червленого серебра, надетый на левую руку выше локтя, были единственными украшениями троянского героя. В Трое многие мужчины носили серьги, и Гектор носил их в юности, но теперь дырочки в его ушах заросли. Его одежда тоже была проста: черный, до колен хитон – сшитый, однако, из дорогой и тонкой ткани, со скупой отделкой, подхваченный кожаным поясом, да сандалии с военной высокой шнуровкой составляли весь наряд знаменитого полководца. Впрочем, в такую жаркую погоду едва ли разумно было надевать на себя что-то еще...

Гектор долго, не отрываясь, смотрел на раскаленную равнину, поворачивая голову то вправо, то влево. Ничто не изменилось, со вчерашнего дня явно ничего не произошло, не появилось ни одного подозрительного предмета.

Троянский герой вздохнул и снова посмотрел на стражников.

– Воины ночной смены говорили, что в лагерях ахейцев как будто было больше костров, чем всегда, – сказал он – Никто не заметил утром чего-нибудь необычного?

– Нет, – подумав, ответил Аквин. – Дымов и точно, было много. Но я думаю, они вчера охотились: из лесу доносились крики и лай собак.

Видно, им повезло, они набили дичи, вот и хотели за ночь нажарить и накопить побольше мяса – в такую жару его можно и до утра не сохранить.

– Это верно, – голос Гектора звучал задумчиво. – Да, нам сейчас на охоту не выйти... Однако, не слишком они напуганы после недавней битвы, если охотятся так близко к городу! Жалко, я не знал – мы бы их перехватили. Хотя, впрочем, – и тут он нахмурился, – это могла быть ловушка: однажды, шесть лет назад, нас уже заманили таким образом в лес. А теперь скажите мне: кто из военачальников обходил с утра стены?

– Полит, – ответил младший из воинов. – Он и расставлял нас всех в караулы.

– А Париса вы не видели? – нахмурился Гектор.

– Сразу после восхода? – простодушно воскликнул юноша. – Да разве Парис когда-нибудь встает так рано?

Он осекся, заметив испуганный жест своего товарища. Но если Гектор и был разгневан такой неучтивостью в отношении царевича, своего брата, то не считал нужным это показать. Он как бы не обратил внимания на слова воина.

– Хорошо, – герой повернулся и глянул на площадь, на солнечные часы. – Сегодня очень жарко, поэтому я приказал, чтобы через час вас сменили. Дневные дежурства в эти жаркие дни будут короче.

– Слава великому Гектору! – радостно воскликнули оба воина.

– Хорошо, хорошо, не надо так громко, – усмехнулся полководец.

Я пройду вдоль всей стены и, когда закончу обход, как раз начнется смена караула.

Он зашагал по стене от поста к посту, проверяя, все ли на месте, и попутно заглядывая в стоящие через каждые двести шагов глиняные кратеры¹⁷: в них три раза за день рабы наливали свежую воду, чтобы несшие дежурство воины не испытывали жажды. Кратеры были прикрыты толстыми крышками, дабы вода в них не нагревалась и не испарялась, а рядом с каждым кувшином лежал деревянный черпак.

¹⁷ Кратеры – большие сосуды с широким горлом, обычно использовались для вина.

Осматривая равнину, лес, предгорья, с юга и с запада близко подступающие к городу, Гектор то и дело бросал взгляд в другую сторону, на обнесенный этими мощными стенами город.

Троя дремала, как обычно в жаркий полдень, полупустая. По ее улицам, в той части, где жили люди состоятельные и знать, двигались только одинокие фигуры рабов и рабынь, выполнявших какие-то поручения, либо шедших в верхний город за покупками, либо спешивших в один из храмов – принести жертвы, покуда хозяева отдыхали и не нуждались в них. В верхнем городе движения было куда больше: работали мастерские и лавки, в небольших садиках, появившихся на свободных участках улиц за годы войны, хлопотали их хозяева, поливая деревья либо собирая созревшие гранаты, маслины или персики. Дети с шумом носились по улочкам ремесленной части Трои – их жара не пугала. Иной раз какой-нибудь мальчишка, заведя на городской стене всем хорошо знакомую фигуру Гектора, махал ему рукой и приветственно кричал, и остальная ватага вслед за ним принималась вопить: «Эвоэ! Слава Гектору!».

Но все это мало походило на бурную жизнь великого города в прежние, довоенные годы. Гектор хорошо помнил Трою радостной и полной движения, помнил, как шумели даже в эти жаркие дневные часы базары верхнего города, теперь почти пустые – в город давно не приезжали купцы, помнил, сколько людей шло в храмы, как толпилась на площадях молодежь, устраивая игры и затеявая споры, а то кто-нибудь принимался сочинять песенки, аккомпанируя себе на лире или ударяя в тимпан.

Теперь на пустых улицах жила лишь память об этом.

Герой закончил обход, проверил, явилась ли смена караула, которую привел его брат Полит, и спустился по той же лестнице вниз, в город.

Он прошел через Скейскую площадь и, дойдя до невысокого белого храма Афины Паллады, быстро поднялся по ступеням. В храме дымился жертвенник, и молодой жрец завершал обряд жертвоприношения, а две женщины, принесшие сюда драгоценное сандаловое масло, просо и белого ягненка, только что поднялись с колен и поправляли свои покрывала, собираясь уходить.

– Пойдем, Эфра, – произнесла одна из них серебристым, мягким голосом. – Я слышала, как прошли мимо храма воины, значит уже поменялся караул, и Гектор вот-вот придет за мной.

– Я уже пришел, Андромаха, – произнес герой и, преклонив колени перед жертвенником, низко поклонился, а затем встал.

Женщина, та, что говорила, подбежала к нему, не замечая, что ее светлое покрывало соскользнуло на плечи, открывая чудесную головку, украшенную большим узлом волос цвета темной меди. Эта строгая прическа, подчеркнутая простотой небольшой серебряной диадемы, очень шла к прелестному, совсем юному личику двадцатилетней женщины, к ее нежной светлой коже, абрикосовому румянцу, к ее изумрудно-зеленым, большим загадочным глазам. Андромаха была среднего, скорее даже небольшого роста, и когда Гектор опустился на колени, она оказалась с ним вровень, когда же они стояли рядом, ее голова была ниже его груди. Тоненькая, хрупкая, вся будто светящаяся, она выглядела лепестком розы на его ладони. И в ее глазах, обращенных к мужу, было столько радости, восторга, детской неподдельной любви, что потеплело бы и самое холодное сердце, а сердце Гектора никогда не было холодным. Он тоже любил свою жену Андромаху, любил и безгранично верил в ее любовь. И это был тот случай, когда святому доверию мужчины ничто не угрожало.

– Пойдем, моя хорошая, – он обнял жену и ласково кивнул ее рабыне Эфре, в это время собиравшей в корзинку кувшинчики изпод масла и проса и лепестки с цветочных гирлянд, которыми они украсили алтарь и статую богини Афины.

Андромаха прижалась к мужу, обвив гибкой рукой его талию – как ни велик был Гектор, его талия была достаточно тонкой, чтобы молодая женщина могла его обнять.

– Что на стене? – спросила Андромаха, когда они вышли из храма. – Все ли сегодня в порядке?

– Как обычно, – ответил Гектор – Все как обычно, как все эти годы, и именно это плохо. Люди от этого дико устают. Идем, я хочу позавтракать с тобою вместе, а потом у меня много дел.

Глава 5

В одном из внутренних двориков огромного дворца царя Трои Приама, среди разбитого здесь крошечного сада, на невысокой каменной скамье сидела женщина. Жара заставила ее сбросить с плеч серебристое, расшитое тончайшим золотым узором покрывало и снять сандалии, оставшись только в белом платье из очень легкой, почти прозрачной ткани, без рукавов, с модным в Трое глубоким вырезом, перехваченным крохотной золотой застежкой. Это платье свободно облегало тело женщины, не скрывая, но подчеркивая точеные, совершенные линии ее фигуры. Она сняла и бросила на скамью возле себя и пять-шесть своих драгоценных браслетов, и золотую с лазурью диадему, вытащила черепаховые шпильки из своей прически, и волосы, цвета светлого золота, рассыпавшись, упали на спинку скамьи и свесились с нее до земли. Босые ножки женщина поставила на бортик небольшого, отделанного мрамором бассейна, в котором собиралась дождевая вода. Рабы часто и аккуратно чистили этот бассейн – вода была прозрачна, и дно блестело, играя солнечными бликами.

На поребрике, у самых ног красавицы, резвился маленький, белый как облачко, котенок. Женщина дразнила его, держа над ним свой пояс и подергивая так, чтобы кончик то опускался ниже, то взлетал вверх – и зверек прыгал, старясь его поймать, цеплял коготками, срывался, падал, иногда чуть не в воду, снова ловил и ловил... Кошки не считались в Трое священными, как в Египте, хотя мода держать их в богатых домах пришла именно оттуда. Не обожествляя кошек, их, тем не менее, любили и баловали, и подарить знатной женщине котенка считалось проявлением самого доброго отношения.

Гектор вошел во дворик через внутреннюю галерею дворца и, остановившись в десятке шагов от скамьи, на которой сидела женщина, окликнул:

– Елена!

Она быстро обернулась. У нее было овальное лицо с высоким чистым лбом, идеальной линией тонких бровей и едва заметной переносицей. Брови и густые ресницы казались особенно черны на фоне светлой, как лепесток чайной розы, кожи. Что до глаз, то они были очень большие, почти неестественно большие, светло-голубые и прозрачные, как вода в бассейне.

Увидев Приаида, женщина поспешно приподнялась.

– Здравствуй, Гектор! – проговорила она смущенно.

Герой подошел к ней и сел рядом.

– Оставь свое покрывало, Елена. Ты не на улице, а дома, и мы ведь не чужие... Я не хотел тебя тревожить, но вот не могу найти Париса. Где он, а?

Елена чуть заметно пожала плечами, и ее лицо, и без того подобное мрамору, совсем окаменело.

– Не знаю. Я его не видела.

– И он не говорил тебе, куда пойдет? – уже почти резко спросил Гектор.

Женщина отвернулась, наклонившись, подхватила тершегося у ее ног котенка и прижала к груди, будто боялась, что сквозь ее плоть и тонкую ткань платья станет видно отчаянное биение сердца. Котенок запищал и вырвался – Елена стиснула его слишком сильно и, не желая того, причинила зверьку боль.

– Разве ты не знаешь, Гектор, что он давно уже не говорит мне, куда ходит и зачем? Спроси мужчин, они скорее знают.

– Мужчин? – у Гектора вдруг вырвался злой смешок. – Ну нет! Что делают мужчины и где их искать, я знаю и сам. Кто не на посту, тот в мастерских, либо на другой работе, либо отдыхает в своем доме, чтобы быть готовым работать или сражаться. Наш дом велик, и я думал, что ты, жена Париса, можешь знать лучше других, где твой муж. Если я ошибся, прости – обидеть тебя я не хотел.

Елена опустила голову.

– Как раз ты единственный, кто не обижает меня, Гектор, – почти шепотом произнесла она. – От кого только я не слышу обидных слов! Кто не смеет говорить в глаза, тот шипит мне в спину... Вся Троя меня ненавидит!

Она проговорила это с такой горечью, что раздражение Гектора улеглось. Он сел на скамью рядом с Еленой и ласково накрыл своей большой смуглой ладонью ее судорожно стиснутые на коленях руки.

– Перестань! Как у всех женщин, у тебя слишком бурное воображение. Не спорю, то, что с нами происходит по милости Париса и отчасти по твоей глупости, никому не нравится. Но так уж и ненавидит! Так уж и вся Троя!.. В Трое, я надеюсь, пока достаточно мужчин, у которых хватит ума не валить все на женщину. И не плачь – глаза покраснеют.

– Они и так уже красные. Я проплакала половину ночи.

– Ясно, – Гектор нахмурился. – Так Париса, значит, с тобой не было?

– Со мной был только мой котенок и две рабыни, – Елена посмотрела в лицо царевичу и усмехнулась. – И не притворяйся, великий Гектор, что ты не знаешь этого!

– Чего?

– Того, что твой брат нередко пренебрегает своим супружеским ложем!

– Это не мое дело, – молодой человек отпустил ее руки и встал. – Если я сейчас найду его, то скажу ему и об этом... попробую сказать. Но нужен он мне по другой причине.

Гектор нашел Париса случайно. Выйдя за пределы дворца, он направился по одной из улиц к площади Ареса, где обычно упражнялись воины, сражаясь деревянными мечами, стреляя в цель из луков и бросая копья. Молодой военачальник бывал там каждый день, если только не было сражения и мирные упражнения не сменялись кровавой бойней. Гектор постоянно давал уроки своим воинам. Стать с ним в пару, меч на меч, считалось великой честью даже для самых опытных и искусных.

За поворотом улицы, перед площадью, был разбит небольшой сад, где стояла восьмиугольная каменная беседка. Она была в стороне от мощеной кирпичом дорожки, и Гектор, как обычно, прошел бы мимо нее, но оттуда вдруг долетел взрыв женского смеха, и затем донесся мужской голос, в котором герой тотчас узнал голос своего брата.

– Нет, нет, обманщица! – почти кричал Парис. – Браслет ты не получишь: ты была слишком холодна! Я отдам его твоей подруге.

– Да, да, мне, отдай его мне! – взвизгнула женщина.

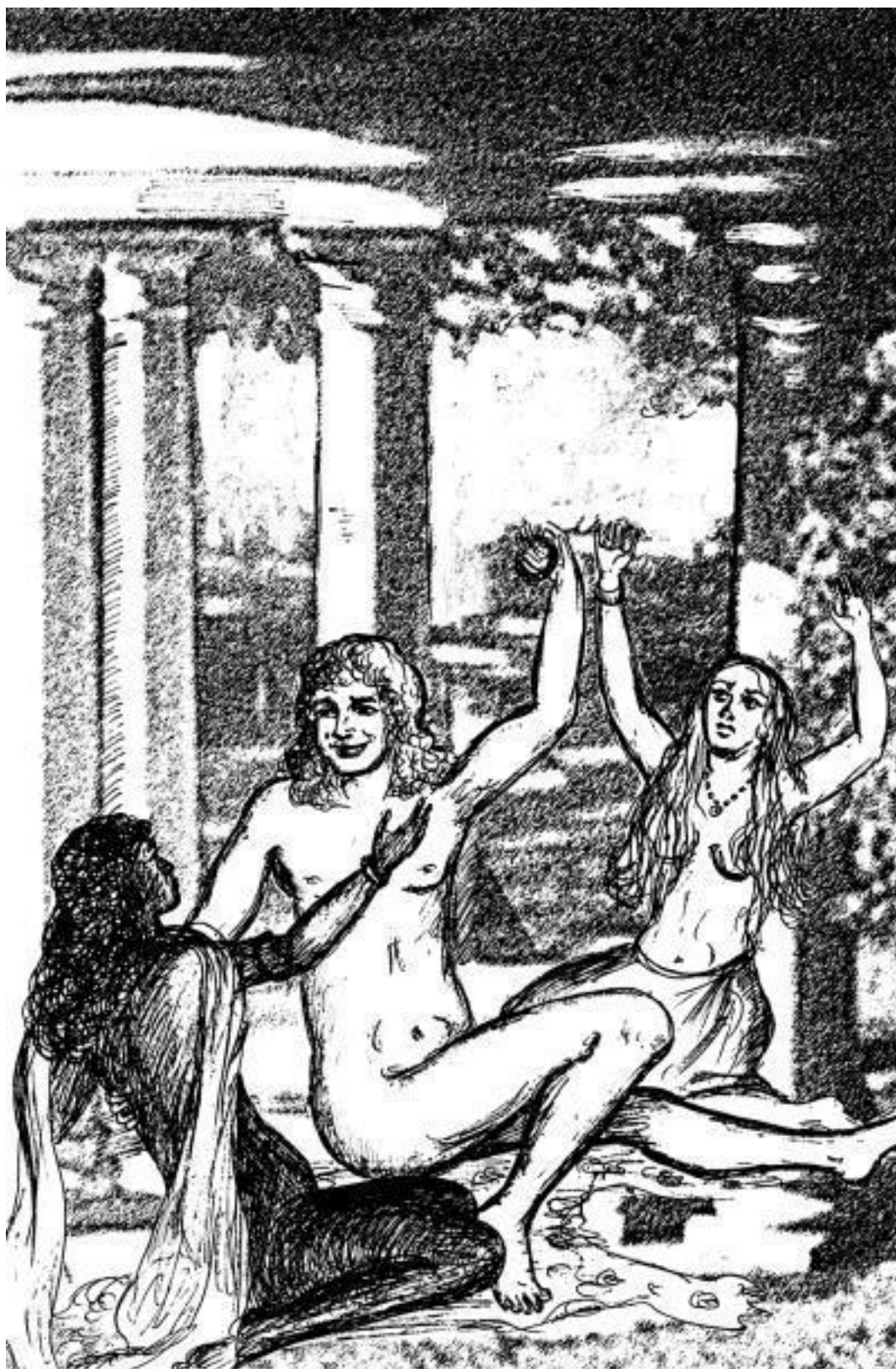
И другая обиженно пропела:

– Ей легко быть горячей... Ее отец, говорят, был из Эфиопии. Вон она какая черная! Ты обманул меня, прекрасный сын царя!

Гектор стремительно шагнул к беседке. Внутри нее, на расстеленной посередине шкуре леопарда, сидели, грызя миндаль, две полуобнаженные молодые женщины. Над ними, на притороченной к стене беседки скамье, развалился царевич Парис, держа в одной руке полную горсть орехов, а в другой – золотой с изумрудами браслет, который он небрежно подкидывал на ладони.

Парис слыл самым красивым из сыновей Приама и Гекубы, и он был, действительно, очень хорош. Высокий, ладно сложенный, светлокожий и светловолосый, как Аполлон на дворцовых росписях, он был подвижен и легок, а движения отличались особым, почти женским изяществом. У него была гордая посадка головы, а лицо, идеально правильное, как у мраморной статуи, часто принимало отрешенно-надменное выражение. Темноглубые глаза, густые золотистые кудри, свободно падавшие на плечи, персиковый румянец, часто озарявший щеки, – все это делало Париса неотразимым для многих женщин. Он обладал и изрядной силой, но ее трудно было заметить – главным в царевиче Парисе было другое...

Парис, улыбаясь, наблюдал за перепалкой двух красавиц – рыжей и курчаво-черноволосой. Сам царевич, как и девушки, был почти совсем раздет – на нем оставалась только белая набедренная повязка. Пурпурный с золотом хитон валялся у самого порога беседки, там же были брошены сандалии, а леопардовая шкура, которую красавец носил вместо плаща, служила подстилкой для его любовных игр. Однако на руках царевича по-прежнему красовались четыре или пять драгоценных браслетов, в ушах – серьги в виде длинных золотых капель, голову украшал золотой обруч, на пальцах блестели кольца.

– Привет тебе, брат! – негромко произнес Гектор. – А я искал тебя.

Парис, увидав его, едва не поперхнулся миндалем, а обе женщины хором завизжали и вскочили, проворно набрасывая на себя одежду. Вход в беседку перегораживала огромная фигура героя, и темнокожая красавица с ловкостью мартышки махнула через высокий камен-

ный борт. Вторая, более плотная и не такая сильная, беспомощно заметалась, в ужасе тараща глаза на грозного богатыря.

– Я вижу, – тем же спокойным тоном продолжал Гектор, – что приказы царя Трои существуют не для всех. Царь Приам запретил гетерам заниматься своим ремеслом во время войны, чтобы не вводить в соблазн и не расслаблять воинов. Он даже работу всем вам предоставил, чтоб вы не поумирали с голоду. Я не сомневаюсь, что потихоньку вы принимаете у себя дома любителей ваших обезьяньих ужимок, но чтоб вот так устраивать забавы возле площади, где упражняются воины... Как велю изловить вас обеих и наголо остричь, чтоб не смели больше пакостничать!

– Площади, великий Гектор! – взвизгнула рыжая красotka и бухнулась на колени. – Нас сюда привел царевич, твой брат...

– Мне плевать, кто вас сюда привел, царевич, или рогатый сатир из леса! – возвысил голос герой. – Вам ведь сойдет любовник и с копытами, лишь бы заплатил! Вон отсюда, и если еще раз увижу любую из вас возле площади Ареса, бритьем головы вы не отделаетесь!

Рыжая исчезла с такой же быстротой, как и ее ловкая подружка, проскользнув мимо отступившего на шаг великана. Когда ее испуганный визг смолк в конце улицы, Гектор повернулся к Парису. Тот успел надеть свой хитон и сидел на скамье, неестественно выпрямившись и заметно побледнев. От его румянца не осталось и следа.

– Ну что, Парис? – спросил Гектор, подавляя готовое прорваться наружу бешенство. – Значит, мы все воюем двенадцатый год подряд из-за того, что ты украл чужую жену, а ты, клявшийся тогда, что жить без нее не можешь, бегаешь ночами к потаскухам, да и днем не обходишься без них!

– Вовсе не каждую ночь, брат! – воскликнул красавец. – Это бывает только иногда, когда я... ну, когда мне становится трудно терпеть капризы Елены. И зачем ты так говоришь? Я ведь тоже воюю!

– Ты?! – в ярости Гектор так ударил кулаком по одному из столбов беседки, что она содрогнулась. – Я вижу, как ты воюешь! Совсем недавно все любовались твоей «отвагой», когда ты принял вызов Менелая на поединок, обещав ему, что вернешь Елену, если проиграешь. И что? Он обезоружил тебя, сшиб с ног, как мальчишку! И ты удрал, как заяц, а потом и не подумал сдержать свое слово! И это не первый твой «подвиг»! Тебя в лучшем случае видят в покоях украденной тобою женщины, в худшем ты у гетер или у каких-то своих любовниц, о которых пока никто не знает. На поле сражения ты появляешься реже всех! Да и не только на поле сражения. Сегодня утром была твоя очередь снимать посты на стене и проверять караул. Почему это сделал Полит?! У Полита нога искалечена, он хромает, однако он бегал вместо тебя по крутым лестницам и совершал обход. Он и от участия в битвах не отказывается, хотя мог бы сослаться на больную ногу, и его бы никто не осудил! Ты позоришь род Приама изо дня в день, Парис! Простые воины смеются над тобой! Мне говорили, что шестнадцатилетние юноши, впервые уходя в сражение, молят богов дать им отвагу, чтобы не быть в бою «как муж Елены»!

– Они смеют тебе говорить такое!? – вскрикнул Парис, краснея.

– Мне никто не посмеет сказать такое о моем брате! – Гектор с трудом перевел дыхание, подавляя гнев. – Но я же слышу разговоры, мне рассказывают, что делается в войсках... У меня нет больше сил терпеть твою трусость и твои подлости, брат!

– Какие еще подлости, Гектор? – глухо спросил красавец. – Что такого подлого я сделал? Гектор усмехнулся.

– По-твоему, не подло открыто изменять женщине, которая из-за тебя совершила безумный поступок, обычно караемый смертью? Ты же позоришь Елену у всех на глазах!

– Да не у всех на глазах, никто ничего не знает, кроме рабов! – возопил Парис. – А если об этом болтает Елена, то сама и виновата... Ты же знаешь, Гектор, что характер у нее премерзкий, и я с ней тоже хлебнул дерьма!

Гектор скривился.

– Опять ты отпускаешь словечки, от которых воротит...

– А в этом не моя вина! – пожал плечами царевич. – В том, что от моих слов иногда пахнет хлевом, винить надо наших с тобою любезных родителей, дорогой мой Гектор!

– Родителей при мне не поминай таким тоном! – тут в голосе Гектора прозвучал уже не гнев, но такое едва сдерживаемое бешенство, что Парис снова побелел, как известка. – Даже если они в чем-то виноваты, не нам их судить. Не тебе, во всяком случае. За то, что ты смеешь называть виною царя и царицы, вся Троя уже одиннадцать с лишним лет платит непомерную дань. И все, хватит болтать! Не смог утром снять посты, снимешь их вечером, после захода солнца. Ты понял?

Парис побледнел еще сильнее.

– Ты считаешь, что можешь мне приказывать? – спросил он тихо. – Как старший брат младшему?

– Как военачальник и командующий армией, я во время войны могу приказывать даже царю! – с расстановкой проговорил Гектор. – И посмей не исполнить приказания... Ты знаешь меня. А теперь иди-ка на площадь и поупражняйся с мечом и копьем, не то ведь разучишься держать их в руках.

Он повернулся, быстро вышел из беседки и, пройдя шагов пятнадцать, обернулся. В его взгляде уже не было гнева, он смотрел на Париса с грустью и смущением.

– Брат, прости меня. Я, возможно, говорил слишком резко. У меня не все хорошо с нервами – война... Но постарайся понять и не делать стольких глупостей и гадостей!

– Хорошо, Гектор, я постараюсь.

Парис сказал это, пытаясь придать своему голосу мягкость, даже дрожь. Но он был слишком взволнован и разозлен, и обычный дар притворства изменил ему.

– Думаю, ты постарайся просто лучше все это скрывать, – вновь усмехнулся Гектор. – Ладно, хотя бы так...

С этими словами троянский герой вновь отвернулся от беседки, в досаде пнул ногой валявшийся на дорожке женский пояс, потерянный одной из гетер, и зашагал к площади Ареса.

* * *

– Пойдите, Александр Георгиевич! – Михаил едва дождался, когда профессор прервет чтение, чтобы затануться в очередной раз своей трубкой. – Вы употребили слово «нервы». То есть, автор употребил... У них, что же, было это понятие? Я считал, что древние греки его не знали.

Каверин написал на листке бумаги десяток букв и показал их молодому человеку. Анна, перегнувшись в кресле, тоже посмотрела.

– Я уже несколько раз встретил в тексте это слово, – пояснил профессор. – Прежде оно мне в греческих рукописях не попадалось. Здесь вообще много новых для меня слов, сам язык куда шире и богаче как древнегреческого, так и современного греческого языка. Вероятно, это и есть то самое часто упоминаемое в свитках «критское наречие», самый богатый из языков крито-микенской эпохи... А существительное, о котором ты, Миша, иначе как «нервы» не переводится, если судить по совокупности смысловых оттенков тех фраз, в которых я его нашел. Вкладывал ли автор в него то понятие, которое вкладываем мы, или люди его эпохи немного иначе все это мыслили – кто знает? Словом, я говорил и в десятый раз повторяю: их

понимание и восприятие мира куда ближе к нашему, чем у знакомых нам античных авторов, чем у людей Средневековья, чем даже у мыслителей эпохи Возрождения! Это невероятно, но это ясно следует из рукописи, а она написана именно тогда – в двенадцатом веке до нашей эры.

– Я уже понял, что они удивительно похожи на нас, – задумчиво проговорил Михаил. – Ну, а дальше, Александр Георгиевич?

Профессор оторвался от трубки и поднял со стола очки:

– Здесь снова отсутствует один свиток – вероятно, твой бойкий турок продал его. Дальше в тексте есть и более значительные пробелы, кое где не хватает и по пять-шесть свитков. Но здесь, видимо, было описано то, что мы хорошо знаем по «Илиаде»: сцена гибели Патрокла. Очень важно было бы сравнить ее с гомеровской и с теми вариантами мифа, которые мне известны. Ее, однако, нет... И мне пришлось продолжить текст с того момента, когда Ахилл узнает от посланного к нему воина, что его друг ослушался запрета, вступил в поединок с Гектором и был убит.

Глава 6

Ахилл медленно встал и огляделся, будто хотел убедиться, находится ли еще на том самом месте, где его настигло известие... Ему казалось, что сейчас все кругом изменится, и окажется, что это сон или бредовое видение, что это не наяву – то, ЧТО он сейчас услышал.

Но все оставалось по-прежнему: его шатер с откинутым пологом, застывшие на пороге воины, покрытый пылью и кровью Антилох. И это слово, стучавшее в голове, как тяжелый таран: «Убит. Убит. Убит.»

– Ты лжешь, – тихо сказал герой, глядя в лицо Антилоху с выражением такой дикой ненависти, что у юноши мелькнула мысль о его внезапном безумии.

– Но тут же Ахилл прошептал: – Нет, ты не лжешь. Это правда...

Несколько мгновений он сидел совершенно неподвижно, с лицом разом почерневшим и изменившимся, словно его сжали в тисках и смяли.

И вдруг невероятный крик, крик чудовищной, неопишуемой боли огласил шатер, лагерь и, казалось, всю равнину. В нем не только не было ничего человеческого: это был крик даже не земного, не реального существа. Будто кричал, низвергаясь в Тартар, титан, побежденный богами, кричал, летя сквозь треснувшую толщу скал, ломая руки и хребет, оставляя на камнях куски плоти. Кричал, видя, как улетает вверх, темнеет, меркнет, исчезает навсегда небо над его головой...

В ужасе Антилох и все остальные кинулись вон из шатра. Мгновение – и Ахилл рванулся следом. Но он бежал не за ними. Продолжая кричать, герой кинулся к равнине, на которой, вдалеке, где-то за облаками пыли, еще слышался гул стихающего сражения.

Он мчался едва ли не быстрее самой быстрой колесницы. Ему навстречу попадались ахейские воины, но все шарахались в стороны. Все, кто знал, и кто не знал о случившемся.

Троянские отряды подходили к городской стене, за которой уже исчезли колесницы их военачальников, когда до них долетел ужасный крик Ахилла и, обернувшись, они увидели, как герой возник из пыльной завесы и марева дрожащего от зноя воздуха. Он был без оружия, босой и в одном хитоне, но от этого показался троянцам еще страшнее. Громадный, с тучей вставших дыбом черных волос, с чудовищно искаженным лицом, выразившим одну лишь всепоглощающую ярость, с глазами, полными кровавого пламени.

– Спасайтесь! – закричал кто-то из воинов.

И отряды в панике, налетая друг на друга, ринулись к Скейским воротам.

Ахилл догнал их, когда перед городской стеной оставалось еще человек сто. Он взмахнул рукой, и двое убежавших упали на землю с разбитыми головами. Медные шлемы их были смяты, как листы лопуха... Еще удар, еще. Последние из беглецов вбежали в ворота, а за воротами бились в предсмертных судорогах либо лежали неподвижно не менее тридцати человек.

– Закрывайте, закрывайте! – кричали беглецы страже. – Скорее, или он ворвется в город!

Стражники сверху отлично видели все, что происходило у ворот, и уже отдали приказ тем, кто стоял внизу возле рычагов, двигавших громадные створки. Рычаги завертелись, створки пришли в движение, и, когда в ворота вбежал последний из уцелевших воинов, меж ними оставалась лишь узкая щель.

Еще мгновение, и Ахилл тоже оказался у ворот. Протиснуться в них было уже невозможно. Герой ухватился за громадное бронзовое кольцо, рванул, и... С внутренней стороны на два рычага налегали восемь человек, еще шестеро тянули за ремни, привязанные к внутреннему кольцу, и не меньше десятка подбежали и вцепились в бронзовые украшения створки, всей своей массой оттягивая ее на себя. Но чудовищная сила Ахилла, утроенная безумием, превысила силы двадцати с лишним могучих троянцев и мощь бронзовых рычагов. Створка поползла назад, щель стала расширяться.

– Помогите, помогите! – в ужасе закричали стражники и воины.

В это время Эней, троянский богатырь и военачальник, племянник царя Приама, последним въехавший в Скейские ворота на своей колеснице, увидел происходящее и, соскочив с повозки, бегом вернулся к воротам. Он тоже ухватился за рычаг, напрягая все силы своих железных мышц.

Несколько мгновений, казалось, сохранялось равновесие. Затем створка вновь дернулась наружу – силам Ахилла, как всем казалось, не было предела. Его громовой крик, не умолкавший ни на мгновение, слился с отчаянными воплями по ту сторону стены. Троянцы забыли, что на них нападает смертный, не думали, что, ворвавшись в город, без оружия и доспехов, герой все равно будет обречен погибнуть. Они ощущали только всесокрушающую волну ненависти, обрушившейся на них, и им мерещилось, что в город рвется сама смерть...

И тут раздался грохот, похожий на удар грома – кусок толстой медной обшивки ворот, вместе с огромным бронзовым кольцом, отлетел, оставшись в руках Ахилла. Герой опрокинулся на спину, створка стала на свое место, и стражники в мгновение ока задвинули мощные железные засовы. Эней выругался, отскочил от ворот и ринулся вверх по лестнице на стену, крича караульным:

– Стреляйте! Стреляйте же! Что вы смотрите!? Стреляйте в него!

Ахилл мигом вскочил на ноги, отшвырнул медный лист с кольцом и торчащими длинными стержнями крепления, и в ярости ударил кулаком по воротам. Лишенные части обшивки, могучие дубовые брусья ответили стоном.

В это время стража наверху опомнилась и, следуя призывам Энея, стала пускать стрелы в атакующего ворота героя. Но стрелять вертикально вниз было неудобно, к тому же пережившие потрясение воины целились плохо. Две или три стрелы все же попали в Ахилла, нанеся неопасные раны, которые он даже не заметил, а на его красном, пропитанном потом хитоне пятна крови были почти не видны.

– Стреляйте, болваны! – орал Эней, подбегая к воинам. – Стреляйте!

– Он неуязвим, ты же знаешь, Эней! – воскликнул один из стражников. – Я попал в него, но что толку? Его нельзя убить стрелой... Мать-богиня сделала его тело слишком прочным для обычного оружия.

– Дай сюда лук! Сейчас посмотрим! – зарычал Эней, охваченный яростью.

И в это мгновение рассудок Ахилла прояснился. Он понял, что не сломает Скейские ворота, а стрелы, сыпавшиеся сверху, в конце концов его прикончат, и он не оплатит Гектору и троянцам за гибель Патрокла.

Герой отскочил на несколько шагов, поднял с земли лист меди и прикрылся им, как щитом. Кусок обшивки вместе с кольцом весил как два десятка больших боевых щитов, но для Ахилла это был вес медной тарелки... Стрела, пущенная Энеем, ударилась в толстую медь и отскочила.

Ахилл отошел еще немного назад, стал среди валявшихся на земле тел троянцев, только что убитых им, и, вскинув голову, крикнул:

– Гектор, сын Приама! Ты, тварь, убившая моего друга! Или ты выйдешь в поле и примешь поединок со мной, или я войду в этот гнусный город и уничтожу в нем все и всех! Слышишь ты, ублюдок! Клянусь, я убью тебя, и ничто, и никто не помешает мне, даже если за тебя вступятся все боги Олимпа и все силы Тартара! Знай, Гектор – ты скоро умрешь!

С этими словами герой вновь отбросил гулко зазвеневшую медь, презрительно открываясь лучникам, которые, однако, застыли в ужасе и уже не думали в него стрелять. Затем повернулся и пошел прочь от Скейских ворот.

Рыча и ругаясь, Эней снова выстрелил, но злость застилала ему глаза пеленою, и он промахнулся. Еще немного, и ахейский герой, который шагал прочь быстро и не оборачиваясь, был уже далеко от Троянской стены.

Ахилл удалялся, а все, смотревшие ему вслед, мысленно благодарили богов за то, что кольцо так вовремя оторвалось от створки...

– Что произошло? Что это было, Эней?

Племянник царя, продолжавший среди общего молчания дико ругаться и посылать проклятия уже опустевшей равнине, резко обернулся. Рядом с ним, на сторожевой площадке стены, стоял Гектор.

– Что это? – он указал вниз, на трупы троянцев. – Кто их убил возле самых ворот, и почему никто не выйдет подобрать тела?

– Потому что эта тварь только что ушла! – вскричал Эней, – Но чтоб мне провалиться в Тартар и еще ниже, не понимаю, отчего я не вышел и не разделался с ним?!

– Оттого, что он бы сам разделался с тобой, как со всеми этими воинами, – произнес стоявший рядом немолодой стражник, тот, что послал стрелу и был уверен, что она не смогла ранить Ахилла. – Если бы он ворвался в город, он бы убил сотни и сотни людей... Дело дрянь, Гектор!

И пока Эней, рыча, припоминал все новые бранные слова, стражник в нескольких словах рассказал молодому военачальнику обо всем, что случилось возле Скейских ворот. Подошли другие троянцы, также видевшие со стены все происшедшее, и дополнили рассказ различными жуткими деталями.

Гектор слушал, все более и более мрачняя. Сознание вины за гибель трех десятков троянцев и пережитый остальными ужас давили его, а гордость была уязвлена оскорблениями Ахилла, которые ему также пересказали от слова до слова.

Троянский герой был в боевых доспехах Ахилла, снятых с убитого Патрокла. Они сидели на Гекторе так, будто были сделаны специально для него. Великолепные латы, сработанные с особой прочностью, были еще и очень красивы: мощные медные пластины нагрудника прикрывали сверху тонкие пластины железа, вызолоченного и украшенного насечкой, от усаженного круглыми бляшками пояса опускались широкие полосы кожи, сплошь покрытой железной чешуей¹⁸. Они доходили герою почти до колен, точно как и Ахиллу. Медные поножи и наручники тоже были позолочены, и их украшал тонкий тисненый узор. Но особенно красив был шлем – высокий, с гребнем в форме перевернутого вниз двойного полумесяца, с которого ниспадали волны конской гривы, окрашенной в ярко-желтый цвет. Гектору не удалось захватить только щита – знаменитый ахиллов щит отбил отважный Диомед, вместе с Одиссеем и Менелаем принявший бой за тело Патрокла.

– Что же мне делать? – в некоторой растерянности проговорил Гектор. – Не могу же я это так оставить... Догнать его? Но он безоружен, без доспехов... Хорош я буду, если нападу!

– Если убьешь его, это будет лучшее, что ты сделал за всю жизнь! – завопил Эней. – И я с тобою! Едем, Гектор! Эй, колесницу! Мы его догоним!

– Ахейцы только и ждут, чтобы Гектор в одиночку или с кем-то еще, но без войска высунился на равнину! – воскликнул подошедший к троюродным братьям воин Антенор. – Ахилл уже далеко, и он сейчас, даже безоружный, опасен, как смертельно раненый лев. Когда он бежал по равнине, ужас летел впереди него на десятки локтей. Я не удивлюсь, если окажется, что кто-то из тех, внизу, умер не от удара его кулака, а просто от страха. У меня тоже едва не лопнуло сердце, и я тоже бежал от него... Не знаю, правда ли, что он неуязвим для оружия – с чего бы ему тогда нужны были доспехи и щит? Но убить его в любом случае трудно, даже и безоружного, тем более сейчас. А пока вы будете с ним драться, подоспеет и Агамемнон со всей армией – они, надо думать, наготове. Не делай этого, Гектор!

¹⁸ Очевидно, имеются в виду железные пластины, находящиеся одна на другую. Кольчужное плетение в то время не применялось.

– Но он нас всех опозорил, едва не ворвавшись в Трою и перебив столько людей у самых ворот! – краснея, как мальчик, вскрикнул Гектор. – И он вызвал меня на поединок, могу ли я не ответить? Я должен драться с ним!

– И будешь убит.

Прозвучавший рядом негромкий женский голос заставил героя едва заметно вздрогнуть. Он повернулся и увидел на верхних ступенях лестницы молодую женщину в черном платье и светлом покрывале, наполовину соскользнувшем с головы. Она почти бежала, торопясь подняться на стену. Ей было лет тридцать или немногим больше, она была довольно высока ростом, худощава и, пожалуй, красива, но жесткая складка возле тонких губ, почти всегда плотно сжатых, и постоянно печальный взгляд больших темных глаз старили ее.

– Хотя бы раз ты напророчила что-то хорошее, Кассандра! – воскликнул Гектор. – Неужели все в Трое так боятся Ахилла?!

– И ты боишься его, не то уже был бы на равнине, – сказала девушка тем же негромким, но густым и звучным голосом. – Ты погибнешь, Гектор. Я сегодня видела во сне, как на тебя рушатся какие-то каменные глыбы, и ты падаешь под их тяжестью.

– При всей моей нелюбви к Ахиллу, я не замечал в нем особого сходства с каменной глыбой, – Гектор пытался и не мог скрыть раздражения и даже гнева. – И не пугай меня, сестра! Зачем ты явилась сюда пророчить мне смерть?

– Я явилась вовсе не за этим, – она перевела дыхание и говорила теперь спокойно. – Я ждала тебя возле дворца, но начался этот шум, и ты развернул колесницу, не добравшись и до внутренней стены. У нас беда: в этом сражении пропал Деифоб.

– О, боги! – ахнул Гектор, сразу забыв о предыдущих мрачных словах Кассандры. – Он убит?

– Нет, не то бы его видели мертвым. Воины рассказали, что во время твоей схватки с Патроклом, а потом с другими ахейцами над его телом, Деифоб с тремя десятками воинов, желая тебе помочь, напал сзади на отряд ахейцев. Их оттеснили, многих убили, а Деифоба и еще одиннадцать человек, скорее всего взяли в плен.

– Ну так Ахилл убьет их! – мрачно проговорил Антенор – Ему сейчас как раз кстати...

– Что же делать? О, что же делать?! – почти с отчаянием простонал герой. – Как спасти нашего брата и остальных?

– В любом случае, сейчас надо оставить Ахилла в покое, – Антенор старался говорить тверже и ровнее, но голос дрожал и у него. – Теперь он, увы, помирится с Агамемноном, и нам уже не удастся побеждать в битвах. Но, возможно, ахейцы и не узнают, что захватили твоего брата, Гектор. Когда проходили последние переговоры и ахейские послы видели Деифоба, ему было восемнадцать, а сейчас двадцать три – он сильно изменился. Тогда есть надежда выкупить его и остальных – ведь до сих пор ахейцы охотно меняли пленных или брали выкуп. Надо подождать до завтра, пока уляжется все это, и кого-то отправить послом. Хотя сейчас за жизнь этого посла трудно будет дать и ломаную медяшку... А раз так, можешь отправить меня.

– Спасибо, Антенор. Я подумаю.

Гектор опустил голову так, что золотая грива ахиллова шлема упала ему на грудь и, повернувшись, направился к лестнице. Сотни глаз сверху и снизу были обращены на него, но он ни на кого не смотрел.

– Пусть откроют ворота и внесут мертвых, – на ходу приказал герой страже.

– Значит не поедем за Ахиллом? – уже в спину ему рявкнул Эней. – Так ему это и сойдет?

– Да, Эней, – через плечо бросил Гектор. – У тебя было довольно времени, чтобы выйти к нему, но ты этого не сделал и, скорее всего, поступил умно. Я тоже хочу быть умным, хотя бы потому, что одну глупость сегодня уже сделал. Расставь-ка лучше стражу по местам – не то чуть не весь караул топчется над Скейскими воротами, а вся остальная стена осталась без охраны. Ступай!

Глава 7

– О чем они говорят? Ты не слышал?

– Только отдельные фразы. Они примирились. Ахилл уверяет, что будет сражаться, покуда не перебьет всех троянцев и не разрушит Трою, а Агамемнон обещает ему лучшую часть добычи и, конечно, клянется, что сегодня же вернет эту самую Брисеиду, чтоб у нее хвост на лбу вырос!

– Представляю ее с хвостом на лбу... Разве она виновата в ссоре базилевсов, Антилох? Будь же справедлив! Вся ее вина лишь в том, что у нее – круглое, хорошенькое личико, белые-белые зубки и точеная шейка. Я бы тоже от нее не отказался, но, само собою, не стал бы из-за нее ссориться с Ахиллом.

Этот разговор вели между собою, сидя на самом берегу, в тени одного из ахейских кораблей, два воина: тот самый юноша Антилох, что накануне принес Ахиллу известие о гибели Патрокла, и базилевс итакийцев Одиссей.

Антилох был самым молодым из участников осады: ему только что исполнилось двадцать, и в сражениях он участвовал лишь последние четыре года. Его привез сюда отец – родственник и близкий друг царя Пелея, мудрый Нестор. Нестор слыл среди ахейцев не только знатоком и укротителем коней, но и прекрасным стрелком из лука, а также лучшим из лучших возничих. Ему теперь было уже за шестьдесят, но на колеснице он не знал себе равных, нисколько не стыдясь править лошадьми, хотя и был царской крови. Впрочем, у ахейцев царский колесничий пользовался не меньшим почетом, чем, скажем, у египтян. В бою Нестор обычно правил колесницей Ахилла – молодой базилевс знал и очень ценил и его твердую руку, и его абсолютное спокойствие среди самой отчаянной схватки.

Антилоха Нестор привез в Троаду девятилетним мальчиком и растил из него воина, обучая всему, что умел сам. Юноша, высокий, крепкий, прекрасно развитый, обещал вскоре превратиться в могучего мужчину, и Нестор, давно овдовевший и не имевший других детей, любил его всеми силами души. Впрочем, Антилоха, с его добродушным и веселым нравом, любили многие.

Одиссея среди ахейцев звали не иначе, как «хитроумным Одиссеем», и он оправдал это прозвище не однажды и не дважды. Тонкий, острый и пронзительный ум этого царя не раз помогал решать сложные вопросы, нередко у Одиссея спрашивали совета другие базилевсы, когда почему-либо оказывались в затруднении, и он обычно находил выход.

Ему было тридцать шесть лет, и он был в расцвете сил и воинского искусства. Обычно люди настолько изощренного и изворотливого ума редко обладают могучими мускулами. Но к вождю итакийцев это не относилось: Одиссей уступал во всем войске Агамемнона только двоим – Ахиллу и Аяксу Теламониду. Он не был таким великаном, как эти двое, но в его поджаром теле, литых плечах, в его упругих мышцах заключалась невероятная мощь.

Лицо итакийца, загорелое и обветренное, было бы красиво, если бы не некоторая резкость и сухость черт. Тонкое, почти острое, обрамленное выющимися каштановыми волосами и короткой бородой, оно было очень подвижно, однако Одиссей следил за собою – выражение лица никогда не выдавало ни его мыслей, ни его состояния. Только в глазах – серых, глубоких, пронзительных и насмешливых – внимательный взгляд всегда прочитал бы куда больше, чем хотелось их обладателю, поэтому он приучил себя часто опускать голову и смотреть вниз.

Антилох только что пришел из микенского лагеря, где состоялось примирение Агамемнона и Ахилла. Неподалеку, на берегу моря, в это время сооружался погребальный костер: ахейцам предстояло проститься с бесстрашным Патроклом Менетидом.

– Как Ахилл? – спросил задумчиво Одиссей, вертя в пальцах круглую гальку, – Удалось ему овладеть собой?

– С виду он спокоен, – мрачней, ответил Антилох. – Он весь как окаменевший... И я не знаю, что хуже. Вчера, когда он бился и рыдал над телом Патрокла, мы боялись, что он помешается. Я даже его за руки схватил и держал, чтобы он не вздумал проткнуть себя мечом.

– А то ты его удержал бы! – усмехнулся Одиссей. – Видел я это все, ты можешь мне не рассказывать, я ведь тоже был в его шатре – мы с Диомедом и привезли тело Патрокла. Отчасти, может быть, и хорошо, что Ахилл вел себя так бурно: боль вырвалась наружу и не сожгла его изнутри. Нет, он не сойдет с ума – ум у него ясный и очень твердый, я-то его знаю хорошо. Но трудно сказать, что будет дальше.

– Одиссей, Антилох, вы здесь?

Голос донесся из-за корабля, в тени которого они сидели. И через несколько мгновений они увидели воина-микенца, вероятно, посланного за ними Агамемноном.

– Костер готов, и все уже собрались, – сказал воин, кланяясь. – Почтенный Нестор сказал, что ты, Антилох, отправился сюда за благородным Одиссеем.

– Так оно и было, – Одиссей встал, отряхивая с ног и хитона крошево мелкой гальки. – Это я задержал его расспросами. Мы идем.

Погребальный костер был сложен неподалеку от морского берега, поблизости от того места, где в бухту вдавалась насыпь бывшей троянской гавани. Смолистые кедровые бревна, уложенные крест-накрест, в несколько ярусов, были густо переложены ветвями лиственницы и вяза, полосками сухой коры и пучками мха, которым предстояло, быстро разгоревшись, воспламенить основную массу костра. Сверху были положены бычьи и козьи шкуры, поверх – несколько тонких дорогих покрывал, а на них, в чистом белом хитоне, с ногами, прикрытыми пушистой шкурой волка, лежал Патрокл. Его лицо, запрокинутое к совершенно безоблачному в этот день небу, казалось не просто спокойным – оно было по-детски безмятежно, и на побледневшей коже ярче проступали беспечные веселые веснушки.

Вокруг костра стояли все ахейские цари и все воины-мирмидонцы. Пришли попрощаться с героем и многие воины из других лагерей – за долгие годы осады Патрокл никому не внушил неприязни, никого не оттолкнул от себя обидой или оскорблением. Его высокая мужская дружба с Ахиллом внушала всем уважение, а отчаянная смелость, доходящая до безрассудства и так невероятно сочетавшаяся с его наивной мягкостью и добротой, вызывала только восхищение. Странно, но ему никто не завидовал...

Ахилл был ближе всех к костру. Он опустился возле него на колени, прижавшись лбом к сухому дереву, и плакал, глухо и мучительно, ни на кого не глядя и никого не стыдясь. Его прекрасные волосы, прежде волнами падавшие на плечи, были теперь коротко обрешаны. Герой положил их срезанные пряди на костер, рядом с телом друга. За его спиной стояли, опустив голову, царь Саламина Аякс Теламонид, огромный и могучий богатырь, в своих мощных доспехах похожий на башню, и царь Аргоса Диомед, высокий сорокалетний красавец, с густой копной светлых волос и рыжеватой бородой.

Живя в лагере особняком и тесно общаясь, в основном, только друг с другом, Ахилл и Патрокл все же сблизились с этими двумя базилевсами. Третьим, кому, пожалуй, Ахилл доверял более всех, стал хитроумный Одиссей, которого Патрокл, полушутя, называл «главным умником войска». Ахилл прекрасно видел, что итакиец, подозрительный и осторожный со всеми, к нему относится совершенно иначе. Диомеда друзья полюбили за его откровенность и честный нрав, за полное неумение и нежелание ссориться из-за богатой добычи, за презрение к страху смерти. Что до Аякса Теламонида, то этот простоватый великан сам всей душою привязался к Ахиллу, не испытывая ни малейшей досады от того, что очень быстро понял его физическое превосходство. Им двоим не было равных, и в Аяксе это рождало гордость – он любил, когда его вспоминали вместе с Ахиллом и называли их «сильнейшими из сильных». К тому же саламинского царя, из-за свойственных ему порою вспышек ярости, все боялись. Все, кроме Ахилла и царя Локриды, тоже Аякса, которого прозвали Аяксом маленьким. С ним

большой Аякс был в дальнем родстве и в давней, прочной дружбе. Он любил его даже больше, чем своего родного брата Тевкра.

Все собрались, и все было готово к погребальному обряду. Последним подошел, в окружении своих воинов, Атрид Агамемнон.

Верховный базилевс приказал всем расступиться и приблизился к Ахиллу. Почувствовав прикосновение его тяжелой руки к своему плечу, Пелид поднял голову и обернулся.

– Пора? – спросил он тихо. – Что же... Чем скорее, тем лучше. Я знаю, что должен сам зажечь огонь. Пусть так.

– Сначала нужно принести жертвы, – проговорил Агамемнон. – Я не могу утешить тебя в твоём горе, богоравный Ахилл, но хотел бы сделать подарок, который отчасти может удовлетворить твою жажду отмщения. Посмотри.

Ахилл встал с колен и взглянул туда, куда указывал Атрид старший. В это время воины привели на берег двенадцать троянских пленников. Без доспехов, покрытые пылью и кровью, со связанными за спиной руками, они шли, шатаясь, потому что почти все были ранены. Когда им велели остановиться, пленные сели, вернее, почти попадали на землю, сбившись тесной толпой. Они увидели сложенный на берегу костер, увидели Ахилла и стоявшего рядом с ним Агамемнона и почти сразу поняли, для чего их сюда привели...

– Их захватили в том самом бою, в котором пал Патрокл, – сказал Агамемнон – Я дарю их тебе – пускай станут твоей жертвой погибшему другу.

– Спасибо за подарок, – глухо ответил Пелид, и в его глазах вновь загорелся страшный кровавый огонь, который днем раньше обратил в бегство отряды троянских воинов, когда он, босой, без доспехов и без оружия, гнался за ними по равнине.

Он нагнулся и поднял с камня заранее приготовленный жертвенный нож. Большой и тяжелый, с широким лезвием. Герой повернулся, сделал шаг к группе пленников. И тогда один из них вдруг, сделав над собой усилие, поднялся с земли и медленно, стараясь не шататься, пошел к нему навстречу. Это был совсем молодой человек, почти юноша, не старше двадцати двух-двадцати трех лет. Однако он был богатырского роста и сложения, а его лицо отличалось тонкими, почти идеальными чертами и даже сейчас, бледное, грязное, со следами крови, все равно было красиво.

– Выслушай меня, богоравный Ахилл! – произнес троянец, остановившись в трех шагах от базилевса. – Прошу тебя именем владыки Зевса и всех богов: не оскверняй своих рук и своей чести убийством стольких безоружных людей! За этих воинов ты можешь взять богатый выкуп. А в жертву твоему павшему другу принеси меня одного, и это больше насытит твою жажду мести... Я – Деифоб, сын царя Приама, родной брат Гектора.

– Вот так добыча! – воскликнул негромко Агамемнон.

– Это правда, Ахилл, – подтвердил подошедший к герою Антилох, внимательно всмотревшись в лицо пленного. – Около полугода назад я сражался с ним, и если бы с моего копья не сорвался наконечник, мог бы его убить. Тогда я слышал, как его называли воины, и запомнил лицо. Это действительно брат Гектора Деифоб.

Несколько мгновений Ахилл пристально смотрел в глаза юноше, и тот, не выдержав, опустил голову. Базилевс положил руку на его чуть дрогнувшее плечо.

– Стань на колени! – тем же глухим голосом приказал он.

Если бы гордость и толкнула Деифоба на сопротивление, у него все равно не нашлось бы сил сопротивляться: рука базилевса показалась ему тяжелее каменной глыбы. Его колени подогнулись сами собою.

– Прощайте! – крикнул он, не видя своих товарищей, но зная, что те смотрят на него.

Над берегом повисла пустая, неестественная тишина. Даже крики чаек умолкли.

Мгновение Ахилл раздумывал. Легкая судорога прошла по его лицу, будто внутренне он делал над собою невероятное усилие – и вдруг, нагнувшись над пленником, одним движением ножа разрезал прочные ремни, стянувшие ему кисти рук.

Неожиданно поняв, что его руки свободны, молодой троянец пошатнулся. Среди ахейцев послышался неясный шум.

– Возьми! – Пелид протянул пленному нож рукоятью вперед, – Иди, освободи остальных, и чтобы вас тотчас здесь не было! Бери, я сказал!

Юноша приподнял было руку, но она упала, как деревянная.

– Я не могу! – прошептал Деифоб. – Руки у меня были связаны почти сутки и теперь не двигаются...

– Антилох, возьми нож и освободи пленных! – приказал Ахилл, вкладывая оружие в руку ошеломленного мирмидонца. – И последи, чтобы они ушли беспрепятственно. Все слышали? – он возвысил голос, поворачиваясь к ахейцам. – Царь Агамемнон подарил их мне, и я волен делать с ними, что мне угодно.

Ахейские воины и базилевсы зашумели было, но тут же умолкли. Среди пленных взметнулось несколько беспорядочных возгласов – они верили и не верили в то, что произошло.

– Передай Гектору, – проговорил Пелид, вновь глядя в упор на поднявшегося с колен Деифоба, – что завтра, после восхода солнца, я жду его на равнине перед Скейскими воротами. Ты понял?

– Да.

– Тогда прочь отсюда! И поскорее.

Возвратившись к костру, Пелид приказал своим воинам подвести жертвенных коз и подать кувшин с дорогим маслом.

– По крайней мере, можно было взять за них выкуп... – проворчал за его спиной Аякс Теламонид.

– Какой выкуп окупит мне моего Патрокла? – не поднимая головы, отозвался Ахилл. – Я только попрошу у тебя назавтра твои доспехи, Аякс. Всего на несколько часов. Все остальные будут мне малы.

– Бери на сколько надо, – воскликнул великан. – В них ли дело?

Жертвы были принесены, обычные жертвы, какие приносились всегда – козы, масло и плоды. И вскоре костер запылал, и густые смолистые клубы дыма скрыли от царей и их воинов веснушчатое лицо Патрокла.

Глава 8

Один, ничего не видя ни вокруг себя, ни перед собою, будто во сне, навеянном сиреной¹⁹, Ахилл возвращался к своему лагерю. В сознании, в мыслях, в душе героя жила сейчас одна-единственная мысль, одно имя: «Гектор!» Он испытывал неимоверное страдание и видел его причину, а потому всеми силами хотел только одного – уничтожить того, кто принес ему это страдание, убить врага.

– Я клянусь тебе, Патрокл, что я это сделаю! – шептал он, сжимаясь от внутренней боли и нечеловеческим усилием преодолевая ее. – Твой убийца умрет! Я клянусь тебе!

– Легко отпускать пленных, не брать выкупа, легко быть великим и великодушным, когда ты богат! Как все было красиво! Я, честное слово, готов заплакать от умиления... Не знаю, правда, проливает ли слезы душа Патрокла, которая сейчас, верно, плывет через подземную реку к берегам печального Аида²⁰... Приятно ли ему, бедняге, думать, что его нежно любимый друг пощеголял на его похоронах своей добротой, а не послал за ним вдогонку дюжину троянцев. Вообще интересно, добрее или злее мы становимся ТАМ? А?

Эти слова, внезапно достигшие слуха базилевса, вернули его к происходящему, будто грубый толчок или оплеуха. Он резко остановился и огляделся вокруг. Голос, произносивший эти глумливые слова, доносился из-за зарослей кипариса, мимо которых герой как раз проходил.

Кто-то ответил шутнику, кажется, возражая ему и возмущаясь его неуважением к мертвым. Но Ахилл не разобрал слов. Одним движением руки он раздвинул, сминая и ломая, ветви кустов и возник перед тремя беспечно болтавшими воинами, как призрак или ночной дух Тар-тара. Все трое только ахнули.

Ахилл сразу понял, кто из этих троих произнес глумливые речи. Среднего роста, коренастый воин, с густой массой каштановых волос, в которую на макушке прокралась маленькая лысинка, с лицом далеко не безобразным, но изуродованным кривым шрамом, который шел от правой брови, через щеку, к подбородку. Это украшение воин получил не на войне – он приехал сюда уже со шрамом, равно как со своим гнусным нравом и привычкой смеяться надо всем и надо всеми. То был спартанский воин Терсит, тот самый, которого сторонились почти все простые участники осады и люто ненавидели базилевсы.

– Я предлагаю тебе проверить, какими мы ТАМ становимся, Терсит! – тихо проговорил Ахилл и, прежде, чем оторопевший спартанец успел отпрянуть, схватил его правой рукой за шею, сразу нащупав пальцами мокрый от пота кадык. – Сейчас ты сам узнаешь, добрее или злее станешь, покинув этот мир. Согласен?

– Но, богоравный Ахилл, – Терсит еле ворочал языком от ужаса, однако еще пытался найти какие-то слова, которые оттянули бы его гибель, – как же я расскажу вам всем, каким я там стал? Я же не смогу оттуда вернуться!

– И об этом никто не пожалеет! – голос Ахилла вдруг зазвенел, и глаза налились бешенством, – Никто, ты понимаешь? Ты, вонючая скотина, внушаешь всем только омерзение! Пускай твоя поганая кровь осквернит меня и придется очищаться от нее*, пускай! Я избавлю всех от тебя и от твоих гнусностей!

Пальцы базилевса сжались, и он ощутил, как поддается, отступает дрожащая человеческая плоть. Еще мгновение, и хрустнут позвонки... Терсит захрипел, дернулся, беспомощно поднял

¹⁹ Сирены – мифические существа, полуптицы полуженщины. Своим пением они сводили людей с ума. Вызывали видения, в море заставляли кормчих менять курс, и корабли разбивались о скалы.

²⁰ Аид – имя одного из трех верховных богов Олимпийского пантеона, брата Зевса. Повелителя Царства мертвых. Царство, получившее имя своего владыки, омывалось подземной рекой Стикс.

руки и уронил их. Он знал, что силе Ахилла сопротивляться бесполезно, да и сопротивлялся не он, а его погибающее живое естество.

Но в последнюю долю мгновения Ахилл опомнился. Порыв отвращения был еще сильнее порыва ярости, и герой отшвырнул от себя беспомощно обвисшее тело. Терсит покатился по земле, корчась от боли, отхаркивая кровь, потом глухо закашлялся, лежа ничком. Какое-то мгновение он еще ждал удара. Но базилевс просто стоял над ним и смотрел. Приятелей насмешника давно не было видно – они унесли ноги, едва завидели перед собою грозного Пелида.

– Ну что, с тебя довольно? – глухо спросил Ахилл, когда спартанец перестал кашлять и привстал на руках, глядя перед собой мутными, пустыми глазами.

– Ты всех жалеешь? – прохрипел Терсит. – И Деифоба, и меня...

Ты только Патрокла не пожалел, когда послал в бой вместо себя, чтобы не нарушать своего слова. Да?

Он, видимо, понимал, что, произнося эти слова, идет на смерть – но натура была сильнее страха. Тело у ног Ахилла вновь сжалось от ужаса – и вдруг Пелид глухо, с каким-то страшным спокойствием произнес:

– Да. Именно так. Ты сказал правду.

– Я всегда говорю правду! – голос Терсита ломался, дрожал, он все еще не мог вздохнуть. – И за это меня все хотят убить... Я знаю, что правда не всегда нужна и не всегда хороша. Только кто бы научил меня выбирать, когда можно, а когда нельзя? Жалко, что ты меня не убил... Я очень боюсь смерти, но жить тоже не хочу – я сам себе противен! Ты тоже правду сказал: меня никто не любит.

– Теперь и меня тоже, – пожал плечами Ахилл. – Меня любил понастоящему только Патрокл. Что мы с тобой – хилые женщины, чтобы оплакивать самих себя? У меня есть цель – отомстить.

– А у меня? – глухо спросил спартанец.

– Да откуда я знаю? Что-то понять. Полюбить кого-то.

Терсит хрипло засмеялся.

– Вот-вот! Полюбить и тоже стать безжалостным. Мы все безжалостны только к тем, кого любим. Или я не прав? Чужих легко жалеть, это ничего не стоит, как ничего не стоит погладить кошку или дать собаке кусок мяса, если у тебя его много. Близким и любимым надо отдавать себя самого, и не только... Надо менять себя, уходить от себя, а это уже трудно. И, в конце концов, мы становимся жестоки. Да?

– Раз ты это знаешь, то и ты кого-то любил, – Ахилл опустил голову, вновь ощущая бесконечную тяжесть поглотившей его утраты и пытаясь отвлечься от нее. – Прости меня, Терсит. Я бы не поднял на тебя руку, но мною владеет безумие. Мне очень больно.

– Ты, великий царь, просишь прощения у последнего из воинов? – теперь в голосе спартанца звучало неподдельное изумление, – Ты и в самом деле совершенно другой, не такой... Или ты сумасшедший? Меня все считают ниже грязи, а ты говоришь со мною, как с равным, и просишь, чтобы Я ТЕБЯ простил?!

– Я сейчас в любом случае ниже тебя, – глаза базилевса сверкнули и погасли. – Я – там, в бездне, у самых врат Аида...

– Нет же! – Терсит попытался встать, но его мотнуло в сторону, и он снова закашлялся. – Как доходит до важных моментов, так у вас, у благородных, слова – прямо как у поэтов или певцов... Не понимаю я этого. Будь ты там, разве ты хотел бы отомстить? Хотя, опять же, кто его знает, как оно там?

– Вот то-то и оно...

Ахилл подошел к воину и протянул ему руку.

– Вставай. Да не смотри с таким страхом, я же хочу тебе помочь. Вот странное ты создание – на поле боя прячешься за спины других, сейчас дрожишь, как тетива после выстрела, а не боишься говорить в глаза мне и другим таким же или почти таким же гневливым царям самые неприятные вещи. Кто ты, трус или бесстрашный?

– Я – жалкий гордец, скрывающий свою трусость за выходками, которые настоящие мужчины считают позором... – Терсит ухватился за руку Пелида и с трудом поднялся на ноги. – Я – трус, который самому себе всю жизнь доказывает, что по-настоящему смел тот, кто не боится говорить... А что толку в говорильне? В любом случае, выйти один на один против врага – больший риск, чем говорить всем пакости. Даже когда они справедливы. И по-настоящему, по совести, мне легче всех.

– Почему? – не понял Ахилл.

– Потому что самое легкое – все осуждать и надо всем смеяться.

Так ты, вроде бы, всегда прав... И это ничего не стоит. За это ничего не надо отдавать. Таких, как я, много, наверное... Только я хотя бы сам себе честно признаюсь, что я такое. Другие самих себя уверяют, что они лучше всех... И что их не любят из-за их превосходства. Ха-ха! Изза превосходства не любят тебя, например... А я... Видишь, все мною брезгуют. Даже убить меня брезгуют. И ты тоже.

– Нет! – резко возразил Ахилл – Я просто понял, что тебе тоже больно.

– Есть немного... – спартанец усмехнулся, – Шея очень болит. Ты едва ее не сломал, да даруют тебе боги новые великие победы!

– Растереть тебе шею? – голос Ахилла звучал уже совсем мягко.

– Ой, нет! – воин замахал руками. – Я знаю, что ты обучен искусству врачевания, но сейчас, боюсь, у тебя слегка дрожат руки. Прости же и мне мою болтовню. На самом деле я видел, что Патрокл двадцать раз лучше их всех. Вижу, что и ты тоже.

– Это вовсе не так. Он – да, а я... Ладно, Терсит, я пойду. У меня завтра – поединок. Надеюсь, что он состоится. Прощай.

– Прощай, богоравный.

Но верный себе Терсит, дождавшись, пока Пелид почти скрылся в зарослях кипариса, негромко бросил ему вслед:

– Только смотри, не пожалей Гектора!

– Что? – не расслышав, герой обернулся.

– Ничего, ничего, это я просто бубню себе под нос... Прощай, великий!

И уже совсем тихо спартанец проговорил:

– А, может быть, именно это и было бы тебе нужно. Но этого-то и не будет. Вот ведь что худо-то!

Глава 9

Гектор застегнул ремешок шлема, еще раз проверил, как держатся поножи и пояс. В душе он понимал, что нарочно растягивает время, но не из страха перед поединком – он знал, что его все равно не избежать. Но предстояло войти в покои Андромахи, предстояло проститься с ней и с Астианаксом, и это казалось ему сейчас едва ли не страшнее встречи с грозным врагом...

Доспехи Ахилла были тяжелы – при всей своей мощи Гектор ощущал их тяжесть – но сработаны так прочно, что в них герой чувствовал себя куда увереннее. Он пересек коридор дворца и, толкнув дверь, вошел в комнаты жены.

Гектор ждал слез, мольбы, отчаяния. Но ничего этого не было. Андромаха обняла мужа, всем телом прижавшись к холодному железу, и замерла. Потом ее руки скользнули по его рукам, коснулись лица.

– Значит, ты не можешь туда не идти? – тихо спросила женщина.

– Ты же знаешь, – сказал он. – Я все тебе объяснил.

– Знаю. Хочешь видеть Астианакса?

– Хочу.

Андромаха не стала звать рабыню, как сделала бы в другое время. Она сама выбежала из комнаты и вернулась почти сразу. На ее руках, весело играя серебряными кольцами материнских сережек, прыгал румяный и кудрявый малыш, их с Гектором трехлетний сын Астианакс.

– Иди ко мне, маленький! – позвал Гектор, протягивая руки.

Ребенок посмотрел на него и плотнее прижался к Андромахе.

– Мама, а это кто? – спросил он с опаской.

Шлем с широким выступом и густой конской гривой совершенно менял лицо царевича, и мальчик не узнал его. Гектор рассмеялся.

– Ну вот! Одного героя я уже устрасил!

Он поспешно расстегнул пряжку и стащил с головы шлем. Увидев внезапно возникшее перед ним лицо отца, Астианакс завопил от восторга и раскинул пухлые ручонки, сию секунду обхватив могучую шею Гектора.

– Папа! А почему у тебя нос так блестел? И волос было так много?..

Герой прижимал к себе маленькое, упругое и теплое тело мальчика и чувствовал, как все сильнее поднимается в нем одно-единственное желание: так же взять на руки Андромаху и с ними обоими бежать куда-нибудь прочь, исчезнуть, скрыться, пропасть. Потому что иначе нужно идти туда, на равнину перед Троянской стеной. И умереть.

«Как стыдно! – подумал Гектор, – Хорошо, что никто не видит наших мыслей...»

Неслышно подошла Эфра, любимая рабыня его жены, и осторожно приняла на руки малыша, когда Гектор бережно разнял его объятия и поцеловал выпуклый лобик.

– Унеси, – сказал он рабыне и вновь повернулся к жене.

И убедился, что ее мужество не беспредельно: теперь она плакала.

– Прости меня! – прошептала молодая женщина, опуская голову – Я знаю, что нельзя... Но мне страшно... Гектор! Что бы ни случилось... Я буду с тобой.

– Я люблю тебя, Андромаха, – сказал герой, вновь привлекая ее к себе – Тебя, первую и последнюю. Прости меня!

Он вышел из Скейских ворот один, как ни разу еще не выходил в бой. Ворота раскрыли перед ним молчаливые и растерянные стражники. Никто не пытался удержать его. Этого он боялся больше всего: вечером накануне и отец, и мать, и братья, и все, кто только мог с ним поговорить – все как один умоляли его отказаться от страшного поединка.

Сейчас у ворот не было никого, кроме воинов и стражи. Все остальные поднялись на стену, и Гектор был благодарен отцу (а еще более – матери, потому что наверняка решающее

слово сказала она) за то, что ему не пришлось выносить новых прощаний и напутствий. Он со всеми простился во дворце.

Залитая утренним светом равнина была пуста. Очень далеко неровной темной чертой виднелись ряды ахейцев, выстроившихся не для атаки – они ждали. Ждали его, Гектора.

Он прошел вперед шагов двести и остановился. С Троянской стены долетали неясные возгласы с Троянской стены – оттуда виднее была равнина, и, наверное, собравшиеся наверху троянцы уже видели то, что сейчас предстояло увидеть ему.

И он увидел. От густой толпы ахейцев отделился и пошел вперед огромного роста воин, в таких же, как на самом Гекторе, блистающих доспехах, в шлеме со светлой конской гривой, с копьем невероятных размеров. Ахилла легко было узнать издали.

Он шел ровным, размеренным шагом, не ускоряя и не замедляя движения. Шел так спокойно, будто и не собирался драться насмерть. Его круглый шлем был бесстрашно сдвинут на затылок, и чем ближе он подходил, тем яснее можно было рассмотреть его лицо, тоже спокойное, с чуть нахмуренными бровями, с презрительно сжатым ртом, бледное, но исполненное той страшной уверенности, которая дается перед боем только тому, кто не боится умереть.

– Гектор! – донесся с Троянской стены отчаянный крик, и герой узнал голос отца. – Гектор, слышишь, вернись! Опомнись, сын, не губи нас всех! Ты – единственная надежда Трои... Он убьет тебя, и тогда ахейцы возьмут город! Вернись, пожалей меня – я потерял уже столько сыновей и близких! Тебе откроют ворота! Сын мой, вернись!

– Я не могу, отец, и ты это знаешь! – ответил герой, не поворачивая головы, чтобы не видеть тех, кто на стене. – Я должен драться. И уже поздно.

– Гектор, мальчик мой!

Это был голос матери. Но она ничего больше не крикнула, даже не позвала его во второй раз. О, как он был благодарен царице Гекубе за ее силу! Позови она его еще раз, попроси вернуться, и он мог бы дрогнуть...

Еще кто-то что-то кричал. Голоса Андрوماхи Гектор не слышал. Его жена была на стене, в этом он не сомневался, но она молчала...

...Ахилл шел и шел вперед, и вот уже его лицо, освещенное восходящим солнцем, стало совсем отчетливым под блестящим изгибом шлема. И глаза, не темные, а будто вспыхнувшие огненно-золотыми искрами, смотрели прямо в лицо Гектору, смотрели в него и сквозь него.

«Нельзя! – подумал вдруг Гектор. – Нельзя с ним драться... его нельзя победить. Может, пойти к нему навстречу, сложив оружие, предложить переговоры, пообещать от имени отца, что мы вернем Елену и все, что Парис похитил в Спарте, заплатим любую дань, выполним любые условия... Чушь! Он не станет слушать и просто заколет меня, как свинью на бойне!» Тряхнув головой, герой отогнал малодушные мысли. Между ним и Ахиллом оставалось уже не более тридцати шагов.

И тут, словно при яркой вспышке молнии, Гектор ясно увидел, что это подходит его смерть. Не опасность, не угроза была в этом лице, в этих ровных, будто неторопливых шагах, но именно смерть, беспощадная и непреклонная. Ахилл шел, чтобы убить его, и Гектор понимал, что будет убит.

И тут смотревшие с Троянской стены увидели то, что ошеломило их и вызвало общий крик смятения: их великий защитник, шлемоблещущий Гектор внезапно бросил на землю тяжелый щит, копье, повернулся и кинулся бежать! Он бежал так, как не бегал ни разу в жизни, охваченный даже не ужасом – то было чувство вообще не человеческое, а скорее звериное – дикое, ни с чем не сравнимое желание сохранить жизнь.

Ахилл, увидев, что троянский герой кинулся прямо к Скейским воротам, бросился ему наперерез. Гектор вкладывал в бег все свои силы, но Ахилл бежал куда быстрее и преградил ему путь шагах в сорока от ворот, которые стража приоткрыла, но тут же захлопнула, едва Пелид оказался к ним ближе, чем Гектор. Тот, поняв, что путь к спасению отрезан, рванулся

в сторону и побежал вдоль Троянской стены. Он мчался что было сил, ничего не видя, уже не выбирая дороги. Дикие вопли ужаса, долетавшие со стены, не касались больше его слуха. Он слышал лишь ровный и стремительный топот позади, звон щита и легкий скрежет нагрудника, и знал, что его враг все на том же расстоянии – шагов в двадцать-тридцать. Ахилл бежал, не бросив ни щита, ни копья, казалось, даже не замечая их тяжести, равно как и тяжести своих доспехов.

Сколько длился этот безумный бег? Впереди снова показалось широкое пространство равнины, и Гектор, захлебываясь застрявшим в горле дыханием, сквозь пелену залившего глаза пота увидел, что бежит к своему лежащему на земле щиту. Копье валялось шагах в семи-восьми от щита. Значит, они обежали вокруг города...

Гектор остановился, обернулся. Ахилл тоже остановился, переводя дыхание, но не задыхаясь, будто этот бег и не стоил ему больших усилий. И троянский герой, внезапно опомнившись, понял, что Пелид мог двадцать раз догнать его и поразить сзади, но не сделал этого, потому что хотел поединка, а не убийства!

Шатаясь от изнеможения, Приамид подобрал щит и копье, выпрямился.

– Торжествуешь? – глухо спросил он Ахилла.

– Жду, когда тебе надоест бегать от меня, – ответил тот все с тем же спокойствием.

– Больше я не побегу, – сказал Гектор. – Я готов драться.

– Не готов, – голос базилевса звучал ровно, почти не выдавая ни ненависти, ни презрения, и от этого был еще страшнее. – Ты едва дышишь. Отдыхай, я подожду.

Он оперся на копье и стоял, опустив щит, почти не глядя на Гектора. С Троянской стены теперь не доносилось ни звука. Молчали и ахейцы, до того все время вопившие от восторга и посылавшие вслед беглецу насмешливые выкрики.

Некоторое время молчали все и все. В этой неестественной тишине упорно верещала лишь какая-то цикада, перепутавшая утро с вечером...

– Все! – теперь голос Гектора прозвучал твердо. – Мы можем начинать. Но перед тем, как будем биться, выслушай меня, Ахилл. Я знаю, как ты меня ненавидишь. Я тоже ненавижу тебя, хотя и благодарен безмерно за то, что ты пощадил вчера моего брата и других пленников... Мы не можем знать наверняка, кто из нас падет в этом бою, но знаем оба, что один будет убит. Я даю слово, что не стану бесчестить твоего тела, если боги даруют победу мне. Обещай то же самое, поклянись, что если убьешь меня, то дашь моим родным предать меня погребению!

Впервые за все время какая-то тень промелькнула на лице Ахилла.

Губы его дрогнули и покривились.

– А не ты ли пытался отсечь мечом голову убитого Патрокла? – спросил он тихо. – И ты хочешь заключить со мной договор? Нет и не будет между нами договоров! Дерись, троянец, и помни: ты дерешься последний раз в жизни. Я убью тебя!

Гектор понял, что в следующий миг ахеец бросит в него «пелионский ясень». Но Пелид медлил, и сын Приама первым вскинул свое копье и метнул его. Ахилл не уклонился, но лишь с огромной быстротой поднял свой круглый щит. Наконечник копья ударил в середину щита, прогнул, но не пробил его. Недаром ахейцы, сражаясь за тело Патрокла, так упорно отбивали ахиллов щит!

Ахейский герой даже не пошатнулся. Он сделал лишь одно движение, лишь взмахнул правой рукой, и «пелионский ясень», точно гигантская стрела, сверкнул в воздухе. Гектор, ожидавший удара, пригнулся, почти прижался к земле и почувствовал, как чудовищное копье рассекло воздух в том месте, где только что была его грудь... Он выпрямился. Его копье лежало у самых ног Ахилла, нечего было и думать вновь овладеть им.

– Зевс-громовержец! – прошептал герой и, вырвав из ножен меч, бросился навстречу врагу. Ахилл ждал его, не вынимая своего оружия, его рука лишь касалась кованой рукояти

меча. Но, когда между ними оставался один шаг, новое неумовимое движение, – и широкое лезвие сверкнуло перед самым лицом Гектора.

Два громадных меча ударились один о другой, лязг и скрежет достигли, казалось, Троянской стены и застывших в ожидании рядов ахейцев. В обе стороны брызнули искры. Отброшенный неимоверной силой Ахилла, Гектор отступил на два шага, пошатнулся, теряя равновесие, и тут же ощутил, как огненное жало обожгло правое бедро. Наконечник меча на ладонь вошел в тело. Кровь хлынула, заливая колено, затекая за поножь. Гектор глухо вскрикнул, отступил, пытаясь восстановить равновесие. В то же мгновение закричал и Ахилл. Его крик, гортанный, дикий, прозвучал как рычание тигра, увидавшего кровь жертвы. До сих пор он, как никогда, владел собою – но эта кровь, пролитая им кровь ненавистного убийцы Патрокла, вызвала приступ безумия. Рыча, он кинулся вперед и вновь взмахнул мечом. Каким-то чудом Гектор отбил удар, но на этот раз от толчка упал. Прокатившись по земле, он вскочил и снова отбежал на несколько шагов. Ахилл бросился следом – и увидел шагах в десяти свое копье, вертикально вонзившееся в землю. Одним прыжком он оказался рядом, схватил «пелионский ясень» и замахнулся.

Гектор видел, что на этот раз не успеет уклониться. Их разделяло расстояние локтей в двадцать. Не было и надежды, что могучий нагрудник сможет его защитить – у Ахилла хватит силы пробить толстое кованое железо.

Впрочем, Пелид, даже и охваченный бешенством, помнил, что должен вернуть свои драгоценные доспехи, и не стал калечить нагрудник. Он метнул копье круто вверх, и в первое

мгновение Гектору показалось, что оно пролетит над ним... Но вот оно уже падало, рушилось на него, так точно нацеленное, будто им управляла невидимая рука. В последнюю долю мгновения Приамид успел прикрыться щитом. «Пелионский ясень» расколол его надвое, как скорлупу ореха и, войдя наискосок, над левой ключицей, пронзил горло Гектора.

Короткий страшный крик, в котором прозвучала смертельная боль, прервался хрипением. Кровь пеной закружилась вокруг черенка железного наконечника. Инстинктивным движением Гектор еще успел вырвать копье из раны и, захлебываясь кровью, корчась в судорогах, упал в липкую и вязкую пыль.

Он услышал вопль ужаса и отчаяния, донесшийся с Троянской стены и различил в сотнях рвущихся к нему голосов пронзительный крик матери:

– Гектор! Нет, нет!!!

Ахилл стоял над ним, нависая, заслоняя небо и все, что еще оставалось ему видеть. Глаза Пелида, эти ужасные глаза, взгляд которых обратил троянского героя в бегство, светились безумным кровавым огнем.

– Прошу тебя... – с клочкотанием крови вытолкнул Гектор из груди и горла еле слышимые слова. – Твоими родными, всеми, кого ты любишь... Проси у отца любой выкуп, золота... рабов... Он все даст... Верни им мое тело... Всеми богами заклинаю тебя!

– Заклинай хоть всем сводом небесным, хоть каждым божеством поименно! – ответил Ахилл, и голос его звучал почти так же хрипло. – Я любил только Патрокла, которого ты убил! Не надейся, ни за какие сокровища я не верну твоего тела родным, троянский пес! Никто не омоет твоих ран, их будут лизать собаки! Ты сгниешь непогребенным и неоплаканным! Подымай!

– У тебя... не сердце человека... – у Гектора уже почти не было голоса, последние конвульсии сотрясали его тело. – Ты... как лютый волк... Но и ты умрешь...

– Умрут все, – сказал Пелид почти спокойно, следя за агонией врага и упиваясь ею, будто она вливалась в него новые и новые силы – А мне было важно увидеть, как умрешь ты!

Но Гектор уже не слышал его. Закатившимися, остекленевшими глазами он смотрел мимо лица Пелида в какую-то неясную и незримую бесконечность.

– Эвоэ! – взревел Ахилл, потрясая над головой копьем. – Эвоэ! Он мертв! Ты слышишь, Патрокл?! Он мертв!!!

– Эвоэ! – гремели со всех сторон голоса ахейцев, подходивших и подбегавших к победителю с радостными воплями.

Их крикам вторил пронзительный хор рыданий и отчаянных стонов с Троянской стены.

– Дай же и нам вонзить копья в мужеубийцу, губителя стольких наших героев! – вскричал маленький Аякс Локрийский, подскочив к Ахиллу и в восторге уже заноса свое копье, чтобы поразить им мертвеца, с которого Пелид в это время стащил свои залитые кровью доспехи.

– Не трогать! – прогремел Ахилл, выпрямляясь. – Он мой! Все прочь от меня!

И так страшен был его взгляд и его лицо, затуманенное безумием, что все отпрянули.

– Колесницу! – крикнул герой, ни к кому не обращаясь, но зная, что его приказ тотчас исполнят.

Антилох молча подвел к нему запряженных в повозку коней.

– Я сам буду править!

Бросив на дно колесницы снятые с Гектора доспехи, Ахилл взял лежавший в ней длинный ремень и, нагнувшись, захлестнул им лодыжки убитого. Он стянул петлю как можно туго и затем привязал другой конец ремня к медному кольцу позади колесницы. Вскочив в повозку, герой тронул вожжи, затем, увидев, как поспешно расступаются перед ним ахейцы, нетерпеливо хлестнул коней.

– Эгей! Вперед!

Колесница рванулась с места, понеслась, и окровавленное тело величайшего из троянских героев повлеклось за нею, утопая в клубах пыли.

Ахейцы снова закричали, потрясая в воздухе оружием, и снова им ответили рыдания с Троянской стены. Ахилл нарочно направил колесницу прямо к Скейским воротам, не доехав до них локтей двести, развернул коней и помчался вдоль стены, чтобы все, наблюдавшие сверху, хорошо видели страшное бесчестие Гектора.

– Отродье Тартара! Будь ты проклят! – прозвучал низкий, сорванный женский голос. – Да будет твоя смерть еще ужаснее! Да не оплачет тебя никто на земле!

Это кричала царица Гекуба, стоя на одном из выступов стены, на самой ее кромке. Покрывало упало с ее головы, и она, вырвав из волос гребни, в отчаянии растрепала их по плечам и спине. Приам стоял рядом, закрыв лицо руками, молча и глухо рыдая.

Другие троянцы тоже стали выкрикивать проклятия и угрозы, но все это лишь вселяло в Ахилла новое ликование. Он отомстил! Их отчаяние было его утешением, его наградой после дней тоски и скорби.

– Смотри, Патрокл! – снова крикнул герой и, вновь повернув коней, помчался прочь от стен Трои.

И тут на стене, возле Скейских ворот, среди общих стенаний, раздался короткий, отчаянный возглас:

– Нет, Гектор, нет!!! – и тонкая женская фигурка в светлом платье, как птица, мелькнула над краем стены и ринулась вниз.

– Андромаха, стой! – запоздало крикнул стоявший рядом с нею Эней, пытаясь схватить женщину, но только ее плащ остался у него в руке.

Этот безумный прыжок был, казалось, самоубийством – высота стены в этом месте была около пятнадцати локтей. Но легкое тело Андромахи упало на гибкие ветви ивового куста, одного из немногих кустов, росших возле самой стены. Ветки спружинили, и, хотя затем сломались, но отвратили сильный удар о землю. Андромаха упала среди этих смятых ветвей, несколько мгновений лежала, оглушенная, потом встала – исцарапанная, в порванном платье, и, шатаясь, оступаясь, бросилась вслед за уносящейся в клубах пыли колесницей Ахилла.

– Нет, нет, Гектор... – твердила она и бежала все быстрее и быстрее.

– Она тоже погибла! – воскликнула Гекуба чужим, изменившимся голосом.

– Погибли мы все! – прошептал Приам и заплакал громко, навзрыд, не стыдясь уже никого и, скорее всего, уже никого не видя.

* * *

Камин почти догорел. На горячих углях плясали низенькие сине-красные сполохи, да время от времени две-три крупные золотые искры вырывались из-под спуда почерневших поленьев и взлетали в черное жерло каминной трубы.

За окном стояла ночь.

– Ну я и увлекся! – ахнул, поглядев на часы, Александр Георгиевич. – Да и вы тоже... Как вы теперь поедете? Такси вызовем, или останетесь у меня?

Аня всхлипнула, промокнув нос платком, помотала головой и, взглядом испросив разрешения, кинулась к телефону.

– Да все в порядке, чего ты? – ответил на том конце провода сонный голос Веры. – Спят они, как лапочки... Да, поели, и йогурты смолотили за милую душу! Анюткин, да не бери в голову – в наши обязанности входит, если надо, оставаться с детьми на ночь. Какая еще приплата, ты что, офанарела?! Ну... можешь мне подарить хорошую пару «санпелегрино» или шоколадный наборчик красивенький, это я не откажусь! А чего ты плачешь-то, что случилось?

Ой! Кого убили?! Какого Гектора? Я его знаю? Это, что ли, тот армянин с твоего курса? Так он вроде Геворк... Что? Анька, ну тебя, ты меня напугала!

– Да, вот оно как! – протянул Михаил, залпом допив совершенно холодный чай. – А вот здесь уже все совершенно, как в «Илиаде», и вообще, как в известных вариантах сюжета.

Глаза Каверина вдруг сверкнули.

– А вот и нет! Вот как раз отсюда и начинается полнейшее расхождение и с «Илиадой», и с известными вариантами. Именно с этого момента все было абсолютно не так!

– Тогда... Тогда можно дальше, а? – с мольбой в голосе попросил Ларионов.

– Двенадцать ночи, Миша, – напомнил профессор, хотя был явно доволен. – И твою жену мы уморили...

– Нет, нет, Александр Георгиевич! – закричала Аня. – Я не устала! Ну хотя бы часик почитайте еще... Или вы ложитесь спать, а мы с Мишей сами...

Каверин засмеялся.

– Ладно. Аннушка, ты ставишь чайник, а Миша подбросит дровец и раздует огонь – у нас тут не Трояда, и за окном минус восемнадцать. И скоро – Рождество. Давайте, давайте, за дело. А я возвращаюсь к нашей рукописи.

Глава 10

Колесница неслась все быстрее. Кони ощущали, что ездок обезумел и сами мчались, будто безумные, покрытые пеной, взрывая копытами мягкую землю, храпя и вскидывая оскаленные влажные морды к жесткому встречному ветру.

Ахилл весь ушел в это стремительное, бесконечное движение. Движение поглотило его, он перестал ощущать время и самого себя, он тоже вдыхал горячий, сухой ветер и в эти мгновения ничего больше не чувствовал, кроме дрожи колесницы и нескончаемого бега коней.

Внезапный крен повозки застал его врасплох, и лишь стремительная реакция помогла избежать падения. Он натянул вожжи, шатаясь, упираясь коленом в борт колесницы, пока не почувствовал, что повозка стала. И тут же понял, в чем дело: одно из колес едва не соскочило с оси.

Пелид спрыгнул на землю, перевел дыхание и сразу почувствовал давящую духоту чужого нагрудника. Доспехи, что одолжил ему Аякс Теламонид, вроде бы были впору, но все-таки теснили грудь. Ахилл снял их, оставшись в одной набедренной повязке, и с облегчением вздохнул. Потом медленно обошел вокруг колесницы и остановился над телом поверженного врага.

На всем пути сумасшедшего движения колесницы земля была мягкая, покрытая густой летней пылью – и тело, волочившееся за повозкой, нагое, вымазанное кровью и грязью, осталось почти невредимым. К тому же оно, должно быть, даже ни разу не перевернулось, все время оставаясь на спине – и лицо Гектора, обращенное к расплавленному жарой небу, тоже было невредимо. Застывшее, оно казалось удивленным. Полузакрытые, закатившиеся глаза блестели узкими полосками подернутых кровью белков. Кровь еще сочилась из страшной раны на горле, темными нитями тянулась ото рта к щекам, змеилась по подбородку.

Ахилл стоял над телом и не мог понять: что неуловимо знакомое мерещится ему в прекрасных, почти совершенных формах Гектора? Где-то он будто бы уже видел эти великолепные пропорции, эту законченность и легкость при всей несокрушимой мощи литых мышц. Что-то, чего не было ни в ком другом... И внезапно вспомнил – вспомнил свое отражение в абсолютно гладкой воде лесной запруды. Базилевс невольно содрогнулся. На какой-то миг ему показалось, что позади колесницы, в густой пыли, нагой и окровавленный, лежит он сам...

Опомнившись, герой тряхнул головой и, вновь обойдя повозку, присел на корточки возле перекошенного колеса. Крепивший его стержень выскочил из гнезда, и Пелид немало провозился, пока, отколов от борта колесницы щепку, не выточил лезвием меча другой, временный стерженек. Несколькими ударами кулака он вернул колесо на место, хотя обычному человеку потребовался бы для этого молот.

Наконец, починка была закончена. Ахилл разогнул спину и, привалившись плечом к борту выпрямившейся повозки, вновь глубоко вздохнул и закрыл глаза. Невероятное, оглушающее опустошение вдруг навалилось на него. Только что кипевшее в нем безумное ликование исчезло, будто сдутое ветром, и он понял, что ликовал впустую... Его месть совершилась. Враг, убивший его единственного друга, лежал мертвый в двух шагах, но это больше не приносило никакого удовлетворения. Сейчас, стоя над мертвым Гектором, он как-то сразу, внезапно понял, что этой новой смертью, этим убийством, прибавленным к бесчисленному ряду его кровавых подвигов, он ничего не добился...

Пелид медленно огляделся. Высокое жаркое небо разливалось над равниной сплошным, глубоким молчанием. Ни птичьего голоса, ни звона цикад. Все замерло, все умерло, как его выжженная дотла душа...

И тут будто какой-то звук или тень звука коснулись его напряженного, как тетива, слуха. Что-то, чего, казалось, не могло быть, но оно было... Он вслушался. Что это? Ему показалось...

нет, не показалось, звук повторился, и теперь он понял: это был еле слышный стон. Откуда? Кто мог стонать посреди совершенно пустой равнины?

Внезапная мысль, как кипятком, обожгла сознание. Одним прыжком Ахилл вновь обогнул колесницу и... Он всмотрелся в сведенное судорогой лицо Гектора. Оно было по-прежнему неподвижно – но напряженный взгляд уловил едва заметное, скорее угадываемое биение пульса во вздувшейся на виске жилке. И тут снова из приоткрытых окровавленных губ послышался тихий, как дыхание, невероятно слабый звук – тот самый! Сомнений не оставалось – Гектор был еще жив!!!

Ахилл вскрикнул, отшатнулся, отпрянул. Не сразу, но все яснее он начал понимать, ЧТО сделал... Всем существом вдруг представил, что должен был чувствовать своим помутившимся сознанием Гектор, когда его тело волочилось в пыли за стремительно несущейся колесницей, подскакивало на кочках, изгибалось в рытвинах, когда камешки и корни терзали его, сдирая кожу...

– Но я же не знал! – прошептал Ахилл, пытаясь оправдаться перед самим собой.

Новый стон, вылетевший из подернутых синевой губ, заставил героя опомниться. Что же он смотрит? Надо прекратить это!

Он вытащил из колесницы свой меч, обнажил его, поднял, собираясь нанести удар. Впервые в жизни Ахилл готовился ударить лежащего, и его охватило ощущение дурноты. Рука дрожала, противная дрожь возникла в коленях.

«Не думай, бей!» – приказал он себе.

И в это мгновение глаза Гектора открылись. Полные боли, измученные, они смотрели прямо в лицо убийце. Гектор видел его, видел занесенный меч. Расширенные до предела зрачки, казалось, стали еще шире. Беспомощный, детский ужас поднялся из глубины глаз, губы дрогнули.

Это длилось лишь несколько мгновений. Затем Ахилл резко опустил меч и следующим движением бросил его назад, в колесницу.

– Не могу! – крикнул он, будто бы не самому себе, а кому-то, кто хотел его рукой нанести удар, и чьей воле он сумел воспротивиться...

– Не могу, – повторил он уже почти спокойно. – Ну, и что же делать?

Глаза раненого закрылись. Судорога прошла по телу, он снова, на этот раз яснее, застыл. Ахилл видел, что это еще не агония – во всяком случае, она может продлиться еще очень долго.

Пелид огляделся. И с удивлением понял, что в ослеплении промчался мимо трех ахейских лагерей, каким-то образом свернул к горному склону и, когда колесо соскочило с оси, оказался немного в стороне от лагеря мирмидонцев, неподалеку от леса, взбравшегося вверх по некрутому скосу. Справа, всего в ста шагах, начиналась священная апельсиновая роща, та самая, в которой они еще недавно так любили отдыхать вместе с Патроклом.

Новое яркое воспоминание об убитом друге пробудило в душе резкую боль, но не злобу. Ахилл снова взглянул на распластанное в пыли тело Гектора. И ощутил как что-то острое, будто горячая игла, кольнуло его прямо в сердце.

«Если я не могу его добить, – подумал герой, – то нужно хотя бы перенести его в тень, спрятать от этих жгучих солнечных лучей. Тогда он будет умирать не так мучительно...»

Он вновь достал меч, на этот раз для того, чтобы обрезать ремень, которым ноги раненого были привязаны к колеснице. Едва он успел это сделать, едва выпрямился, собираясь вложить клинок в ножны, как вдруг за спиной у него раздался пронзительный, невероятный в полной тишине крик:

– Не надо!!!

Он вздрогнул и стремительно обернулся.

По равнине, прямо к нему, бежала женщина. Само ее появление, словно бы ниоткуда, так ошеломило Пелида, что он подумал: не видение ли возникло перед его глазами, после стольких потрясений... Но нет, женщина была на самом деле. Тонкая и грациозная, в изорванном до лохмотьев нежно-зеленом платье, в облаке медно-рыжих, до колен, волос, босая, с окровавленными ногами – она бежала, шатаясь, хрипя, оступаясь, беспомощно протянув к нему руки.

– Не надо! – вновь простонала она.

– Что «не надо»? – воскликнул растерянно Ахилл.

– Не убивай!

И она упала перед ним на колени, подняв вверх залитое потом и слезами, выпачканное пылью лицо, невыразимо прекрасное даже сейчас, несмотря на грязь, бледность, искусанные и опухшие губы.

– Откуда ты взялась?! Кто ты такая? – выдохнул Пелид, поднимая выше свой меч, чтобы женщина не ухватилась за него и не изрезала себе руки.

– Я – жена Гектора, – хрипло произнесла она. – Я бежала за твоей колесницей, по следу крови...

«Сколько же времени я возился с колесом, что она успела? – подумал герой, уже совершенно растерявшись. – И как она смогла пробежать столько? Я сам бы падал от усталости... И как ей удалось миновать три ахейских лагеря? Или им сейчас ни до чего нет дела – празднуют... или приняли ее за лесную нимфу и не решились остановить?»

– Я знала, что он жив, – продолжала женщина, хватаясь за руку героя, державшую меч. – Прошу тебя, Ахилл, заклинаю тебя жизнью твоих отца и матери, не убивай его!

– Мой отец уже умер, – глухо сказал герой. – А моя мать, если верить в историю моего рождения, бессмертна... И я не собирался его убивать. Он и так умирает. Я взял меч, чтобы обрезать ремень. Клянусь, когда я привязал Гектора к колеснице, я был уверен, что он мертв!

Эти слова оправдания вырвались невольно, и прозвучавшее в голосе Ахилла смятение и смущение внушили женщине надежду.

– Да, да, я знаю, ты не стал бы мучить раненого! – воскликнула она.

И... я вижу, его можно еще спасти! Именами всех богов, богоравный Ахилл! Дай мне одну из твоих лошадей и позволь попробовать довезти Гектора до Трои...

Ахилл рассмеялся коротко и резко, и тут же передернулся, будто от внезапной боли.

– Даже будь я и вправду сумасшедшим, за которого ты приняла меня, троянка, я бы вряд ли это сделал. Но допустим, я исполнил бы твою просьбу. Во-первых, его нельзя везти на лошади, да и в колеснице тоже, он умрет почти сразу. Если ты думаешь, что его можно спасти, то должна дать ему возможность лежать неподвижно. И второе: ты каким-то образом пробежала вслед за мной через три наших стана. Обратного ты не пройдешь и одна, а уж тем более, с ним вместе.

Молодая женщина еще крепче сжала его руку.

– Ну так помоги мне! Помоги... Я знаю, что раз ты не добил моего мужа, то в твоём сердце уже нет ненависти... Ты не такой, как другие! Вся Троя была в изумлении от твоего великодушия, когда вчера ты отпустил Деифоба и других троянских пленников! Помоги мне спасти моего Гектора, и я клянусь тебе: он никогда, никогда больше не будет убивать ахейцев!

– Как можешь ты клясться от имени мужчины, безумная?! – возвысил голос базилевс. – Кто дал тебе право?..

– Я знаю моего Гектора! – вскричала она, поперхнувшись пылью и слезами, закашлялась, но продолжала: – Ты видишь – он на грани смерти. Возможно, он уже не будет здоров, и его прежняя сила исчезнет. Но если и нет, разве после такого твоего великодушия, обязанный тебе жизнью брата и своей жизнью, – разве после всего этого Гектор сможет поднять против тебя меч?

Ахилл покачал головой, все с большим изумлением глядя на это хрупкое и слабое существо, в котором все яснее проявлялась совершенно немыслимая сила.

– Как тебя зовут? – спросил он, наконец.

– Андромаха.

– Ну вот, Андромаха... Все это – пустой разговор. Рана Гектора смертельна. Тебе не спасти его. Я обрезал ремни, чтобы перенести его в рощу, в тень. Сейчас я это сделаю. Если хочешь, помоги – поддержи ему голову.

Со всей осторожностью, все более поражаясь себе, герой поднял тело своего врага на руки. Гектор снова застонал, и Андромаха тихо заплакала, бережно подставив руки под его вывалившиеся в грязи кудри. Пока они шли, у Ахилла родились две мысли: во-первых он вспомнил про свой грот за рощей и решил, что отнести туда раненого будет всего удобней – там никто его не найдет. И вторая мысль, очень смутная и как бы прозрачная, но совершенно неотвязная: снадобье! Он вспомнил о хранившемся в его шатре снадобье старого Хирона!

Глава 11

– Теперь подай мне мох. И оторви полоску от своего хитона – он и так уже весь изорван. В колеснице лежит мой плащ, но он куда более грубый.

Говоря так, Ахилл ловко и аккуратно заканчивал перевязывать раненого. Перед тем, войдя вместе с Андромахой в прохладную тень грота, герой уложил Гектора на свою постель из травы и листьев и осторожно обмыл его раны и все тело прозрачной родниковой водой, струившейся по выступающему из стены пещеры камню. На этом же камне рос светлый, очень чистый мох, который часто применяли при перевязках, и герой воспользовался им, не имея под рукой ничего лучше.

Рана на горле Гектора была ужасна. Наконечник «пелионского ясеня» вошел почти вертикально сверху, вонзился до самого черенка и проник глубоко в грудь. Ахилл никак не мог понять, каким образом Гектор может быть жив, получив такую рану. Укол меча на бедре троянца был тоже глубок, но кость не задета, значит, эта рана не представляла особой опасности.

Страшнее всего Пелиду было увидеть спину троянского героя. Правда, он ожидал худшего: каким-то образом колесница миновала на своем пути глубокие впадины, острые камни, кони несли ее по мягкой земле, и лишь кое-где корни и осколки кремня впились в кожу раненого, местами она была содрана, и из ранок сочилась сукровица. Но все же спина Гектора превратилась в один громадный кровоподтек...

Наложив повязки с помощью полосок коры, выюна, мха и обрывков ткани от хитона Андромахи, Ахилл осторожно опустил раненого на подстилку.

– Вот, – он нахмурился, пытаясь отогнать все ту же неотвязную мысль, и понял, что у него это не получается. – Я хотел сказать, что больше ничего не могу сделать, но это была бы ложь... Слушай, Андромаха, я не возьму в толк, почему твой муж не умер – он должен быть уже мертв. Наверное, у него больше жизненной силы, чем бывает обычно. Может быть, он и может... Во всяком случае, если уж я взялся за это... Одним словом, у меня есть одно снадобье... но за ним нужно идти в мой лагерь. Жди меня и ничего не бойся – про этот грот никто не знает...

– Я не боюсь, – тихо сказала Андромаха.

Дойдя до колесницы, Ахилл вдруг подумал, как беспечно бросил ее посреди равнины, даже не привязав лошадей (хотя в этом месте их и не к чему было привязать!). В повозке лежали его собственные, снятые с Гектора, драгоценные доспехи, копье и меч, доспехи большого Аякса... Понятное дело, украсть их тут было некому, но, вспугнутые каким-нибудь зверем, кони могли унести колесницу невесть куда... Ахилл даже не вспомнил об этом!

«Со мной, действительно, что-то неладно!» – почти равнодушно подумал герой и, вскочив в колесницу, хлестнул лошадей и помчался к лагерю.

Мирмидонцы встретили своего базилевса криками восторга. Но его сумрачное лицо сразу отбило у всех охоту подходить и поздравлять героя с победой, а заодно и спрашивать о чем бы то ни было. Исчезновению привязанного к колеснице тела Гектора никто особенно не удивился, все подумали, что Пелид просто бросил его где-то на равнине, на растерзание птицам и шакалам...

Войдя в свой шатер, Ахилл махнул рукой Брисеиде и двум другим ожидавшим его возвращения рабыням, приказывая выйти. Он ощущал волнение и торопился, будто от быстроты его возвращения в грот зависела не жизнь его злейшего врага, а, по крайней мере, его собственная...

Бутылка из скорлупы огромного ореха лежала там, куда он ее положил в день своего прощания с Хироном – на самом дне походной кожаной сумки. За все дни войны он ни разу не доставал ее, помня слова старого мудреца: «Это на крайний, на самый-самый крайний случай!» Значит, этот случай настал...

Ахилл аккуратно опустил бутылку в полотняный мешок, сложил туда же почти весь запас самшитового мха²¹, собранного в здешних горах, свернутые холщовые бинты и большой кусок целого холста, несколько глиняных чашек, небольшой медный горшочек. Кинул нож с роговой рукоятью, зачем-то большой роговой гребень (возможно, он неосознанно представил себе в этот момент медные струи волос зеленоглазой Андромахи), положил огниво и трут.

В последний момент, уже собравшись выходить, герой вдруг понял, что не переоделся и собирается идти в перепачканной кровью и пропитанной потом набедренной повязке... Он крикнул Брисеиде, чтобы скорей принесла чан с водой и таз, поспешно, почти лихорадочно, обмылся с ног до головы (даже не сняв сандалий, чтобы не терять времени, и вызвав этим дикое изумление рабыни), надел чистый хитон и пояс и набросил на плечи плащ, чтобы спрятать привешенный к поясу мешок. Захватил лук со стрелами и короткий бронзовый меч.

Все это время Тарк, встретивший колесницу еще на подъезде к стану мирмидонцев, молча лежал в углу, следя за хозяином и понимая, что тому не до него. И когда Ахилл свистнул ему и коротко позвал: «Тарк, за мной!» огромный пес даже взвизгнул от радости и, подскочив, кинулся следом за Пелидом.

У порога шатра ждал Антилох, и герой, испугавшись вопросов юноши, сразу стал отдавать распоряжения:

– Последи, чтобы воины не сильно напились, Антилох. Не то как бы их ликование не кончилось плохо... Я уйду... мне нужно отдохнуть. Если кто-то из базилевсов станет меня разыскивать, объясни, что я хочу побыть один. Ты понял? Да, и пошли кого-нибудь вернуть Аяксу Теламониду его доспехи и передать мою благодарность. Лучше отправляйся с этим сам. И найди среди моей добычи какой-нибудь богатый подарок для большого Аякса. Если бы не он, мне не в чем было бы выйти на поединок. Все, ступай, оставь меня теперь!

Он понимал, что, если возьмет колесницу, это вызовет совсем уже странные мысли у его воинов, и поэтому, оказавшись за пределами лагеря, просто припустил бегом через кусты и через лес. Он бежал напрямик и едва ли медленнее, чем двигалась бы колесница, поэтому вернулся к гроту лишь чуть за полночь. Тарк мчался следом, не отставая, но и не обгоняя его.

Подходя к спрятанному среди кустов входу, герой вдруг услышал голос Андромахи. Сперва он напрягся и вслушался, заподозрив, что кто-то еще проник в пещеру, но тут же понял: Андромаха говорила со своим лежащим в беспамятстве мужем...

– Все хорошо, родной мой! – ее голос звенел необычайной, не знакомой Ахиллу нежностью, – Все хорошо! Я знаю: ты не слышишь меня, но я буду говорить, потому что душа твоя, которая сейчас между жизнью и смертью, меня слышит. Не уходи, останься, Гектор! Потерпи... Скоро станет лучше.

– Я пришел! – сказал Ахилл громко, пригибаясь и входя в грот.

Андромаха обернулась к вошедшему, и в ее глазах сверкнула радость. Левой рукой (правой она держала безжизненную руку мужа) молодая женщина попыталась поправить на плече сползающее разорванное платье.

«Я не взял для нее никакой одежды! – подумал Ахилл. – А у моих рабынь этого тряпья, как у цариц!.. И еды никакой не взял...»

– Это Тарк, – сказал герой, заметив, что Андромаха с опаской смотрит на вбежавшего следом за ним пса. – Он будет вас охранять, когда я уйду. Ни человек, ни зверь не тронет вас при нем. Тарк, слышишь: эту женщину и раненого ты должен охранять ото всех! И никуда не отлучаться, пока нет меня. Ты понял, Тарк?

Пес оскалил зубы и вильнул пушистым хвостом.

– Он все понимает, – пояснил Ахилл. – Не бойся его.

²¹ О целебных свойствах мха, растущего на столах самшитовых деревьев, люди знали с глубокой древности. Самшитовый мох убивает болезнетворные бактерии и дезинфицирует раны.

– Я его не боюсь, – Андромаха слабо улыбнулась, но губы ее задрожали. – Гектору очень плохо, Ахилл. Ты принес... принес снадобье?

– Да, – он даже не обиделся на ее вопрос, понимая, КАК она ждала. – Вот. Грей воду, и побыстрее, а я пока займусь его раной.

И он протянул Андромахе медный горшочек и трут с огнивом.

– Сучья набери возле грота, их тут хватает. И не разводи большого костра – не то будет полно дыма. Сложи очаг из небольших камней.

Отдавая эти приказания, он, тем временем, вновь опустился на колени возле лежащего в беспамятстве Гектора. Тот выглядел хуже, чем два-три часа назад: лицо заострилось, глаза, плотно закрытые, утонули в глубоких черных провалах, кожа посерела. Дыхание участилось, стало сухим и мучительным, при каждом еле слышном вздохе на сомкнутых губах вспухали крохотные розовые пузырьки крови...

Сняв повязку, Ахилл увидел, что рана начала воспаляться.

– Этого я и боялся! – прошептал он, уже не удивившись слову «боялся» – Ну что же, посмотрим, что удастся сделать этому волшебному зелью!

Он безгранично верил мудрости Хирона и знал, что тот не мог ошибиться в свойствах волшебного снадобья.

Ахилл вытащил пробку из горлышка бутылки, и маленькую пещеру наполнил густой аромат неведомых горных трав, пчелиного воска, какого-то знойного ночного цветка... На подставленный кусок чистого холста медленно вытекала не жидкость, а очень густая, янтарно-коричневая масса, почти непрозрачная и вязкая, как мед. На ощупь она казалась теплой.

Пропитав тряпицу зельем, Ахилл аккуратно приложил ее к ране на горле Гектора и прибинтовал, проводя бинт наискосок через грудь героя, чтобы не стягивать повязку на горле. Потом он так же поступил с раной на бедре, понимая, что и она может воспалиться. Нагретую Андромахой воду Пелид вылил в чашку и добавил туда зелья. Оно долго не растворялось, когда же растворилось, вода стала желтой и ароматной. Со всей осторожностью Ахилл разомкнул сжатые губы раненого и по капле влил жидкость ему в рот. К его облегчению, Гектор проглотил снадобье – он еще мог глотать!

– Что теперь? – тихо спросила Андромаха.

– Теперь только ждать.

Он вновь осторожно положил раненого на место и укрыл своим плащом.

– Завтра утром я поменяю повязку.

– А сейчас ты уйдешь?

Голос женщины задрожал, и она посмотрела на Ахилла с такой мольбой, что тот невольно опустил глаза.

– Мне нужно в лагерь. Я ушел, никому ничего не объяснив. Ты же сказала, что не боишься. И Тарк остается с вами.

– Я... не боюсь. Не боюсь зверей, не боюсь, что сюда придут люди. Но... если Гектору станет хуже?

Ахилл покачал головой.

– Я ведь больше ничего сделать не могу!

– Можешь! – горячо воскликнула Андромаха и с какой-то детской отвагой схватила его за руку. – Ты столько знаешь... Если ты будешь здесь, ничего плохого не случится!

– Хорошо. Я останусь.

«В самом деле, ничего страшного, если меня не будет в лагере! – мелькнуло у него в голове. – Я же сказал Антилоху все, что нужно...»

Чтобы как-то оправдать свою уступчивость, он переделал очажок, неловко сложенный Андромахой, и дабы сделать его прочнее, принес с берега ручья глины и старательно обмазал

ею камни. На краю поляны рос наполовину высохший куст, герой выломал его и наготовил сухих ветвей с тем, чтобы их хватило на всю ночь.

Он понимал, что спать им не придется...

Глава 12

Ночью у Гектора начался жар. Его тело пылало, по лицу и груди текли ручейки пота. Дыхание стало слышнее, но сделалось еще более трудным и хриплым.

После полуночи раненый стал бредить. Говорить связно он не мог, лишь хриплый, невнятный шепот вылетал из его воспаленных губ. Среди бессвязного бормотания несколько раз отчетливо прозвучало только имя Андромахи...

– Он чувствует, что ты здесь, – сказал Ахилл, видя, как мертвеет и искажается лицо молодой женщины. – Говори же, говори с ним, как говорила днем, и он не уйдет в Царство мертвых!

– Я слышу дыхание смерти! – прошептала она, задышавшись. – Бог смерти Танат стоит где-то там, в темноте, и ждет, когда ему можно будет войти...

– Пускай только попробует! – воскликнул Ахилл в порыве безумного, ничем не объяснимого гнева. – Я верю моему учителю – зелье, которое он дал, победит смерть! А если упрямый бог из Аидова царства вздумает все же проникнуть в мой грот, я спутаю ему крылья, как некогда сделал великий Геракл, если верить сказаниям²²...

Ночной хор цикад уже умолкал, рассыпавшись отдельными голосами, небо на востоке стало выше и прозрачнее, как обычно перед восходом утренней звезды. Вдруг Гектор дернулся на своем травяном ложе, страшно вскрикнул и, что казалось невероятным, привстал и рванулся вверх. Он почти сел, и на повязке, охватившей его шею, все шире и все страшнее стало проступать кровавое пятно. Еще миг, и от напряжения кровь хлынула бы из горла, влилась в грудь...

– Нет! – дико вскрикнула Андромаха.

Но Ахилл успел вовремя. Он сорвался с места, охватил обеими руками раненого и прижал его назад, к постели. Гектор бился в судорогах. Они были так сильны, что несколько мгновений Пелид с трудом удерживал троянца – силы того, казалось, удесятерились... Но вот он обмяк, вытянулся, вздрогнул и затих.

– Он умер?! – прошептала Андромаха, склоняясь к мужу и не слыша больше его дыхания.

– Нет, он жив, – ответил Ахилл, поправляя плащ, прикрывавший раненого и прикладывая руку к его груди. – Жар спадает... И сердце бьется ровнее, хотя и слабо. Снадобье действует. Он может выкарабкаться...

Огонь в очажке тихо пританцовывал на горке углей, то привставал оранжевыми сполохами, то опадал и прятался под красными, будто кровью налитыми головешками. Он уже почти не освещал небольшое пространство грота, и густые тени подползли вплотную к людям. Ахилл и Андромаха сидели рядом, на охапке сучьев, вглядываясь в лицо раненого, которое тоже совсем растворилось в темноте и выступало бледным, нечетким пятном.

Лежавший у входа Тарк заворчал и привстал, втягивая ноздрями воздух. На фоне темной завесы кустов огненно замерцали его глаза и сверкнули белые искры обнажившихся клыков.

– Дичь, да? – тихо спросил Ахилл пса. – Ну, вперед! Принеси-ка и нам дичи – а то мы ничего не ели!

Пес мгновенно исчез. Спустя несколько мгновений предутреннее безмолвие нарушил короткий сдавленный вскрик, хруст ветвей, какое-то трепыхание, и затем Тарк снова показался на пороге лесного грота. Его челюсти сжимали что-то большое, повисшее неподвижно и уже мертвое.

²² В одном из мифов о Геракле рассказывается, как он вернул своему другу Адамету его рано умершую любимую жену Алкесту. Когда бог смерти Танат явился за ее душой, Геракл одолел его а драке, связал и потребовал душу умершей в обмен на свободу

Ахилл подкинул в очажок дров, пламя вскинулось длинными языками, желтыми, как глаза Тарка, и стало видно, что тот принес в грот тушку барсука, крупного, когтистого, сильного зверя. Вся охота могучего пса заняла лишь несколько мгновений...

– Не самая лучшая дичь! – проговорил Ахилл, осматривая добычу – Мясо у них жестковатое. Этот, впрочем, довольно жирный.

Герой быстро освежевал тушку, кинул Тарку потроха, голову и переднюю часть барсука, а остальное рассек ножом на небольшие кусочки, нанизал на прямые веточки и воткнул их в остывающую золу по краям очага.

– Хотя бы это съедим, – произнес он устало. – Сейчас изжарится... А ты, Тарк, не хрусти тут костями и не оставляй клочьев шерсти. Ступай-ка завтракать за порог!

Пес захватил зубами то, что еще не успело исчезнуть в его пасти, и выполз из грота. Слышно было, как он, устроившись среди кустов, с удовольствием доедает свою часть добычи.

– Он и вправду понимает человеческую речь! Все слова понимает! – прошептала удивленно Андромаха.

– Да, – кивнул Ахилл, поворачивая палочки с мясом, чтобы оно быстрее жарилось. – Он – человеческое дитя. Хотя его матерью, вероятно, была волчица, а отцом один из псов, которых мы сюда с собой привезли. Патрокл нашел его в лесу, еще слепого. Волчица, должно быть, а он не умел добывать себе еду и должен был умереть. Он даже не умел лакать из чашки, и Патрокл придумал ему соску – приделал к кожаной фляге узкую трубку, тоже из кожи, и давал щенку молоко. Чтобы он не замерз, кто-то из нас каждую ночь брал его к себе в постель. Он был тощий – только голова и лапы. Но очень быстро стал расти. И научился понимать все, что мы ему говорили. Патрокл уверял, что иногда он даже пытается что-то сказать, и у него почти получается.

Огонь вновь ярко вспыхнул, и осветилось осунувшееся личико Андромахи. Она молчала, склонив голову, потом тихо спросила:

– Вы с Патроплом дружили всю жизнь?

– Почти всю – ответил Ахилл. – Когда мы подружились, ему было девять лет, а мне пять. Сперва он пытался меня учить и иногда надо мной подсмеивался. Я как-то рассердился и поколотил его. И тогда он мне сказал: «Думаешь, если ты самый сильный, то уже и умный?» И с тех пор я никогда ни с кем не дрался... Только на состязаниях. Два года мы не расставались. Потом пять лет я жил в пещере у моего учителя Хирона, и с Патроплом виделся редко. Но от этого мы еще сильнее привязались друг к другу. Я и сюда приехал только потому, что приехал он... он ведь тоже был среди женихов Елены и тоже давал проклятую клятву – помогать тому, кого эта белокурая змея выберет на его голову своим мужем! Патрокл не раз говорил мне, что с его стороны это было чистое ребячество – это жениховство и все, что из этого вышло!

– И он не мог отказаться участвовать в войне? – голос Андромахи задрожал.

– Не мог – клятва ведь!

– И ты не отговаривал его?

– Я? – Ахилл вдруг горько рассмеялся. – Мне было тринадцать лет, и я совершенно не понимал, какое несчастье обрушилось на нас... Я вообще мало что понимал тогда. Я мечтал о великих подвигах, о великой славе... Я совершил эти подвиги, добился этой славы. И потерял моего Патрокла!

Судорога исказила лицо Ахилла. Волна прежней невыносимой боли, от которой он едва не лишился рассудка в первые часы после гибели друга, вновь затопила сознание. Он глухо зарычал, стиснув кулаки с такой силой, что суставы захрустели. Та же кровавая темнота на миг закачалась перед глазами героя. И пропала. Он увидел прямо перед собой бледное лицо Андромахи, ее расширенные от ужаса глаза.

– Не бойся! – прошептал Ахилл, стирая ладонью струйки пота со лба и висков. – Да, я еще не могу этого осознать и пережить, но... уже ничего плохого не сделаю. Знаешь, этот грот...

он мне напоминает о Патрокле! Патрокл любил лес, как и я. Только я этот лес чувствовал нутром, как зверь, а он его осознавал душой, будто поэт из Микен или с Крита. Он слушал, как поют птицы и уверял, будто понимает, что они друг другу говорят! Шелест листьев для него был голосами нимф, и он их не боялся – ему казалось, что мы и загадочные существа леса – почти одно и то же!.. Он был старше меня, но из нас двоих я один вырос и стал взрослым, а мой Патрокл остался юным и жил своими прежними мальчишескими мечтами. А ведь он был отважен, отважнее меня – легко быть храбрым, зная, что ты самый сильный... Я знал, что он всегда рискует, и не подумал об этом тогда, в последний раз!..

Он говорил и говорил, изливая свое горе, впервые выражая его словами, впервые ища сочувствия у другой человеческой души, тоже пережившей огромную боль. Замолчав, переводя дыхание, он посмотрел на Андромаху и увидел, что она плачет, уткнув лицо в колени, содрогаясь всем телом.

– Ты что? – спросил он почти с испугом. – Не надо... У тебя все будет хорошо!

– А я не о себе! – она вскинула свои громадные глаза. – Я плачу о Патрокле! Как страшно, что умер такой хороший человек... ни за что умер! О, боги, боги!

И она разрыдалась еще сильнее.

– Спасибо! – Ахилл осторожно тронул ее дрожащее плечо влажными от пота пальцами. – Спасибо... Его ведь ни одна женщина не оплакивала. Наши рабыни плакали, конечно, но это был просто плач по доброму хозяину, да еще желание угодить мне!.. Спасибо тебе, Андромаха. А теперь успокойся. Ну! Рассвело, видишь? Давай съедим эту барсучину – она давно изжарилась, а потом согрей-ка воды. Надо снова перевязать раненого.

С прежней осторожностью герой снял повязку с горла Гектора и, увидев рану, не удержался и крикнул:

– Эвоэ! Воспаление прошло! Совсем прошло! И рана чистая. Действует!!! Снадобье Хирона действует! Эвоэ!

Действительно, рана совершенно очистилась. Прошел и жар. Мучительное забытие Гектора уже походило на сон.

– Мне кажется, он выберется, – сказал Ахилл, поменяв все повязки и вновь напоив раненого разведенным в воде снадобьем. – Да, я уверен, что все будет хорошо. Слышишь, Андромаха?

Она только тихо всхлипнула, разбирая дрожащими пальцами потные, спутанные кудри мужа.

– Ты едва держишься, – хмурясь, проговорил Ахилл. – Чуть не сутки прошли. Ты ночь не спала. Надо отдохнуть.

– Я не спала две ночи, – сказала молодая женщина, вновь поднимая на Пелида глаза, обведенные синими кругами безмерной усталости. – В ночь перед поединком я не смыкала глаз. Но ты... ты ведь тоже не спал!

– Да, – он кивнул, – Эта ночь была четвертая. Я не мог уснуть со дня смерти Патрокла.

– В таком случае, – твердо произнесла Андромаха, – первым отдохнешь ты. Ложись и спи. Я буду около Гектора и, если что, разбужу тебя. Спи, Ахилл! Ты тоже похож на тень из Аидова царства!

– Рад это слышать! – проворчал он и... сдался.

– После полудня сразу буди меня! – велел Ахилл, укладываясь. – Потом поспишь ты, а к вечеру я опять осмотрю рану Гектора и уйду в лагерь. Будет скверно, если меня начнут искать. Тарк сюда никого не впустит, но совершенно ни к чему, чтобы кто-нибудь даже близко подходил к гроту... Поняла, женщина? Сразу после полудня.

И с этими словами он растянулся прямо на негустой поросли мха, пересыпанного сухими листьями, и почти мгновенно заснул.

...Сперва ему ничего не снилось. А потом он увидел свой старый детский сон, не посещавший его с начала войны: отмель возле незнакомого знойного берега, сверкающие спины дельфинов, прыгающих над волнами, и девушку – синеглазую черноволосую девушку, которая смеялась, играя с этими дельфинами, и манила его рукою: иди, иди ко мне! И снова он знал, что это не его мать, и вообще – не богиня и не нимфа – это – живая девушка, и он любит ее. Но он знал также, что никогда не видел ее наяву и никогда не увидит, если не произойдет чуда.

Глава 13

– Где же ты пропадал? О тебе уже стали тревожиться...

С этими словами Одиссей поднялся навстречу Ахиллу с невысокой каменной скамьи, в далекие времена поставленной здесь троянцами, и теперь наполовину вросшей в землю и покрытой мхом.

Ахилл не удивился появлению в своем лагере хитроумного итакийского базилевса – Одиссей и прежде часто к нему заходил. Если они и не были дружны, то, во всяком случае, находили между собою куда больше общего, чем каждый из них с остальными ахейскими царями.

На этот раз герою показалась странной одежда итакийца: впервые он увидел Одиссея в длинном, почти до щиколоток, хитоне, сшитом из плотной тяжелой ткани, отделанном по рукавным проймам и по подолу короткой бахромой и подпоясанном широкой полосой тонкой, богато выделанной кожи.

– Ну, ты и нарядился! – проговорил Ахилл, ответив на приветствие итакийца. – Может, все уже решили, что война окончена?

Одиссей покачал головой, и в его короткой светло-курчавой бороде промелькнула улыбка, всегда придававшая лицу итакийца особенное загадочное выражение.

– Иные из царей, действительно, надеются, что после твоей великой победы Троя вот-вот будет взята. Но, конечно, ее едва ли отдадут без боя... Агамемнон уже посылал за тобой, Ахилл: он хочет назначить на завтра общее собрание, чтобы решить, как организовать штурм города.

– Штурм? – мирмидонец пожал плечами. – Он что, собирается снести городскую стену или придумал, как вышибить Скейские ворота?

Он говорил, неторопливо шагая по направлению к своему шатру. Одиссей шел рядом.

Было уже совершенно темно, и караульные разошлись с четырех сторон и в середине лагеря высокие костры. Вокруг них собрались чуть ли не все мирмидонские воины – никто в эту ночь не торопился спать, звучали возбужденные возгласы, смех, иногда кто-нибудь заводил песню, но сразу умолкал: Антилох строго исполнял приказ Ахилла и второй вечер подряд следил, чтобы в лагере не было пьянства. Конечно, мирмидонцы пили вино, празднуя новый, самый великий подвиг своего базилевса, но никто не переходил меры. Увидав Ахилла, воины и подавно спешили поспрятать кувшины и чаши – его долгое отсутствие и бледное, нахмуренное лицо, в неверном свете костра еще более суровое и осунувшееся, наводило на мысль о том, что осуществленная месть не облегчила душу Пелида...

– Агамемнон не надеется сломать ворота или разрушить Троянскую стену, – проговорил Одиссей. – Но есть другие мысли. Отвлечь большую часть троянцев к одной стороне стены, а тем временем попробовать взобраться на стену с другой стороны. При таком искусном полководце, каким был Гектор, это едва ли удалось бы – он сразу просчитывал все наши хитрости. Но теперь у троянцев нет ни умного полководца, ни величайшего их воина.

– И все равно, вздумав идти на штурм, мы угробим половину наших воинов, если не больше, – пожал плечами Ахилл. – Атридам, наверное, мало погребальных костров!

Одиссей очень пристально посмотрел на него, и Ахилл поспешно отвел глаза, опасаясь почти сверхъестественной проницательности итакийца.

Они уже подходили к высокому шатру базилевса, когда Одиссей вдруг взял товарища за локоть.

– Постой. Прежде, чем мы войдем к тебе, я хочу кое о чем спросить. Ты...

– Войдем, и там спросишь, – нетерпеливо прервал Пелид. – Я устал.

– Понимаю. И все же постой. Во-первых, ты спросил, отчего я надел эти тряпки. Да просто вдруг вспомнил, что сегодня – день, когда моему сыну исполняется ровно четырнадцать

лет. Глупо, но вот, расчувствовался... И второе. После гибели Патрокла ты говорил, что хотел бы истребить троянцев, всех до единого. Правда, потом ты отпустил пленных. А как теперь: похоже, ты не так уж рвешься их убивать? Ты утолил свою жажду мести?

Ахилл опустил глаза, потом вновь их поднял:

– Скажу тебе откровенно, Одиссей: на самом деле месть не дает ничего. Совершенно ничего. Возможно, мне сейчас легче, но только не от того, что я отомстил. А убивать... Мне – как, я думаю, и тебе – все это смертельно надоело. Но не ты и не я будем решать, сколько еще этому продолжаться.

– Это и так, и не так, – Одиссей смотрел в лицо герою с тем же неотступным вниманием. – И вот отчего я тебя удержал перед входом в твой шатер: дело в том, что тебя там кое-кто ждет. Я решился тайно привести этого человека в твой лагерь и укрыть у тебя в шатре. Кроме меня, один Антилох это знает: он сейчас там, с ним...

Ахилл вдруг почувствовал, как по спине пробежал озноб. Он знал, О КОМ говорит Одиссей, и очень боялся встречи, которой теперь, вероятно, было уже не избежать.

– Вижу, ты угадал! – воскликнул итакийский базилевс. – И понимаю, что ты, возможно, так долго не возвращался в лагерь, именно опасаясь этого... Но я не мог отказать в помощи старику, обезумевшему от горя. У меня ведь тоже есть сын... И я не знаю, что случилось бы со мной, если бы моего сына на моих глазах привязали за ноги к колеснице и проволокли, как тряпку, по земле.

Пелид резко повернулся к Одиссею. Его глаза так страшно сверкнули, что, при всем своем бесстрашии, итакиец отступил на шаг.

– Ты будешь судить меня?! – глухо спросил Ахилл. – Изволь! Сын есть и у меня, а у тебя не было и никогда не будет такого друга, каким был мой Патрокл!

– Я знаю и не осуждаю тебя, даже в мыслях! – воскликнул Одиссей с такой несвойственной ему горячностью, что Ахилл сразу поверил в искренность его слов. – Просто я пожалел старика, и знаю, что ты тоже пожалеешь его. Решай все сам. Я уйду, Ахилл, и прошу тебя простить мою смелость. Царь Приам ждет тебя. И ты знаешь, что ему нужно: всего лишь то, что, быть может, еще осталось от тела его первенца, если осталось что-нибудь.

Сказав это, Одиссей повернулся и исчез в темноте.

Несколько мгновений Ахилл в полной растерянности стоял перед входом в шатер. Будь Гектор действительно мертв, Пелиду, возможно, было бы сейчас легче. Но что, в самом деле, должен он сказать человеку, пережившему из-за него боль, которую не всякий вынес бы, сохранив рассудок?

Внутри шатра горели, зажженные Антилохом, два высоких бронзовых светильника. Сам юноша стоял, прислонившись к центральной опоре, положив правую руку на рукоять меча. Его фигура была ярко освещена, тогда как человек, сидевший на низкой скамье, был весь в тени. Герой сперва не увидел ничего, кроме рук, свесившихся между коленей, сухих и безжизненных, желтых, как пергамент, со взбухшими синими жилами.

– Мой базилевс! – воскликнул Антилох, оборачиваясь к вошедшему. – Одиссей привел сюда...

– Я знаю! – как можно тверже ответил Пелид – Я видел Одиссея. И я благодарю тебя, Антилох. А теперь ты можешь идти.

Юноша заколебался.

– Но...

– Ты что, думаешь, будто мне что-то угрожает?! – воскликнул герой. – Ступай, говорю тебе, и последи, чтобы никто не подходил к шатру близко – я не желаю, чтобы нас подслушивали. Иди!

Когда полог шатра упал, базилевс медленно приблизился к сидящему.

Тот поднял голову и пристально, сквозь застилавшую его глаза пелену, посмотрел на подходившего героя. В грозном величии огромной и мощной фигуры Ахилла было что-то невероятное, что-то не от человека, а как будто от божества. Но лицо было таким измученным и печальным, что не могло вызвать страха.

Сидевший встал. Он был очень высок ростом, хотя и много ниже Ахилла. Однако сейчас спина троянского царя ссутулилась так, будто у него вырос горб. Вместо обычной богатой одежды на Приаме был темно-синий траурный хитон и такой же плащ, широкий и длинный, без украшений. Красивые седые волосы царя Трои, обычно аккуратно уложенные, сейчас просто висели до плеч, обрамляя потускневшее, серое лицо. Голова старика была непокрыта.

Мгновение он стоял, вглядываясь в Ахилла, затем сразу, будто потеряв силы, упал перед ним на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.